

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Г.А.Дегтярев

**ЧУВАШСКАЯ НАРОДНАЯ
АГРОБОТАНИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ**

Под редакцией и с предисловием
Н.И.Егорова

Чебоксары — 2002

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

УДК 811.512.111
ББК 81.2. Чув—3
Д 26

Р е ц е н з е н т ы :

доктор филологических наук ***Г.Е.Корнилов***
(Чувашский государственный университет),
доктор филологических наук ***Л.П.Сергеев***
(Чувашский государственный
педагогический университет)

ДЕГТЯРЕВ Г.А. Чувашская народная агроботаническая терминология. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. — 140 с.

Книга посвящена изучению ономазиологической структуры и территориального распространения (лингвогеографического аспекта) чувашской народной терминологии, связанной с земледелием. Основное внимание уделено ее «ботанической» части: названиям культурных растений и сорных трав, обозначениям морфологических частей и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур.

Издание адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся языком и его связями с культурой.

ISBN

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2002.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На первый взгляд, книга Г.А.Дегтярева — сугубо лингвистическая, она посвящена разностороннему комплексному изучению земледельческой лексики чувашского языка. Однако, если задуматься поглубже, ее содержание намного шире: в ней через призму языка просматривается история развития земледельческого труда у болгаро-чувашей и их далеких предков. Более того, собранный и систематизированный в данной книге репрезентативный эмпирический материал в известной степени освещает историю развития культуры земледелия на широком хронотопологическом пространстве евразийских степей по крайней мере на протяжении последних двух тысячелетий.

Настоящее исследование впервые в чувашеведении предоставляет в руки историков богатый и научно выверенный фактический материал для изучения чрезвычайно актуальной и до сих пор практически почти не затронутой специалистами проблемы — истории земледелия кочевых народов евразийских степей. Кочевники и земледелие... Не правда ли, звучит как-то странно и интригующе. Но факты — вещь упрямая, а они однозначно свидетельствуют о том, что и классические номады, там, где это было возможно, практически никогда не расставались с земледелием.

Развитие земледелия было одним из действительно больших достижений человека, которое можно сравнить лишь с укрощением огня.

Когда и как возникло земледелие? Когда наши далекие предки — прототюрки — начали заниматься земледелием? Ответить на эти вопросы мы можем только предположительно: самое начало потеряно на заре истории. Археологи утверждают, что со времени появления первых поселений неолитического человека в Малой Азии и Европе и индейцев в Америке — развитие земледелия, начинавшееся с выдергивания сорняков, чтобы они не мешали росту диких зерновых и других полезных растений, привело к намеренному высеву семян и, наконец, к подготовке почвы.

Приоткрыть завесу истории помогает язык. Компаративисты, занимающиеся сравнительным изучением родственных языков, разработали специальную методику изучения истории слов, с помощью которой можно относительно точно определить возраст того или иного слова, а также установить место на Земле, откуда это слово распространилось по ойкумене. Сравнительно-историческое изучение земледельческой лексики тюркских языков показывает, что названия основных сельскохозяйственных культур, а также терминология земледелия сложились задолго до первичного распада прототюркской общности на две основные ветви — огузскую (общетюркскую) и огурскую (протобулгарскую). Первичный распад прототюркской общности специалисты относят к середине I тысячелетия до новой эры. Судя по лингвистическим свидетельствам, прототюрки к этому времени уже достигли относительно высокого уровня земледелия и возделывали все основные культуры, известные в Старом Свете: различные виды проса (пратюрк. **ügiir* ~ чув. *вир* «просо»), полбы (пратюрк. **bugdaj* «полба», «пшеница» ~ чув. *пәри* «полба»), пшеницы (пратюрк. **talqan* ~ чув. *тулă* «пшеница»), ячменя (пратюрк. **arpa* ~ чув. *урна* «ячмень»), бобовых (пратюрк. **burçaq* ~ чув. *пәрса* «горох»), владели разнообразными агротехническими приемами обработки земли, ср.: пратюрк. **tarī-* «возделывать землю», «сеять», **tarıy* «посевы», «хлеба на корню», «хлеба в зерне» ~ чув. *тырă* «хлеба на корню и в зерне»; пратюрк. **äk-* «обрабатывать землю», «сеять» ~ чув. *ак-* «сеять», *ака* «земледелие», «обработка земли», «плуг»; пратюрк. **äš-* «копать (землю)» ~ чув. *ал-* «копать», «пахать»; пратюрк. *baz-* «копать (землю)» ~ чув. **ныр-/нур-* «копать», отсюда *пыра/пура* «яма для хранения зерна», «колодец», «сусек»; пратюрк. **süjre-* «тянуть», «волочить» ~ чув. *сүре-* «бороновать»; пратюрк. **saç-* «разбрасывать», «сеять» ~ чув. *сиç-* «сметать сор с вороха зерна», первоначально — «разбрасывать», «сеять»; пратюрк. **küire-* «сгребать», **küirek* «лопата» ~ чув. *кёреçе* «лопата»; пратюрк. **qaz-* «копать», «рыть» ~ чув. *хыр-* «сгребать» (чув. *хус-* «копать» — позднее заимствование из кыпчакского) и т.д. На уровне современных историко-археологических знаний прародина тюркских народов

локализуется в Центральной Азии, а конкретнее — в Восточной Монголии и сопредельных районах. Следовательно, уже в бытность на своей первоначальной прародине далекие предки чувашей достигли сравнительно высокого для своего времени уровня земледелия.

Одной из наиболее древних культур евразийских степей считается просо — неприхотливая, нетрудоемкая, засухоустойчивая и высокоурожайная культура. Некоторые сорта проса в среднем дают урожай от сам-80 до сам-100 и выше (для сравнения: пшеница и рожь дают урожай сам-7—сам-8). Не случайно просо было с древнейших времен традиционной культурой кочевников-земледельцев. Вплоть до середины XX века у чувашей пшенная каша была обязательным ритуальным блюдом во всех обрядах. В чувашских народных песнях до сих пор пшенная каша встречается чаще всего. Очень глубокую традицию в тюркской земледельческой культуре имеют также ячмень (тюрк. *arpa*) и полба, а вот пшеница, этот более окультуренный вид полбы, появилась намного позднее. Овес (тюрк. **suly* ~ чув. *сёлё*) открывает слепопраязыковые приобретения. Считается, что эта восточноевропейская культура получена тюрками при их продвижении на запад, причем разными племенами самостоятельно, поскольку для овса отсутствует единое общетюркское название. Столь характерную для чувашских полей рожь тюрки практически не знали, так как в южных регионах она попросту не растет. С этой культурой чувашаи, скорее всего, познакомились только на Средней Волге. Обычно принято считать, что чувашское название ржи *ыраш* заимствовано из русского языка, но общеславянским названием этой земледельческой культуры было *жито* (ср. укр. *жито*, белор. *жыта*, чеш. *žito*, польск. *żyto* «рожь»), а слово *рожь* проникло в славянские языки из германских (нем. *Roggen*, голланд. *rógge*, др.-сканд. *rugr*, совр. исл. *rugur*, дат. *rug*, швед. *rag* «рожь»). Вполне возможно, что в Волжскую Булгарию, как и в Древнюю Русь, рожь попала из Скандинавии через посредство варягов (росов). Любопытно вспомнить, что уже в начале X века арабские источники (Ибн Фадлан и др.) описывают росов в пределах Волжской Булгарии. Вполне возможно, что рожь была одним из продуктов экспорта из Скандинавии в Среднее Поволжье.

За период многовекового автономного развития тюркских языков некоторые архаичные земледельческие термины в различных тюркских языках в ходе сепаратного семантического развития получали новые, порой весьма далекие от первоначального, значения. Так, например, пратюркское название проса *ügür, отмеченное в др.-уйг. *üjür* «просо», карах.-уйг. *ügür* ~ *jügür* (по МК), *jür* (по КБ), др.-огуз. *ügür* (по МК), ср.-уйг. *üjür* «просо», перен. «семена, зернышки», в большинстве современных тюркских языков потеряло свое первоначальное значение и стало названием пищевого продукта и даже кулинарного блюда, ср.: тат. *өйр* □ «суп из крупы», башк. *өйр* □ «суп из крупы», «похлебка», кар. *ивре* «крупя», «каша», ног. *ййре* «суп с крупой», «похлебка», аз. диал. *урва* «мука, которой посыпают тесто, чтобы оно не приставало к доске», узб. *увра/* □ ~ *угра/* □ «лапша», уйг. *ўгр* □, *өгр* □ «мелко нарезанная лапша», «вермишель», алт. *ўре* «кашица из толченой крупы и молока», хак. *ўгре* «суп из крупы», койб. *ügürä* «суп из крупы» и т.д., и только в чувашском *вир* сохранилось первоначальное значение «просо». Семантическое развитие, очевидно, происходило в следующей последовательности: «просо (растение, зерно)» > «пшено (очищенное просо)» > «крупя» > «суп из крупы», «каша» > «лапша», «вермишель». Такой ход развития значения слова, скорее всего, указывает на то, что большинство современных тюркских народов на определенном историческом этапе, очевидно, в период наивысшего расцвета кочевничества, утратило навыки традиционного земледелия и, как следствие, позабыло значение названия даже самой распространенной в древности земледельческой культуры. Название проса у них стало обозначением крупяных изделий и, более того, названием блюд, приготовленных с использованием крупяных продуктов. А в некоторых языках пратюркское название проса *ügür полностью выпало, не оставив никаких следов, и было заменено общим названием зерновых культур *tariy.

Тюркские народы даже на стадии классического номадизма не могли полностью отказаться от растительной пищи. Забросившие земледелие тюркские племена были вынуждены получать зерно от своих соседей путем

натурального обмена или насильственного захвата. Вот почему в ряде тюркских языков исконное название проса было перенесено на готовые продукты и кулинарные блюда, изготавливаемые из проса и других зерновых культур. Что же касается чувашей и их исторических предков, то они, судя по всему, на протяжении всей доступной обозрению истории никогда не разлучались с земледелием. Об этом свидетельствует сохранение в чувашском языке первоначальной семантики ряда земледельческих терминов, в том числе и самой древней зерновой культуры — проса. Также не случайно гимнические песнопения чувашей непременно начинаются клятвенными заверениями:

Алран кайми аки-сухи,
Асран кайми ати-ани...

«Неразлучные плуг и соха,
Незабвенные отче и мать...»

Но как могли сочетать болгарские предки чувашей кочевое скотоводство с земледелием? Вопрос этот получает довольно простой ответ, если вспомнить, что у кочевников обычно были летние (тюрк. **jajlay* ~ чув. *сулла* «летовка») и зимние (тюрк. **qišlay* ~ чув. *хёлле* «зимник») пастбища. В степных равнинных областях «зимники» располагались обычно на более южных широтах, и они считались основными родоплеменными территориями, а сезонные «летовки», как правило, находились далеко на севере и доходили вплоть до границ лесной полосы. Оногуро-болгарские племена в первых веках нашей эры занимали обширные степные просторы в районе Семиречья, а в летнее время перегоняли свои стада по бассейну Иртыша в лесостепные районы Западной Сибири и доходили до места слияния Иртыша и Оби. На летовки уходила только наиболее трудоспособная часть населения — пастухи и воины, способные оборонять многочисленные стада от набегов других племен. Основная же часть населения и в летнее время оставалась на южных основных землях, так как они тоже требовали охраны от набегов завоевателей. Именно оставшееся на зимниках население в летнее время занималось

земледелием. В III—IV веках зимники оногуро-булгарских племен располагались в районе Приаральской низменности, а летовки — в районе Бугульминско-Белебеевской возвышенности. После обоснования в южнорусских степях Восточной Европы летние пастбища булгарских племен, скорее всего, локализовались в Волго-Камье, верховьях Дона и Северского Донца, то есть в тех местах, где археологи находят памятники салтово-маяцкой или близких к ней культур.

В VI—VII веках в степях Юго-Восточной Европы появляются оседлые поселения булгар, что также свидетельствует о все возрастающей роли земледелия в хозяйстве древних булгар. Здесь также уместно вспомнить, что даже в XVII веке летовки калмыков в левобережье Волги доходили до Камы, а на правобережье — до южных районов Чувашии. Показательно в этом отношении чувашское название косы *савы*, заимствованное, по единодушному мнению иранистов и тюркологов, из аланского (ср. осет. *сæвæг* «коса» < *сæвун* «сечь», «бить», букв. «секущее, бьющее орудие») языка. Появление заимствованного названия косы в древнебулгарском свидетельствует о том, что предки чувашей уже в период интенсивных контактов с аланами (предками осетин) начали заготавливать на зиму сено. А это уже явно говорит о возобладании у древних булгар оседлости и земледелия. В отличие от ряда остальных тюркских народов, оногуро-булгарские предки чувашей, очевидно, никогда не расставались с земледелием, более того, на своих зимниках они возделывали практически все известные в то время зерновые и бобовые культуры, выращивали некоторые овощи (лук, чеснок, репу и, очевидно, брюкву), а также занимались садоводством (в т.ч. и виноградарством), о чем свидетельствует древнебулгарское название винограда в венгерском — *szőlő* ~ чув. *сырла* и археологические находки виноградарских ножей в салтово-маяцкой культуре). Сложившиеся в южнорусских степях земледельческие традиции булгар получили дальнейшее развитие в Волго-Камье.

Историческое развитие агротехнических приемов обработки земли также нашло отражение в языке. Наличие во всех тюркских языках восходящего к прототюркскому состоянию глагола **tari-* «обрабатывать землю под посев», «сеять» указывает на развитие земледелия у тюрков на весьма

ранних стадиях. Реконструкция исходной семантики этого глагола обнаруживает в нем значения такого операционного характера, которые связаны с разбрасыванием семян и разравниванием земли путем разгребания ее суковатой палкой (ср. связь с однокоренным глаголом **tara-* «расчесывать (волосы)», «сгребать (сено граблями)», «взрыхлять (землю граблями)» и т.п.). Глагол **tarī-* в чистом виде сохранился только в некоторых тюркских языках, ср.: карах.-уйг. *tarī-* «сеять», ср.-уйг. *tarī-* «сеять», уйг. *tār-* (< **tarī-*) «сеять», «сажать», хорезм. *tarī-*, чаг. *tarī-* «сеять», алт. *tarī-* «сеять», хак. *tarī-* «сеять», тув. *tarī-* «сеять», «пахать», «сажать», с.-юг. *tar-*, *dar-* «сеять», кирг. *tarī-* «пахать», «сеять», «возделывать землю» и др. Распространение глагола **tarī-* в современных языках явно ограничено ареалом вокруг уйгурского культурно-земледельческого ареала, в других тюркских языках, включая и чувашский, этот глагол сохранился только в составе производных типа **tarīy* «хлеба», «злаки», «зерно», **tarīylay* > *tarla(w)* «пашня», «поле», **tarīm* «земледелие и т.п. Показательно также, что производное слово **tarīy* (исходное значение — «возделанная земля», «пашня») сохранилось только в аграрном уйгурском (таранчинском) регионе и чувашском (чув. *тырă* «хлеб(а)», «зерно», «посев(ы)», «зерновые культуры»). Вторичные значения «хлеба», «злаки», «зерно», представленные в древнеуйгурском, караханидском и хорезмийском, также тяготеют к уйгурско-таранчинскому ареалу. В большинстве тюркских языков это слово приняло специализированное значение «просо». В свете первичности значения глагола **tarī-* «разбрасывать семена» и «разгребать землю (примитивной бороной)» исходным значением производной именной основы *tarīy* видится «возделанная», т.е. перекопанная, засеянная и разгребенная примитивной бороной земля. Значения «хлеба», «злаки», «зерно», не будучи именем результата от глагола **tarī-*, следует понимать как метафорический перенос отличительного признака вещи на его название: «возделанные злаки», «сеяные злаки» (в отличие от дикорастущих, которые тогда люди еще продолжали собирать). Отсюда уже только один шаг к закреплению названия *tarīy* за наиболее распространенной земледельческой культурой — просом. Примечательно, что в чувашском языке за словом

тырă специализированное значение «просо» не привилось. Это также свидетельствует о глубоких традициях земледельческой культуры у болгаро-чувашей.

Наличие в чувашском языке сепаратных слов для названия плуга *ака* (< *ак*- «сеять» ~ пратюрк. *äk- «сеять») и серпа *сурла* (< *сур*- «рвать» ~ пратюрк. *jar*- «разрывать», при общетюркском *oryaq «серп» < пратюрк. *or- «жать (хлеба)», «резать (траву)», «стричь») также свидетельствует о глубокой архаике болгаро-чувашской земледельческой культуры. Исходным для чувашского *ака* представляется значение «возделывание земли», «обработка земли», «земледелие» с широким семантическим полем, охватывающим одновременные перекопку или вспахивание земли (примитивным плугом в виде суковатой палки) и высевание семян. Очевидно, на выбранном для посева участке сначала разбрасывались семена и тут же запахивались. Собственно плуг по-чувашски называется *ака нуç(ё)*, букв. «голова земледелия». По всей вероятности, это название первоначально относилось только к металлическому сошнику плуга. Глагол *сур*- «рвать», «вырывать», лежащий в составе чувашского названия серпа *сурла*, указывает на самый примитивный способ уборки урожая путем простого выдергивания колосков или стеблей целиком. Следовательно, слово *сурла* первоначально служило обозначением не того известного нам серпа, а некоего иного приспособления для облегчения выдергивания колосков или кистей злаков. Собственно процесс жнитвы в чувашском языке обозначается глаголом *выр*- «жать», генуинным с общетюркским *or*- и восходящим к праязыковому состоянию. Однако, в отличие от стандартных тюркских языков, в чувашском языке нет образованного от этого глагола ожидаемого названия серпа *выра (др.-булг. *vuraγ), что, видимо, объясняется переносом на более новое изобретение названия архаичного инструмента *сурла*.

Еще одним нововведением, осуществленным уже в доисторические времена, было орошение. Пратюркские истоки чувашского *шăвар*- и общетюркского *сууар*- «поливать» указывают на возникновение примитивного орошения полей уже в пратюркскую эпоху. Более того, пратюрки развили ее дальше, сооружая простые плотины,

которые ослабляли ливневые паводки и заставляли воду разлиться по пойме вдоль каналов. Общетюркский характер названия пруда (чув. *пёве* ~ тюрк. *bögä* «пруд») позволяет отнести появление оросительного земледелия если не в пратюркскую, то в раннедревнетюркскую эпоху.

Интересно также наличие в чувашском языке слова *йўп* «развилка реки», «приток реки», генуинного с названием оросительного канала и арыка в тюркских и иранских языках среднеазиатского региона (ср. туркм. *j p*, узб. *jop*, каз., к.-калп. *жаp*, кирг. *жаp* < иран.: хорезм. *y b*, *y p*, н.-перс. *b* «вода», «канал»). Очевидно, в бытность в среднеазиатском регионе оногуро-булгарские предки чувашей познакомились с оросительным земледелием.

Возделывание земледельческих культур в широких масштабах вызвало в свою очередь новые проблемы — борьбу с эрозией, с сорняками, вредителями и болезнями, охрану почвы и поддержание плодородия.

Возникновение земледелия ввело в употребление новое понятие — сорняк. Сорняком может служить любое растение: все зависит от того, где оно растет и в какой степени затрагивает человека. Иначе говоря, сорняк — это любое растение, растущее в нежелательном для человека месте.

Значительная часть монографии Г.А.Дегтярева посвящена изучению структурно-семантических особенностей, принципов номинации и лексико-грамматических особенностей чувашских народных названий сорных растений. Это вполне понятно и оправдано, ибо культурную флору у нас составляет от силы два-три десятка возделываемых человеком растений, а названий сорных растений в одном только чувашском языке насчитывается почти 2000 единиц. Хочется подчеркнуть особо, что в настоящей монографии впервые собрано воедино столь внушительное число фитонимов. Глоссарий чувашских названий растений составлен как на основе существующих лексикографических изданий, так и на базе собранных самим автором полевых материалов, причем особое внимание уделено ареально-географической и диалектной характеристике названий растений. Этот богатый арсенал чувашских народных фитонимов, надеюсь, послужит незаменимой базой для дальнейшего усовершенствования и унификации фитонимической лексики чувашского языка

и окажет неоценимую услугу ботаникам при систематизации растений, составлении определителей растений, научных и популярных публикаций по ботанике на чувашском языке и т.д.

«Васильки во ржи» — поэтизированный образ этой книги. Поэтам нравятся васильки во ржи, а для крестьянина они — сущее бедствие. Не зря сорняки прозвали «зеленым пожаром». Чтобы бороться с сорняками — их надо знать «в лицо». Полагаю, что и в этом, сугубо утилитарном, аспекте книга Г.А.Дегтярева принесет определенную пользу, ибо дает возможность четко определить языковыми средствами то или иное сорнополевое растение.

В земледельческой лексике чувашского языка накопились многослойные напластования различных исторических эпох, заимствования из многих языков различных классификационных систем. Поэтому труд Г.А.Дегтярева представляет значительный интерес для соответствующих специалистов многих народов Евразии, начиная от Монголии на востоке и до Венгрии на западе. Он будет интересен и полезен не только лингвистам — тюркологам, алтаистам, иранистам, финноугроведам, славистам и т.п., но и историкам, этнологам, археологам, а также ботаникам, агрономам и другим специалистам сельского хозяйства.

*Доктор филологических наук,
профессор Н.И.Егоров.*

ВВЕДЕНИЕ

Языковая семантика самым непосредственным образом связана с «языковой картиной мира», а она различна у ученого-биолога и крестьянина-земледельца, у современного «среднего, наивного» носителя языка и представителя традиционной культуры архаического типа.

Н.И. Толстой

Агроботаническая терминология — это не только отраслевой подъязык специалистов в области сельского хозяйства, состоящий в основном из русских заимствований и интернационализмов, но и многочисленная тематическая группа выражений народно-разговорной речи, отражающая традиционно основное занятие чувашей.

Предки чувашей — болгаро-суварские племена — занимались земледелием еще на Северном Кавказе [40, с. 38]. Появившись в 80-х гг. VIII века в Волго-Камье [60, с. 10], они подвергли частичной ассимиляции местное финно-угорское население, также знавшее земледелие [40, с. 38].

Основу экономики Булгарского государства составляло пашенное земледелие «на больших плодородных площадях» [73, с. 206]. Об уровне культуры земледелия болгар (волжских болгар), в частности, свидетельствует тот факт, что они не только себя обеспечивали хлебом, но и поставляли его в большом количестве в русские города [68, с. 225].

В золотоордынский период, в конце XIV в., основная часть болгарских земель превратилась в «дикое поле». Постоянные разбойничьи набеги кочевников, походы вооруженных дружин вынудили население покинуть возделанные под пашню земли и переселиться в междуречье Кубни и Аниша, «в северные лесные районы» [22, с. 295]. Вместе с тем, как отмечал проф. Н.В.Никольский, «[монголо-]татарское иго не уничтожило земледелия у чуваш. Наоборот, они при всякой возможности старались увеличивать площадь землепользования» [53, с. 71].

Новое массовое заселение юго-восточной и южной частей Чувашии началось во второй половине XVI века и продолжалось до начала XVIII в. Переселенцы в основном были выходцами из северо-восточной и центральной частей современной Чувашии [22, с. 322]. В XVII—XIX вв. чувашские крестьяне переселялись также на нынешнюю территорию Ульяновской, Самарской, Саратовской областей, в Закамье и Приуралье.

В историко-этнографической литературе дореволюционного периода — в работах Н.Флеровского, В.Сбоева, А.Риттиха и др. — нередко можно встретить восторженные отзывы о чувашах-земледельцах. Вот один из характерных примеров: «Среди народностей, населяющих земледельческое Поволжье, самыми ревностными хлебопашцами считаются чуваша. И это вполне справедливо. Для чувашина занятие хлебопашеством — дело не только необходимое, но и богоугодное» [57, с. 175]. Об уровне развития «искусства возделывания земли» у чувашей красноречиво свидетельствует народная земледельческая терминология — обширная по объему, разнообразная по набору единиц. Она представляет собой полисистему в той или иной степени внутренне организованных и взаимосвязанных терминологических подгрупп разного объема. Это обозначения культурных растений, сорнополевых трав, морфологических частей и болезней сельскохозяйственных культур, процесса онтогенеза и физиологических свойств растений, а также названия земледельческих работ, орудий труда и их частей, способов переработки и хранения урожая, земельных мер. Каждая из этих тематических подгрупп в том или ином соотношении включает три типа народных терминов, отличающихся степенью распространенности: общенародные, собственно диалектные, узколокальные. В настоящей работе мы сосредоточили свое внимание на «ботанической» части народной земледельческой терминологии. Это продиктовано тем, что агроботаническая терминология — в отличие от названий, связанных с традиционными способами уборки и переработки урожая, и других близких к ним обозначений — не потеряла своей актуальности и в наши дни, поэтому изучение их имеет не только определенное научное, но и прикладное значение при унификации, упорядочении сельскохозяйственной (агронической) и ботанической терминологий, гармонизации терминосистем.

Глава I
ТРАДИЦИОННАЯ АГРОБОТАНИЧЕСКАЯ
ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОСТАВЕ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
(Общая ономаσιологическая характеристика)

Как известно, каждый язык имеет свою особую систему номинации, употребляет различные номинативные формы, притом с различной интенсивностью. Поэтому в исследованиях сравнительно-сопоставительного плана обычны формулировки типа: «то, что в английском (или французском) языке осуществляется при помощи конверсии, в русском языке, как правило, достигается путем аффиксальной деривации», «то, что итальянец в состоянии передать с помощью суффикса, француз выразит с помощью словосочетания», «во французском языке метафора и метонимия играют большую роль, чем в русском», «там, где русский язык прибегает к заимствованию извне, чешский (или немецкий) предпочитает обходиться внутренними ресурсами» [см.: 37, с. 45—46; 9, с. 25]. Продуктивность способов номинации, их соотношения неодинаковы не только в различных языках, но и в одном языке — в различные периоды его развития, а также в разных тематических группах и подгруппах.

1. Аффиксально производные названия

Термины могут быть цельнооформленными (синтетическими) и раздельнооформленными (аналитическими). Одним из видов цельнооформленных названий является производное — аффиксальное слово. Индивидуальное лексическое значение производного слова в отличие от первообразного не монолитно, а складывается из значения мотивирующей (производящей) основы и значения словообразовательного типа с определенным формантом. В теоретической ономаσιологии производное слово определяется как «вторичная единица номинации, которая, являясь по форме

своего существования отдельным словом, универбом, по содержанию своему выражает сложноструктурированное и не элементарное, комплексное значение, сформированное вполне определенным образом: на основе взаимодействия двух категориальных значений и установления особой связи между ними» [43, с. 63].

Рассмотрим аффиксальный фонд земледельческой терминологии:

Афф. -ла (-ле) образует от именных основ объектные (переходные) глаголы — названия земледельческих операций.

Дериваты с *-ла (-ле)* могут иметь следующие мотивирующие значения:

1) действовать с помощью орудия, названного исходной основой: *ака* «сабан» — *акала* «пахать сабаном»; *катмак* «мотыга» — *катмакла* «мотыжить», «разрыхлять землю»;

2) производить процесс, названный исходной основой: *суха* «пахота» — *сухала* «пахать»; *суре* «бороныба» — *суре* (ср.: *суре ту*) «бороновать»;

3) выполнять работу, направленную на ликвидацию, устранение того, что названо исходной основой: *сум* «сорняк» — *сумла* «полоть (очищать от сорняков)»; *хылчак* «ость (твердые усики в колосьях)» — *хылчакла* «шелушить»;

4) подвергать действию того, что названо исходной основой: *тислэк* «навоз» — *тислэкле* «унавоживать (почву)»; ср.: *им-сам* «ядохимикаты», «гербициды» — *имсамла* «обрабатывать гербицидами (посевы)»;

5) выполнять работу, направленную на достижение определенного результата, названного исходной основой: *кашай* «куча, ворох (обмолоченного зерна)» — *кашайла* «сгребать, складывать зерно в ворох»; *капан* «копна», «стог» — *капанла* «копнить, стоговать».

Афф. -кач (-кёч, -каç, -кёç) образует от некоторых глагольных основ названия земледельческих орудий и их частей. В основе номинации функциональный признак — назначение предмета:

1) приспособления, используемого в земледелии: *тёк* «толкать», «сгребать» — *тёккёç* «скребок (для сгребания зерна в ворох)»; *пус* «копать, взрыхлять» — *пускач* «деревянная лопата (для копки картофеля)»;

2) составной части молотильного цепа: *сап* «бить», «молотить» — *сапкӑч* «било цепа»; *тап* «ударять», «бить», «колотить» — *тапкӑс* «било цепа»;

3) составной части сохи: *пӑр* «крутить», «закручивать» — *пӑркӑчӑ*, *пӑркӑс* «подвои (веревка, которой закручивается рассоха)»; *тыт* «держать», «править» — *тыткӑс* «рукоятка сохи».

Единичные названия земледельческих орудий (приспособлений) образованы также с помощью аффиксов **-ӑ (-ё)**, **-кӑ (-кё)**, **-мак (-мек)**.

Дериваты с **-ӑ (-ё)** могут отражать принцип действия или устройство орудия: *чик* «втыкать», «вонзать» — *чикӑ* «вилы с длинным черенком»; *пёк* «сгибать», «гнуть» — *пёкӑ* «особая изогнутая палка (один конец заострен, а к другому привязана веревка), употребляемая для таскания соломы в обхват».

Мотивирующими признаками земледельческих терминов с деривационным аффиксом **-мак (-мек)** могут быть также принцип действия или принцип устройства реалии: *кат* «откалывать», «разбивать» — *катмак* «мотыга»; *кар* «растопыривать», «затягивать» — *кармак* «плодосъем».

Шӑлкӑ, *тыткӑ* образованы с помощью аффикса **-кӑ (-кё)**. В основе этих наименований функциональное назначение обозначаемых предметов: *шӑл* «мести», «подметать» — *шӑлкӑ* «метла из лозы для очищения вороха (зерна) от колосьев и подметания тока»; *тыт* «держать» — *тыткӑ* «рукоятка сохи».

Афф. -лӑх (-лӑх, -лӑк, -лӑк) в основном встречается в названиях старинных земельных мер: *авӑн*, *ан* «овин», «насад, хлеб для обмолота» — *авӑнлӑх*, *анлӑк* «осьминник», «одна треть десятины», «восемьсот квадратных саженой»; *урапа*, *орапа* «телега», «воз» — *урапалӑх*, *орпалӑк*, *орпалӑх* «мера земли, равная $\frac{1}{12}$ десятины»; *сӑмел* «копна снопов» — *сӑмеллӑх* «мера земли, равная $\frac{1}{6}$ десятины», «360 квадратных саженой»; *купа*, *копа* «копна (снопов)» — *купалӑх*, *копалӑк*, *копалӑх* «мера земли в 400 квадратных саженой».

Слова *авӑнлӑх*, *урапалӑх*, *сӑмеллӑх*, *купалӑх*, разумеется, не сразу закрепились в качестве земельных мер. Семантическое содержание дериватов развивалось по следующей модели: *авӑнлӑх* «количество снопов, достаточное для одного насада (в овин)» > «площадь, земельный участок, с которого можно

получить урожай, равный одному насаду» > «одна треть десятины (восемьсот квадратных сажений)», так же: *урапалăх* «количество снопов, достаточное для одного воза» > «участок земли, с которого можно снять воз снопов» > «мера земли, равная $\frac{1}{12}$ десятины» (по другим сведениям: « $\frac{1}{6}$ десятины»)*.

С помощью аффикса **-ма (-ме)** образованы отглагольные имена, обозначающие процесс или результат действия, названного исходной основой: *выр* «жать» — *вырма* «жатва», ср.: *выру* «тж (то же)»; *сёрт* «гноить» — *сёртме* «пар, паровая пашня», *сёртме* «паровая пахота, взмет пара»; *пұл* «загораживать», «отделять», «разделять» — *пұлме* «закром», «сусек». Кроме того, формант **-ма (-ме)** встречается в составе узколокальных терминов, отражающих функциональное назначение предмета: *тёкмe* «скребок для зерна» (ср.: *тёккёс*, *тёкёчё* «тж»); *тытма* «рукоятка у сохи» (ср.: *тыткăч*, *тыткăс*, *тыткă* «тж»).

Дериваты с **-ăм (-ём)** также указывают на процесс или результат действия, названного исходной основой: *сар* «настилать», «раскладывать» — *сарăм* «настил (укладывание) снопов на току для обмолота»; *чик* «втыкать», «вонзать» — *чикём* «навильник (количество соломы или сена, взятое на вилы за один раз)».

В чувашской земледельческой лексике представлено несколько имен, образованных с помощью аффикса **-чăк (-чёк)** от страдательной формы глаголов: *алла* «сеять решетом или ситом» — *аллан* «сеяться», «просеиваться» — *алланчăк* «высевки», «шелуха», «сор, остающийся после просеивания»; *шăйăр* «царапать», «пахать кое-как (неглубоко пускать плуг, брать только верхний тонкий слой земли)» — *шăйăрăл* — (страд. ф.) — *шăйăрăлчăк* «непропаханные места на пашне», «огрех».

Афф. -сă (-сё) используется для обозначения лиц, занятых выполнением определенной земледельческой операции (работы): *акасă* «пахарь» (уст.), «сеятель», «сеяльщик» и *сухасă* «землепашец», «пахарь». Мотивирующая основа в названиях подобного типа указывает на процесс труда: *ака* «пахота» (уст.), «сев» и *суха* «пахота».

---

* Возможно, такая разница связана с тем, что для возки снопов с поля применялись различные типы телег-сноповозок: *кушукла*, *кăрман*, *сатърмак*, *ритван* и др., но иногда они отличались только названиями.

2. Составные наименования

Средства обозначения языка не сводятся к лексической номинации, т.е. называнию посредством слов; немаловажную роль в нем играет синтагматическая номинация, или, по-другому, название посредством словосочетаний. Как справедливо отмечал В.В.Виноградов, словосочетания (как и слова) «могут и должны быть изучаемы не только в составе предложения, как его структурные элементы, но и как разные виды сложных названий, как присущие языку лексико-семантические единства, построенные и вновь образуемые по законам данного языка» [11, с. 409].

Составные наименования чаще всего состоят из двух компонентов: опорного (определяемого) и дефинитивного (определяющего). В зависимости от частеречной принадлежности грамматически господствующего опорного компонента составные земледельческие термины делятся на составные именные названия и составные глагольные названия.

Самый распространенный структурный тип составных именных названий — существительное + существительное + афф. 3 л.: *улма калакё* «деревянная лопата для копки картофеля», *тырй кёлечё* «хлебный амбар, зернохранилище», *тырй кайшайлё* «ворох зерна». Кроме названий, построенных по этой модели, в лексике земледелия представлены также составные имена следующих структурных типов:

прилагательное + существительное: *хура нусй* «паровое поле», *чалйш суха* «косуля (разновидность сохи)»;

глагольная форма + существительное: *савйрмалла сухануэ* «косуля (разновидность сохи)».

Среди составных глагольных названий различаются два структурных типа:

существительное + глагол: *тислёк тйк* «унавоживать»; *авйн аштар* «шишковать»;

глагольная форма (деепричастие) + глагол: *шатйртатса кай* «перестоять на корню (о хлебе)», *йксе хйвар* «делать зачин жатве».

В семантическом плане — по степени семантической спаянности компонентов — составные земледельческие термины могут быть устойчивыми или относительно свободными.

Составные имена с относительно свободной связью компонентов являются видовыми обозначениями понятий, средством дальнейшей дифференциации сходных предметов. Они представляют собой сочетания названия родового понятия, выступающего в роли опорного компонента, с определительным компонентом, указывающим на назначение предмета, его принадлежность и т.д. Ср.:

а) названия земледельческих орудий: *сенёк* «вилы» — *кёлте сенёкё* «вилы для (скирдования) снопов»; *ула́м сенёкё* (< *ула́м* «солома» + *сенёк* «вилы» + *ё*) «двухрожковые вилы для встряхивания соломы при молотье»;

б) названия составных частей орудий: *пáяв* «веревка» — *суха пáявё* «подвои (веревка, которой закручивается рассоха)»;

в) названия сортов, разновидностей растения: *сухан* «лук» — *пуслá сухан* «репчатый лук», *хáвáл сухан* «стрельчатый лук»;

г) названия всходов и морфологических частей сельскохозяйственных культур: *калча* «росток растения» — *купáста калчи* «капустная рассада», *улма калчи* «ростки картофеля», *ыраш калчи* или *кёр калчи* «озимь» и т.д.

В составных именных названиях, построенных по принципу родо-видового отображения, опорный компонент указывает на принадлежность обозначаемого объекта к определенному ряду однородных предметов, а дефинитивный компонент — на существенный и непреходящий признак объекта, отличающий данную разновидность от других членов объединяющего их ряда. Как уже отмечалось, составные наименования, построенные по принципу родо-видового отображения, отличаются относительно свободной связью компонентов. В конкретной речевой ситуации опорный компонент такого названия может взять на себя семантическую нагрузку всего составного наименования: *илсе кил-ха сáв кёресене* — «принеси-ка ту лопату», вместо: *илсе кил-ха сáв сáвáр кёресине* — «принеси-ка ту веяльную лопату». **А составные наименования с устойчивой связью компонентов** способны указывать на внеязыковую действительность лишь при совместной реализации обоих компонентов, т.е. автосемантия опорного компонента здесь не допускается. Это связано с тем, что в названиях подобного типа дефинитивные компоненты служат не для дифференциации однородных предметов, а для различения или противопоставления

предметов, принадлежащих к разным логико-понятийным (логико-предметным) рядам. Ср.:

а) названия сельскохозяйственных орудий: *сава* «коса» — *сум сави* «мотыга» (букв. «коса для сорняков»); *пуртӑ* «топор» — *урлӑ пуртӑ* «мотыга» (букв. «поперечный топор»);

б) названия сорнополевых трав: *сарӑк* «репа» — *анра сарӑк* «сурепица обыкновенная» (букв. «дурная репа»); *вӗлтрен* «крапива» — *суккӑр вӗлтрен* «яснотка белая» (букв. «слепая крапива»);

в) названия культурных растений: *пӑрса* «горох» — *нимӗс пӑрси* «бобы» (букв. «немецкий горох»), *шалча пӑрси* (*шалча* «шест» + *пӑрса* «горох» + *и*) «фасоль обыкновенная»; *хурлӑхан* «смородина» — *йӗплӗ хурлӑхан* «крыжовник», букв. «смородина с шипами» и т.д.

Составные глагольные названия по степени семантической спаянности и терминологизованности также не однородны. Наряду с названиями, представляющими устойчивое сочетание отдельных «смыслов», среди них имеются и составные наименования, значение которых не может быть выведено из семантики составляющих его компонентов; ср.: *сӗр улми кӑлар* «копать картофель»; *хире кай* «остаться необработанным (о хлебах в поле)», букв. «уйти в поле»; *сурла хур* (*алӑ хур*) «положить начало жатве (сделать зачин жатве)», букв. «положить серп (положить руку)».

Асимметрия языкового знака — плана выражения и плана содержания — проявляется в том, что один и тот же признак денотата может выражаться в языке с помощью различных видов номинации. К примеру, значение «пахать» в чувашском языке может быть передано как минимум двумя названиями, включающими компонент *суха* «пахота»: *сухала* и *суха ту*. В первом случае производное значение выражено аффиксом *-ла*, а во втором — лексическим эквивалентом аффикса, глаголом *ту-* «делать, совершать». Ср. также: *сумла* «полоть» и *сумран тасат* «очищать от сорняков». Составные наименования *суха ту*, *сумран тасат* по сравнению с номинативными дериватами *сухала*, *сумла* являются более мотивированными и более дифференцированными обозначениями (ср.: аффикс *-ла* совмещает значения «совершать что-то», «очищать от чего-то» и др.). Однако они нередко заменяются синтетическими (цельнооформленными)

названиями. Это связано с тем, что в языке действует тенденция к упрощению коммуникативных средств, и аналогичность (сочетание отдельных «смыслов»), а также мотивированность составных наименований противоречат принципу компактности, условности номинативной единицы, автоматизму его употребления в речи. Одним из характерных способов универбации (семантического сжатия) составных наименований является стяжение их на основе аффиксальной деривации. В производном наименовании остается только дефинитивный компонент составного наименования, а значение отсутствующего опорного компонента передается аффиксом; ср.:

а) названия земледельческих работ: *тислѣк тѣк* — *тислѣкле* «унавоживать почву»; *сѣр ѣсле* — *сѣрле* «обрабатывать землю»;

б) наименования лиц, занятых земледельческой работой: *суха тѣвакан* (букв. «выполняющий пахоту») — *сухаcѣ* «землепашец», «пахарь»; *ака тѣвакан* — *акаcѣ* «сеятель», «сеяльщик»;

в) названия процессов онтогенеза культурных растений: *чечеке лар*, *чечек ывѣт*, *чечек сур*, *чечек кѣлар* — *чечеклен* «цвести (об огурцах, яблоне)»; *пушѣ пул*, *пушша кай* — *пушѣлан* «пойти в трубку (о луке)».

Разумеется, далеко не каждое аффиксальное производное название представляет собой результат семантического сжатия составного наименования или свертывания описательного обозначения. Как верно заметил О.Н.Трубачев, «мы не должны забывать о возможности иного пути — одноактного, моментального образования слова и его значения несинтаксическим способом (здесь вспоминается не очень престижная, но уместная идея штампа...)» [70, с. 7]. Также не следует исключать возможность развертывания однословного (аффиксального) названия в составное наименование.

Языковой тенденции к устранению семантической и формальной расчлененности наименований противостоит стремление к максимально дифференцированному обозначению наиболее существенных понятий. Это, в частности, проявляется в том, что в состав земледельческой лексики наряду с названиями *сухала*, *суха ту* «пахать», *сѣреле*, *сѣре ту* «бороновать», *сумла*, *сумран тасат* «полоть (очищать от

сорняков)» входят и наименования с плеонастической семантической структурой, типа: *суха сухала* «пахать», *суре суреле* «бороновать», *сум сумла* «полоть».

Выше был рассмотрен один из способов семантического сжатия — аффиксация, другой способ конденсации составных наименований в цельнооформленные ономазиологические единицы — **словосложение**. «Всякое сложное слово, — подчеркивал В.М.Жирмунский, — либо представляло в прошлом словосочетание, либо построено по модели словосочетания прошлого времени» [36, с. 15]. Сложные термины в чувашской лексике земледелия, как правило, представляют собой результат стяжения составного наименования, или, если говорить о новых названиях, результат калькирования соответствующего русского термина.

Словосложение сопровождается фонетическими изменениями в составляющих компонентах составного наименования. К числу таких изменений относятся: стяжение слогов в дефинитивном компоненте, выпадение аффикса принадлежности в опорном компоненте, выпадение конечного звука в одном из компонентов и некоторые другие фонетические трансформации; ср.: *арна ўкли* (*арна ўпли*) — *арўкли* (*арнўкли*, *ерўкли*) «мякинник»; *арна ласси* — *арласси* «мякинник»; *аван карти* — *анкарти* «гумно», «огород»; *сур тырри* — *суртри* «яровые хлеба»; *хура тулă* — *хуратул* «гречиха»; *йытă пырши* — *йытпырши* «вьюнок полевой».

Распространено мнение о том, что номинация посредством словосочетаний «выступает как запасной способ наименования, компенсирующий недостаточность словообразовательных средств» [14, с. 238; см. также 54, с. 70; 52, с. 10]. Как показывает анализ составных земледельческих терминов, составные наименования в чувашском языке обладают самостоятельной номинативной значимостью.

3. Семантически производные названия

Довольно большая часть чувашских земледельческих терминов образована путем семантической деривации. Этот способ номинации в самом общем виде можно определить как перенос «старого» имени — т.е. имени предмета (или явления), уже освоенного человеческим сознанием, — на

новый объект, который впервые вовлечен в человеческую практику, впервые выделен из общей массы сходных фактов действительности и т.п. В результате в языке появляется новая ономаσιологическая единица, имеющая свой денотат, автономные семантические связи, хотя формальная структура вторичного — семантически производного — названия ничем не отличается от исходного, чаще всего первообразного, наименования. Аффиксальные дериваты источником вторичных названий становятся сравнительно редко, поскольку отчетливая морфологическая мотивированность ограничивает их возможности семантического развития.

Наиболее распространенный вид семантически производных наименований в чувашской земледельческой лексике — **метафорические образования**. Под метафорой, как известно, понимается перенос названия с одного факта действительности на другой — на основе их внешнего или внутреннего сходства (по цвету, форме, объему, структуре, месту нахождения, поведению, функции и т.д.). Однако, с одной стороны, «далеко не всякое такое сходство делает возможным перенесение названия на другой предмет (или явление). Для этого должны существовать и определенные собственно языковые условия, включая употребительность слова, особенности его семантической структуры, соотношение с другими словами, стилистическую окраску и т.д.», с другой стороны — «самый тип значения слова в какой-то мере определяет возможность переноса наименования и его общую направленность» [83, с. 39].

Традиционными источниками метафорического переноса в лексику земледелия являются слова, отражающие состояние и изменения состояния человека, названия частей тела человека и животных, наименования предметов туалета (видов и деталей одежды) и женских украшений (см. III главу).

Названия бытовых приборов использованы при номинации составных частей основного земледельческого орудия — крестьянского плуга: *сёсё* «нож» — *ака сёсси** «кусок дерева, укрепленный в грядиль», «резец»; *калак*

---

* Метафорические наименования частей предметов: морфологических частей сельскохозяйственных растений, составных частей земледельческих орудий и т.п. — в целях конкретизации их значения обычно даются в сочетании с названиями предметов (т.е. с указательным минимумом).

«деревянная лопаточка, мешалка» — *суха калакё* «сошная палица»; *хачй* «ножницы» — *ака хаччи* «поперечина, соединяющая ручки крестьянского плуга-сабана»; *тараса* «весы» — *тараса* «валек, уравнивающий силу лошадей, запряженных в сабан». Как видно из приведенных примеров, основанием для переноса наименования может быть сходство по функции, форме, принципу устройства.

Ассоциативная связь орудий земледелия с различными животными выражена в трех семантических моделях:

1. «Часть тела животного» → «составная часть сохи (сабана)»: *майрака* «рога» — *сухануҫ майраки* «ручки сохи»; *сунат* «крыло» — *ака суначё* «отвал сабана». Перенос указанных наименований осуществлен по аналогии расположения.

2. «Часть тела животного» → «земледельческое орудие»: *упа чёрни* «когти медведя» — *упа чёрни* «орудие для прополки грядок». Основание семантического переноса: зубья у орудия *упа чёрни*, в отличие от *сенёк* «вилы», изогнуты и отдаленно напоминают когти зверя.

3. «Птица» → «составная часть сабана»: *автан* «петух» — *автан* «деревянный гвоздь, вбитый в грядиль (к нему прикрепляется веревка, соединяющая грядиль с передками)»; *тймана* «сова» — *тймана* «отвесный гвоздь, соединяющий грядиль с левой ручкой». Интересно отметить: случаи перенесения орнитонимов на различные мелкие предметы или части предметов известны во многих языках и имеют давнюю традицию. Ср.: фр. *grifu* «гриф» > «кран», англ. *cock* «петух» > «кран», нем. *Hahn* «петух» > «кран», венгр. *kakas* «петух» > «курок», чув. *автан* «петух» > «конек (деталь мельничного механизма)», «курок».

Нельзя безоговорочно согласиться с утверждением, что главными особенностями метафоры и метонимии являются одночленность и самостоятельность [49, с. 13]. Даже общеязыковые или терминологические метафоры (не говоря уже о развернутых поэтических или индивидуально-авторских метафорах) могут представлять собой и слово, и сочетание слов. В отличие от некоторых литературоведческих и лингвистических работ в данном случае под бинарной (двучленной) метафорой понимаются не конструкции типа: *пламя танцует, ржавые травы*, где один из компонентов подчиняется валентным связям второго компонента и

изменяет в зависимости от этого свою семантику [см.: 8, с. 16], а составные наименования, которые образованы путем метафорического переноса словосочетаний (например, названия сорных трав: *чӑрӑш тӑрри* «хвощ полевой» (букв. «верхушка ели»), *йыт пырши* «вьюнок полевой» (букв. «кишки собаки»). В результате метафорического переноса словосочетание со свободной связью компонентов становится термином, значение которого не сводится к сумме значений составляющих его компонентов.

Одночленные метафоры представлены в основном в таких подгруппах земледельческой лексики, как названия морфологических частей сельскохозяйственных культур (*хутаç* «мешочек» — *хутаç* «стручок перца, гороха»), наименования физиологических свойств культурных растений (*ватӑл* «состариться, одряхлеть» — *ватӑл* «отвердевать (о стеблях)»), названия составных частей земледельческих орудий (*сунат* «крыло» — *сунат* «отвал сохи»).

Двучленными метафорами являются семантически производные наименования, обозначающие сорнополевые растения (*вакша хӳри* «хвощ полевой», букв. «беличий хвост»), способы кладки снопов (*хур карти*, букв. «вереница гусей»).

В других частях земледельческой лексики можно найти лишь единичные примеры двучленных метафор: *упа чӑрни* «орудие для прополки грядок» (букв. «когти медведя»); *серси чӑрни* [см.: 63, с. 61] «укроп» (букв. «когти воробья»).

Метафоры-бинармы по типу синтаксической связи компонентов представляют собой словосочетания в форме «изафета II». А одночленные метафоры в основном образованы путем переноса имен существительных. Среди названий, связанных с физиологией культурных растений и уходом за ними, встречаются глагольные и адъективные метафоры (например: *тутӑ* «сытый» — *тутӑ* «полновесный (о колосе)», *авлантар* «женить» — *авлантар* «привить яблоню»).

Одни метафорические образования (их большинство) закрепились в чувашской народной земледельческой терминологии в качестве единственных наименований соответствующих понятий, другие являются синонимами более употребительных (распространенных) прямых наименований; например: *сава кӑвани* (букв. «пупок косы») и *сава аври* «ручка косовища»; *капан ури* (букв. «ноги стога») и *капан айӗ*

«подстожье»; *йётем арки* (букв. «подол тока») и *йётем хёрри* «края тока».

Метафорические наименования в земледельческой терминологии нередко служат для более конкретного, дифференцированного обозначения предметов и явлений. Например, *сава аври* «ручка косы» может обозначать и косовище, и ручку косовища, а *сава кавани* (букв. «пупок косы») имеет лишь второе из этих значений; также *купайста суначё* (букв. «крыло капусты») в отличие от *купайста сулси* «лист капусты» является названием лишь листочков капустной рассады и нижних листьев капусты, не входящих в вилок.

Некоторые понятия, связанные с земледелием, имеют два, а то и более, метафорических наименования (в основном диалектные варианты); ср.: *кукша* (букв. «плешь», «лысина») и *такёрлак* (букв. «переулок») «обсевок»; *сунат* (букв. «крыло») и *сурпан* (букв. «женская головная повязка») «отвал сабана».

Часть семантически производных земледельческих терминов образована по регулярным моделям **метонимических переносов**. Как справедливо заметил Д.Н.Шмелев, отношения «смежности», на которых основаны метонимические наименования, характеризуются во многих случаях явной однородностью [83, с. 21]. Ср.: *сухан* «лук»: «растение», «луковица» и «листья»; *сёрулми* «картофель»: «растение», «клубни»; *кишёр* «морковь»: «растение», «корнеплод»; *тул* «пшеница»: «растение», «зерна»; *хурлахан* «смородина»: «растение», «ягоды».

Кроме многочисленных названий, образованных по модели «культурное растение» → «морфологическая часть растения (плод, цветок, зерно)», в чувашской земледельческой лексике встречаются метонимические наименования типа: «действие» → «результат действия»: *суха* «пахота», «пашня»; «действие» → «время действия»: *суха* «пахота», «время пахоты»; *ака* «сев», «время сева»; «материал» → «изделие из этого материала»: *тимёр* «железо», «сошник».

При метафорических переносах в земледельческую лексику включаются слова и сочетания слов из других лексических групп, а метонимические переносы, как правило, происходят в пределах тематической группы и отличаются однородностью и регулярностью.

4. Заимствованные и первообразные обозначения

Кроме названий автохтонного характера и общетюркского фонда, в чувашской земледельческой лексике представлены также названия иноязычного происхождения. Большинство их заимствовано из русского языка или через его посредство.

Как писал В.Г.Егоров, «хотя чувашаи, по-видимому, очень рано оставили кочевой быт и, осев на постоянных местах жительства, занялись земледелием, все же применением более рациональных приемов в области сельского хозяйства они обязаны были русским» [30, с. 23]. Самыми ранними земледельческими терминами, заимствованными чувашами и соседними тюркскими народами из русского языка и получившими у них впоследствии повсеместное распространение, считаются: *ыраш* (тат., башк. *арыш*) «рожь», *суха* (тат. *сука*, башк. *һука*) «соха», *ула́м* (тат. *салам*, башк. *һалам*) «солома», *авя́н* (тат. *лвен*) «овин»*. К ранним заимствованиям из русского языка Э.М.Ахунзянов и Р.Н.Терегулова относят также тат. *ужым*, башк. *ужым* «озимь» и тат., башк. *буразна* «борозда» [5, с. 61; 69, с. 26]. В чувашском языке *уца́м* (< рус. *озимь*) и *пйрасна*, *прусна* (< рус. *борозда*) оказались менее конкурентоспособными по сравнению с соответствующими им по значению собственными образованиями и не перешли рамок узкодиалектной лексики.

Суха «соха», *авя́н* «овин» и др. стали основой обширных гнезд агротерминов: *суха* > *сухануҫ* «соха»; *сухала-* (*суха ту*, *суха сухала*) «пахать», *сухаҫа* «пахарь», *чалайш суха* «косуля», *суха купташки* «рассоха», *суха касси* (*суха йёрё*, *суха ййранё*) «борозда», *хыт суха* «пар», *ҫёртме сухи* «вспашка зяби»; *авя́н* > *авя́н вучахё* «овинная яма», *авя́н аштар* (*авя́н чуп*) «шишковать хлеб», *авя́н сар* (*авя́н хур*, *авя́н ту*) «настилать снопы для молотьбы», *авя́н ҫап* «молотить хлеб цепами», *авя́н карти* «гумно», *авя́нлаҫ* «мера земли» и т.д.

---

* По мнению Ф.И.Гордеева, чув. *авя́н* и тат. *лвен* производны «от др.-тюрк. *йв* «дом» с помощью суф. *-ен (-ын)*» и «в рус. *овин* — болгарское проникновение» [15, с. 48]. Р.Г.Ахметьянов также отмечает, что «на все языки ВЯС [Волго-Камского языкового союза] распространились ... болгарские по происхождению слова *лвен* «овин» и *чегер* «хлеб» (даются в татарском написании) [4, с. 20].

В дореволюционный период из русского языка в чувашский перешло несколько десятков агротерминов, обозначающих:

а) земледельческие орудия: *кёрепле* «грабли», *моттик* (диал.) «мотыга» и др.;

б) сельскохозяйственные культуры: *купайста* «капуста», *карттух* (диал.) «картофель» и др.;

в) способы хранения урожая: *сурат* «зарод (копна яровых снопов продолговатой кладки)»; *айскирт* (диал.) «скирда»;

г) средства перевозки урожая: *айтур* «одер (большая телега для возки снопов)», *ритван* (диал.) «рыдван (телега для возки соломы или сена)»;

д) разновидности борозд: *леххе* «леха (поперечная или более глубокая борозда)», *пайрасна* (диал.) «борозда»;

е) земельные меры: *муракка* «морга (четверть поля)», *усмухха* (диал.) «осьмушка (восьмая часть поля)» и др.

В процессе освоения русского земледельческого термина в его семантической структуре нередко происходили различные изменения: расширение или сужение прежнего объема значений, замена исходного лексического значения новым. Ср.: рус. *соха* — чув. *суха* «соха», «пахота», «пашня», «время пахоты»; рус. *овин* — чув. *авйн* «овин (место для сушки хлеба)», «насад (снопы во время сушки и обмолота)», «молотьба», «время молотьбы»; рус. *озимь* — чув. диал. *усайм* «всходы» («озимь», «отава», «рассада»); рус. *желоб* — чув. *шулап* «обух косы»; рус. *просека* — чув. *прачак* «широкая межа в поле, поросшая травой». Интересно отметить, некоторые из заимствованных слов и их чувашские соответствия в частных диалектных системах образовали изафетные сочетания и служат составным наименованием предмета, например: *сухан* «лук» + *лук* + афф. 3 л. *-и* > *сухан лукки* «листья лука» [см.: 7, XI, с. 217].

Народные агротермины заимствовались из русского языка устным путем и подвергались значительным фонетико-морфологическим изменениям. Укажем наиболее характерные явления адаптации:

1) подчинение слова акцентологии чувашского языка (в чувашском слове ударение падает на последний слог; его место меняется только в том случае, если конечный слог содержит в себе редуцированные гласные *-й* или *-ё*): рус. *лопáтка* (приспособление для правки кос) — чув. *лапаткá* «брусок для точки кос»; рус. обл. *косу́ля* — чув. *кусилé* «соха с одним лемехом»;

2) подчинение заимствованного слова закону сингармонизма: рус. *перелог* — чув. *парлак* «залежь», «пар»; рус. *едок* — чув. *ятак* «член крестьянской семьи, имеющий право на получение земельного надела»;

3) устранение стечения нескольких согласных в начале слова постановкой редуцированных гласных *ă* или *ĕ*: рус. *кладь* — чув. *кăлат* «кладь (большая круглая копна снопов)»; рус. *скирда* — чув. диал. *ăскирт* «скирда (продолговатая копна соломы или сена)»;

4) замена звонких шумных гласных *б, г, д, ж, з* соответствующими глухими: рус. *борозда* (*бразна, борозна*) — чув. диал. *пăрасна* (*прусна, пурасна*) «борозда», «рассадник»; рус. *грабли* — чув. *кёрепле* «грабли»;

5) выпадение в заимствованном слове родовых окончаний: рус. *просека* — чув. *прачак* «широкая межа в поле, поросшая травой»; рус. *мотыга* — чув. диал. *маттик* «мотыга» и др.

Многие земледельческие термины чуваша заимствовали вместе с осваиваемыми предметами, приемами земледелия. Но, как известно, далеко не всегда слова следуют за вещами, или изменение мира слов соответствует изменению мира вещей. В чувашских говорах, носители которых живут в постоянном соседстве с русскоязычным населением, заимствованных земледельческих терминов значительно больше, чем в общенародном языке, ср.: диал. *сакун* «загон» — лит. *ана*; диал. *путвай* «подвой сохи» — лит. *пъркăч*; диал. *пулак* «полог для зерна» — лит. *шăналăк*; диал. *моркка* «морковь» — лит. *кишёр*; диал. *вишни* «вишня» — лит. *чие*; диал. *ăскирт* «скирда» — лит. *ура* и т.д.

Иногда земледельческий термин автохтонного происхождения и заимствование из русского языка существуют параллельно, отличаясь оттенками значения, особенностями употребления. К примеру, для дальнейшей дифференциации обозначений *уй сұлĕ* «полевая дорога», *кёресе* «лопата», *тислĕк* «навоз» использовались заимствованные термины: *стулна* (< рус. обл. *столба* «дорога меж загонов») «дорога между концами загонов»; *саступ* (< рус. *заступ*) «деревянная лопата для копки картофеля»; *навус* (< рус. *навоз*) «перепревший навоз».

Все заимствования (как ранние, так и новые) подчиняются системе словообразования и словоизменения

чувашицкого языка. Заимствуются обычно названия предметов — имена существительные, которые в случае необходимости становятся базой для образования соответствующих глагольных наименований: *навус* «навоз» — *навусла*, *навус тӑк* «унавоживать»; *лапатка* «лопатка (брусок для точки кос)» — *лапаткала* «точить косу» и др.

Кроме русского языка определенный вклад в чувашскую сельскохозяйственную лексику внесли и соседние языки: татарский и марийский.

Татарские заимствования в основном сосредоточены в говорах низового диалекта. Среди них можно выделить следующие группы сельскохозяйственных терминов:

а) названия сельскохозяйственных орудий: *карлав* (лит. *саступ*) «деревянная лопата для копки картофеля» — тат., башк. *карлау* «палочка у пахаря для очистки плуга», *сапан* (лит. *акануҫ*) «сабан» — тат. *сабан* «сабан (деревянный плуг)»;

б) продукты переработки урожая: *кипек* (лит. *хывӑх*) «шелуха зерна», «отруби» — тат. *кибӑк*, башк. *кӑбӑк* «шелуха», «оболочка зерна»; *кимӑк* (лит. *арпа*) «мякина» — тат., башк. *кимек* «мягкая кость», «костный мозг»;

в) средства перевозки и хранения урожая: *тӑрӑнша* (лит. *шӑналӑк*) «полог для зерна» — тат. *торопша*, *торпыша* «полог»; *алап* (лит. *лӑпӑ*) «продолговатая плетеная корзина, служащая тарой для зерна» — тат., башк. *алап* «лубочный короб для хранения хлеба» и др.

Часть сельскохозяйственных терминов, заимствованных из татарского языка, получила в чувашском языке широкое распространение, вошла и в литературный язык. К ним относятся *ясмак* «чечевица», *чечек* «цветок, лепесток», *кавӑн* «тыква».

Г.В.Лукоянов [45, с. 107—111] и М.Р.Федотов [74, с. 298—322] отмечают в чувашском языке около трехсот марийских заимствований. Однако в их списках значительное место занимают мариизмы, которые бытуют лишь в пограничном с марийским языком северо-западном (сундырском) говоре верхового диалекта, кроме того встречаются и так называемые «булгаризмы марийского субстрата» (т.е. обратные заимствования). По подсчетам Н.И.Егорова [34, с. 59], в чувашский общенародный язык вошло не более пятнадцати марийских заимствований, а в верховом диалекте их количество не превышает двадцати—

тридцати слов. Сходного мнения придерживался и В.Г.Егоров [см.: 29, с. 80].

«Предки современных мари, удмуртов, коми и мордвы жили в лесах и много занимались звероловством, а также рыболовством, — отмечает автор монографии «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи» М.Р.Федотов. — Этим, видимо, следует объяснить тот факт, что марийский язык не дал чувашскому ни одного термина из области земледелия и животноводства» [74, с. 298]. Однако в составе марийских заимствований, освоенных некоторыми говорами верхового диалекта, есть и обозначения реалий, связанных с земледелием. Они в основном сосредоточены в трех тематических подгруппах:

а) названия морфологических частей растений: *перче* «почка», «росток» — мар. г. *пәрца*, мар. л. *парча* «кисть (ягод)», «сережки (на деревьях)»; *топкă*, *тупка* «гроздь, кисть (ягод)» — мар. л. *тупка*, мар. г. *тыпка* «охлопок (волокна)»;

б) названия сорных трав: *лапăстан*, *лапăштан*, *лопăстан* «лопух (репейник)» — мар. г. *лапштан* «лопух», «лопушник»; ср.: мар. л. *лопшудо* «тж»; *шонтă вут(т)и* «пижма» — мар. г. *шанды шуды* «пижма»;

в) обозначения приспособлений (изделий) из дерева: *шѣпѣн* «узкая деревянная лопата для копки картофеля» [см.: 63, с. 90], мар. г. *шывынь*, мар. л. *шугыньо* «рычаг», «дубина»; ср.: коми-зыр. *сѳвин* «шест», «жердь».

Как видно из приведенных примеров, в процессе освоения татарские и марийские слова нередко меняли свои исходные значения. Изменялась у заимствованного названия и фонетическая оболочка: звуки, не соответствующие чувашской артикуляции, подвергались замене звуками, близкими по звучанию.

Особую группу в земледельческой лексике составляют первообразные наименования — «первичные нейтральные номинативные знаки с забытой внутренней формой» [54, с. 36]. В современном языке они осознаются как морфологически непроезженные и семантически немотивированные названия. Часть их имеет параллели в родственных тюркских языках. Среди них названия основных работ земледельческого цикла (*ак*- «обрабатывать землю», «сеять», *выр*- «жать», *сăвăр*- «веять»), некоторые наименования морфологических частей полевых культур

(*вӑрӑ* «семя, семена», *пучах* «колос») и др. Названия традиционных сельскохозяйственных культур в основном относятся к древней лексике культурного круга и имеют этимологические соответствия в языках различных групп: тюркских, монгольских, иранских и др.

К определенной части чувашских первообразных агротерминов параллели можно найти лишь в финно-угорских языках (например, *сурла* «серп», *кӑшман* «свекла» и др.). Здесь не всегда удается установить единственно возможное направление заимствования: болгаро-чувашский → финно-угорский или финно-угорский → чувашский (волжско-финский → чувашский или пермско-финский → чувашский).

Слова типа *капан* «кладь», «стог», *кӑлте* «сноп», *пукра* «куколь», *пуса* «культивируемое поле» представлены во всех языках Волго-Камского региона.

Глава II НАИМЕНОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

1. Названия полевых культур

Как известно, состав и территориальное распространение сельскохозяйственных культур определяли различные факторы: почвенно-климатические условия края, применявшиеся системы земледелия, экономическая состоятельность крестьян, запросы рынка, а также этнические традиции и инновации [79, с. 30]. О наборе традиционных полевых культур, которые возделывались населением Среднего Поволжья в древности, мы можем судить, в частности, по зерновым материалам, найденным при раскопках Билярского городища (в Алексеевском р-не Татарстана). Как показывают археологические данные, самыми предпочитаемыми культурами у болгар были пшеница, просо, полба-двузернянка, ячмень. Относительно реже встречаются в зерновых ямах лен, рожь, овес, за ними идут чечевица, вика, горох, конопля [39, с. 241—242]. В последние столетия большую часть посевной площади у чувашей занимали рожь и овес, второстепенными культурами являлись ячмень, пшеница, горох, полба, гречиха, чечевица, просо. Повсеместно выращивали коноплю, реже — лен [40, с. 85, 132]. Все эти культуры в той или иной мере возделывались как низовыми, так и верховыми чувашами [77, с. 9—10; 78, с. 37—41].

Об ареале и степени распространенности у чувашей в прошлом той или иной сельскохозяйственной культуры косвенно свидетельствуют микротопонимы. Составными компонентами многих названий полей, полян, оврагов являются фитонимы: *урна* «ячмень», *кантӑр* «конопля», *сӗлӗ* «овес», *ыраш* «рожь», *пӑрса* «горох», *тулӑ* «пшеница», *вир* «просо», *ямӑк* «чечевица». Вот, к примеру, микротопонимы, включающие название конопли: *Кантӑр варӗ* — название оврага (Ахманей, Торопкасы); *Кантӑр кукри* — название луга (Сунчелеево), название поляны (Емелькино); *Кантӑр кӗлли* — название

озера, пруда (Аксарино, Нижарово, Юнгапоси, Яшкильдино), название луга (М.Бишево); *Кантӑр пӗви варӑ* — название ложбины (Торопкасы); *Кантӑр пылӑх* (Арзаматово); *Кантӑрни ҫырми* — название оврага (Н.Куганары) и др.*

Один из важнейших и древнейших культурных знаков **ячмень** в чувашском языке в основном обозначается словом *урна* (верх.: Тойдеряки, Сормвары, Б.Выла; сред.: Илебары, Поваркасы, Имелево, Я.-Норваши; низ.: Х.-Батырево, Н.Изамбаево, Первомайское, К.-Шемурша; тат. г.: Рунга, Ч.Бюрганы; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: Рождественка, Теняево; оренб. г.: В.Курмей). Для северо-западной диалектной зоны характерен фонетический вариант *орна* (М.Карачкино; Н.Олгаши, Ахманеи; Ишаки, Шобашкаркасы; Якейкино).

История чувашского *орна* (*урна*) прослеживается с древнебулгарской эпохи, ср.: венг. *árpa*, *orpa* «ячмень» (< др.-булг. *орна). В тюркских языках это слово встречается в форме *арпа*, *арба*. Название ячменя, по-видимому, индоиранского происхождения (санскр. *arbha*), через тюркское посредство оно распространилось в монгольских, тунгусо-маньчжурских и самодийских языках.

В островных чувашских говорах в русскоязычном окружении (Б.Гора, Шняево) для обозначения указанной культуры используется заимствование *ячмень* [48, III, с. 97].

Ячмень, «из муки которого чувашаи готовили национальное кушанье ҫамах, ценился выше овса» [13, с. 44], но последний в здешних местах был более надежной, устойчивой культурой и, следовательно, более распространенной.

Название **овса** *сӗлӗ* // *сӗлӗ* также общечувашское (верх.: Сёткасы, Ахманеи, Ишаки, Сормвары; сред.: Сотниково, самар. г.: М.Микушкино; башк. г.: Теняево; оренб. г.: В.Курмей). В отдельных говорах (Ст.Алгаши) зафиксирован фонетический вариант *сӗлӗ*.

---

* Заслуживает упоминания тот факт, что в микропонимии не обнаружено названия полбы *пӑри* [51, с. 45—46]. Оно не встречается и в текстах наиболее полных собраний чувашских песен [81, III—IV]. Там же название ржи встречается 27 раз, ячменя, пшеницы и овса 19—20 раз и т.д.

Историю чувашского названия овса можно проследить с протобулгарской эпохи, ср.: манс. *сол*, хант. *сола*. В среднебулгарский период чув. *сё̣лӧ̣* было освоено марийцами: мар. *шӱльӧ, шӱлы, шюлю*.

Название овса носит общетюркский характер, имеет этимологические соответствия в индоиранских (ср.: санскр. *śali* «зерно», осет. *syl* «рожь»), южнославянских (словен. *silje* «зерновые культуры»), монгольских (калм. *суле, суль* «овес», п.-монг. *suli*, х.-монг. *суль* «степной ковыль»). В.И.Абаев в этом ряду рассматривает кавказские названия сельскохозяйственных культур (груз. *svili, svila* «рожь», лезг. *suli, sil* «рожь», чеч. *sula* «овес» и др.) и предполагает, что это слово идет из Центральной Азии, т.к. «монгольский сохранил древнее значение дикого кормового злака» [1, III, с. 195].

Основное название **пшеницы** обыкновенной в чувашском языке — *тулӑ* (верх.: Тойдеряки, Б.Янгильдино, Яргунькино, Б.Выла; сред.: А.-Базары, Вурумсут, Имелево, Мусирмы; низ.: М.Кошелеи, Б.Таяба; тат. г.: Ст.Мокшино, Рунга; ульян. г.: Ср.Тимерсяны; самар. г.: Н.Якушкино, М.Микушкино; башк. г.: Три Ключа, Н.Карамалы; оренб. г.: Н.Курмей). В некоторых говорах оно произносится как *туллӑ* (Теняево). В северо-западной диалектной зоне распространен фонетический вариант *толӑ* (Сёткасы, М.Карачкино; Калмыково; Ишаки, Шобашкаркасы; Якейкино).

В фольклорных текстах *тулӑ* часто встречается в сочетании с определительным компонентом *сарӑ*, букв. «желтый», «светлый». Например:

«Сарӑ тулӑ кам сиет?
Ырӑ сынсем сиесӗсӗ, —
Пире пырӗ ырашӗ...» (Н.Кибекси).

«...Сарӑ толӑн сар почӑхӗ
Сар хӗр ҫине тайӑлат» (Тораево).

В отличие от названий ячменя и овса, чув. *тулӑ // толӑ* «пшеница» в других тюркских языках прямых соответствий не имеет (ср.: др.-тюрк. *talqan* «поджаренная мука», «толокно»). В них данный злак обозначается словами, восходящими к

праформе *buɟdaj. В чувашском языке она трансформировалась в *пӑри* «полба» (см. ниже).

Чувашское название пшеницы, очевидно, связано с грузинским *dol* «озимая пшеница» (ср.: мегр. *ndolo* «трава», «зелень», «растение») [см.: 76, с. 179]. В.Г.Егоров, со ссылкой на В.И.Абаева, приводит грузинские лексемы *доли* «чистая пшеница», *дола* «хлеб из чистой пшеницы» и высказывает предположение, что предки чувашей заимствовали это слово во время пребывания на Северном Кавказе* [31, с. 256].

Интересно отметить, что в отдельных говорах (Ст.Алгаши) общенародное *тырӑ* «зерно», «злак», «хлеб на корню» (ср.: др.-тюрк. *tariŷ* «зерно», «злаки», «хлеб» < *tari-* «сеять») имеет специализированное значение «пшеница».

В народной номенклатуре полевых культур имеется несколько составных наименований, образованных на основе названия пшеницы. Одно из них — *хора тол // хура тул* «**гречиха**» употребляется во всех диалектах (верх.: Ахманей, Шобашкаркасы, Сормвары; сред: Имелево, Ситмиши; низ.: Х.-Батырево, Первомайское; тат. г.: Ивашкино; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: М.-Мелеуз, Теняево). По своей семантической структуре *хора тул* (букв. «темная пшеница») сходно с обозначениями гречихи во многих других языках; ср.: тат. *карабодай*, башк. *кара бойзай*, тур. *karabuğday*, узб. *корабудой*, перс. *gandomsi h*. В некоторых языках по этой модели образовано название ржи: каз. *кара бидай*, карач.-балк. *кӧара будай*, к.-калп. *кара бийдай*, монг. *хара бугудай*.

В частных диалектных системах (например: Елаур) в речи людей старшего поколения [48, IV, с. 25; 7, XVII, с. 239] сохранилось составное наименование *шур тулӑ* «**рис**», букв. «белая пшеница». Архаизмом стало и другое название риса — *тӗкӗ* (Н.Изамбаево). Оно имеет параллели в соседних тюркских

---

* Примечателен в этом отношении встречающийся в текстах чувашских народных песен оборот «*Ўӗллӗ тусем ҫине тулӑ акрӑм*» («На горы высокие посеял я пшеницу»). К примеру:

«*Ўӗллӗ тусем ҫине тулӑ акрӑм:
Тулӑ пулмас тесе кулянтӑм...*» (Ср.Тимерсяны).

«*Ўӗллӗ тусем ҫинче тулӑ кӑшӑлӗ.
Ан уйӑрӑр унӑн кӑшӑлне...*» (Н.Якушкино).

языках: тат. *дәге*, башк. *дәгә* «рис» (ср. также: груз. *dika* «пшеница персидская», табас. *дукі* «просо», чеч. *дуга* «рис»).

Исконно чувашское обозначение **кукурузы** *чакан тулă* также было образовано на основе названия пшеницы, букв. «пшеница-рогоз» [7, XV, с. 130]. В современном диалектном языке оно уже не употребляется.

По данным Н.И.Вавилова, культурная **рожь** произошла из сорнополевой (засорителя посевов пшеницы), и начали ее возделывать значительно позднее пшеницы. С посевной рожью предки чувашей, по-видимому, познакомились в волжскобулгарский период. Преимущества этой культуры, как самой морозостойкой из всех хлебных злаков, в полной мере обнаружались чувашскими земледельцами на нынешней территории проживания.

Название **ржи** *ыраш* — общенародное (верх.: Калмыково, Шоркино, Сормвары; сред.: Сотниково, Агтиково, Байгеево, Ч.-Шинеры, Имелево; низ.: Х.-Батырево, Сабанчино, Бахтигильдино; тат. г.: Рунга, Ивашкино; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: Юмашево). В некоторых говорах (Ср.Аверкино, Н.Аверкино, Падаккасы) бытует фонетическая форма *ырас* [48, II, с. 169]. В материалах рукописного фонда Н.В.Никольского [НА ЧГИГН, отд. I, т. 208, с. 97] встречается вариант *араш* (возможно, описка): *Пуянраххисем кивё араш капанёсем 4—5 сул лартаҫҫё* (Аккозино).

Чувашское название ржи имеет параллели в некоторых тюркских (тат., башк. *арыш*; каз., хак. *арыс*), в финно-угорских (венг. *rozsz*, мар. *уржа*, *ыржа*, морд. *розь*), а также в славянских и балтийских языках [см.: 72, II, с. 493—494].

Полба была одной из основных культур как у волжских болгар, так и их потомков — татар и чувашей [см.: 79, с. 36; 41, с. 154]. Это хлебное растение, ценившееся за засухоустойчивость, неполегаемость, неосыпаемость, уже более полувека в Чувашии почти не включается в севооборот, но его единственное название *пăри* людям старшего поколения известно во всех диалектах [48, IV, с. 95; ср.: 7, X, с. 132]. Записано оно нами в 1987 г. и в башкирских говорах чувашского языка (Юмашево, Рождественка, Ч.Карамалы, Теняево,

Антоновка). В северо-западной части нашей республики и в бассейне р.Аниш употребляется фонетический вариант *пă̆ри*. В некоторых говорах название полбы произносится как *пă̆рри* (верх.: Сюрлатри, Тораево, Челкасы А.; тат. г.: Азбаба).

История слова *пă̆ри* прослеживается с древнебулгарской эпохи, ср.: венг. *buza* «пшеница» (< др.-булг. *бувзай), тат., башк. *борай*, мар. *пури* «полба» (< ср.-булг. *борай).

Многие исследователи (В.Г.Егоров, Н.И.Егоров, Г.Дерфер, Б.Шернер и др.) чув. *пă̆ри* и тат.-башк. *борай* «полба» связывают с тюркским названием пшеницы: ср.: тат. *бодай*, башк. *бойзай*, к.-калп., кум. *будой*, тур. *buğday*, туркм. *бугдай*, узб. *будой*, аз. *будда*, хак. *пудай*, сиб.-тат. *пойтай* «пшеница». В древнетюркских памятниках зафиксированы *budɣaj* и *buɣdaj* «пшеница» [28, с. 120]. Э.В.Севортян [61, II, с. 234—235] высказывает сомнение в возможности перехода *buɣdaj* «пшеница» в *пă̆ри* «полба». С фонетической точки зрения переход тюркского *-d-* в болгаро-чувашский *-r-* через ступень *-z-* вполне реален. Семантические филиации «полба» ↔ «пшеница» тоже по-своему закономерны: как известно, полба (пшеница-двузернянка) — лишь разновидность пшеницы.

Чувашский фитоним *пă̆ри* по форме и семантике близок праслав. *пыро* «полба, хлебное растение», серб. *пир* «полба», словен. *пыр(а)* «полба», «пырей», лит. *purai* «пшеница» и др. Такое совпадение вряд ли можно отнести к числу случайных. Иного мнения придерживается А.Рона-Таш, сопоставление тюркско-монгольского *buɣdaj* и чув. *пă̆ри* с индоевропейским *phur «пшеница» он считает неприемлемым [см.: 59, с. 30—31].

Во многом прав персонаж одного из произведений современного чувашского прозаика Д.Гордеева*: «— *Пă̆ри, вир, ясмăк мённе эпир те манса пыратпă̆р ёнтё, сáмрăксем ятне те илтмен*» («— И мы начинаем забывать, что такое полба, просо, чечевица, а молодые и названия не слышали»). Уже в начале века как в северной, так и в южной частях Чувашии просо сеяли лишь в небольшом количестве [77, с. 10; 78, с. 41]. В последние десятилетия площади этой культуры в республике составляют менее 0,1% в общей структуре посевов. Название **проса** *вир* перешло в рецептивный словарный запас носителей

---

* *Гордеев Д.* Тёрленё кёпе. Чебоксары, 1983. С. 111.

диалектов (верх.: Сюрлатри, Таутово, Ходары; сред.: Дятлино, Орауши, Янгорчино; низ.: Турмыши, К.-Шемурша; тат. г.: Ст.Бурундуки; ульян. г.: Ч.Калмаюр; самар. г.: Ч.Ключ, Малячкино; башк. г.: Юмашево, Ч.Карамалы, Антоновка; оренб. г.: В.Курмей). В словаре Н.И.Ашмарина [48, V, с. 357; ср.: 48, IV, с. 59] зафиксирован фонетический вариант *вёр*.

В некоторых говорах верхового диалекта (Калмыково, Молгачкасы) в значении «просо» используется лексема *пйшана* (< рус. *пшено* «крупа из проса»): «Гигант» совхозра *пёлтёр пйшана та акрёс* («В совхозе «Гигант» в прошлом году сеяли и просо»).

Чувашское название проса *вир* — прямое соответствие древнетюркскому *ügür, üjür* «просо» [28, с. 623]. В современных тюркских языках таких параллелей уже нет, этимологически с ним связаны названия различных видов кушаний из крупы: тат. *өйр* □ хак. *үгүре*, алт. *үгре* «суп из крупы», башк. *өйр* □ «похлебка», томск.-тат. *ўр* □ «кашица»*. М.Р.Федотов указывает як. *уэрэ: тараан уэрэ* «просо», «каша» [75, I, с. 124].

В других тюркских языках просо обозначается словами, восходящими к др.-тюрк. *tarıy* «зерно, злаки, хлеб», «просо», «земледелие, земледелие» [28, с. 537]. В чувашском языке этимологически с ним связано *тырă* «зерно», «злаки», «хлеба», оно не имеет специализированного значения «просо».

Название продовольственной и технической культуры **конопли** — *кантёр* — общечувашское (верх.: М.Карачкино, Ахманеи, Шобашкаркасы, Туваны; сред.: Октябрьское, Вурумсют, Ухманы; низ.: Х.-Батырево, М.Таяба, Первомайское; башк. г.: Рождественка, М.-Мелеуз). В некоторых говорах (Систеби, Н.Изамбаево; см.: 7, VI, с. 68) в значении «конопляное семя» используется форма *кант(а)ри* (< *кантёр* + *вэрри*).

В других тюркских языках чувашскому *кантёр* «конопля» в основном соответствуют *кендир, киндер*; ср. также венг. *kender*, ср.-монг. *kendir* «конопля». В пратюркский язык это название, по-видимому, попало из какого-то индоиранского языка. По предположению А.М.Щербака, источником др.-тюрк. *kendir* является тохарский язык [84, с. 127].

---

* Следует отметить, переходы типа «зерновая культура» → «крупа», «пшено» → «каша» — довольно распространенное явление. К примеру, *будай* (*будай*) в некоторых тюркских и монгольских языках кроме значения «пшеница» имеет и значение «крупа», «каша», «кашица».

Во многих языках Европы и Азии обозначение конопли включает в себя корень *kon или *kan. Возможно, все эти фитонимы в конечном счете восходят к скифскому названию конопли [см.: 82, с. 422].

По сравнению с коноплей **лен** довольно прихотливая культура и обрабатывать его сложнее, поэтому, естественно, он возделывался меньше [78, с. 41]. А в последние десятилетия лен практически вышел из севооборота. Однако диалектоносителям старшего поколения хорошо известна эта культура и ее название *йѣтѣн* // *йѣтѣн* (верх.: Сѣткасы, Тойдеряки, Шобашкаркасы, Сормвары; сред.: Тиньговатово, Ситмиши, Ч.-Шинеры; низ.: М.Кошелеи, Бикмурзино, Первомайское; тат. г.: Ч.Бюрганы, Альшеево; ульян. г.: Ср.Тимерсяны; самар. г.: М.Микушкино; башк. г.: Рождественка, Н.Карамалы). По данным Н.И.Ашмарина, фитоним встречается и в иной огласовке: *йитѣн* (Тиханкино; 7, IV, с. 311), *йѣтин* (Альгешево; 7, V, с. 152).

Йѣтѣн имеет параллели в языках Волго-Камья: тат. *житен*, башк. *етен*, удм. *етѣн*, *зѣтин*, мар. *йытын*, *итын* «лен». Марийские и удмуртские формы заимствованы из чувашского или татарского.

В других тюркских языках в значениях «лен» и «холст (полотно)» употребляется слово *кетен* (*кеден*, *киден*). В чувашском языке также имеется форма *катан* (*катан пир*, *катам пир*), однако она служит лишь обозначением холста, домотканого полотна. Общетюрк. *kātān* имеет соответствия в языках различных групп. Одни из них имеют значение «лен», другие «холст» («полотно», «вид ткани»), третьи совмещают эти значения.

Видимо, тюркское *кетен* (*катан*) — иранское (восточноиранское) заимствование, а чув. *йѣтѣн* появилось позднее (в древнебулгарский период) из формы *чѣтѣн [см.: 19, с. 70]. Источник последней может быть в западноиранских или северокавказских языках (ср.: адыг. *чѣтѣны*, кабард. *чѣтѣн*, лак. *чѣтан* «льняное полотно»).

Названия одной из бобовых культур — *ясмак* «чечевица» — уже нет в активном словаре диалектного языка. Переход его в рецептивный фонд обусловлен тем, что обозначаемая культура начиная с пятидесятых годов не культивируется в Чувашской Республике.

Судя по фонетическому облику — сохранение *й*- (вместо закономерно ожидаемого *ç*-) и *a* первого слова (вместо *y* в низовом диалекте и *o* — в верховом) — данный фитоним был заимствован из татарского языка после XV—XVI вв. Возможно, до этого в болгаро-чувашском языке существовало другое обозначение чечевицы. Чув. *ясмăк* и тат. *ясмык* имеют параллели и в других тюркских языках. В основу тюркского наименования этого растения положена своеобразная форма семян, ср.: др.-тюрк. *jası* «плоский».

Люди старшего поколения, носители всех диалектов, помнят *ясмăк* — культуру и название. А молодые респонденты отвечают примерно одинаково: «*Ясмăк илтмен*», «*Пёлместёп*» («О чечевице не слышали», «Не знаю»).

Название **гороха** *пăрса* — общечувашское и, в отличие от *ясмăк*, известно диалектоносителям независимо от возраста (верх.: Ахманей, Ишаки, Б.Выла; сред.: Вурумсют, Картлуево*, Ч.-Шинеры; низ.: Индырчи, Х.-Батырево, Яльчики, Тарханы; тат. г.: Ч.Бюрганы; ульян. г.: Ст.Алгаши). История фитонима прослеживается с древнебулгарской эпохи; ср. венг.: *borsó* «горох» (< др.-булг.), мар. *пурса*, *пырса* (< ср.-булг.).

Пăрса «горох» имеет параллели практически во всех тюркских (*борчак*, *бурчак*, *борсак*, *буршак*, алт. *мырчак*) и монгольских языках (*бурсак*, *бурцаг*, *буурсаг*).

Слово, очевидно, исконно тюркское и образовано от глагола *бур*- (чув. *пăр*-) «вить, закручивать», указывающего на характерную особенность стебля растения [см.: 90, с. 731; 23, с. 150].

Обозначение гороха встречается в качестве стержневого компонента в диалектных наименованиях бобов, фасоли, вики и более десятка сорных растений.

Самое распространенное, междиалектное название **вики** посевной — заимствование *викка*. В некоторых говорах (Теняево) встречается в этом значении *вётё пăрса*, букв. «мелкий горох». В словаре Н.И.Ашмарина указаны еще несколько названий, которыми в разных местах обозначалась вика: *вăрăм ясмăк*, букв. «длинная чечевица» [7, V, с. 315], *тăрна пăрси* // *тă рно*

---

* Для козловско-урмарских говоров характерен фонетический вариант *пă рсо*.

порси, букв. «журавлиный горох» [7, XIV, с. 326], *юхма пӑрси* [7, X, с. 140].

Плоскосеменную вику, засоряющую чечевицу, называли *ямӑк пӑрси* (Систеби), букв. «чечевичный горох», а название вики, подсеиваемой к яровым, *тӑклӑ пӑрса* (Тарханы), букв. «ворсинчатый горох».

Названия бобов и фасоли, возможно, следовало анализировать в разделе огородных культур. Но, учитывая структурно-семантические особенности этих фитонимов, представляется уместным рассмотрение их рядом с обозначениями гороха и вики.

Основное название **фасоли** — *нимӑс пӑрси* // *нимӑс порси*, букв. «немецкий горох». Употребляется оно во всех трех диалектах (верх.: Калмыково, Шобашкаркасы, Алманчино; сред.: Килейкасы, Октябрьское, Челкасы, Имелево; низ.: Яльчики, Лащ-Таяба, Тарханы, Бахтигильдино; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: Теняево). В некоторых говорах фасоль имеет специфические обозначения: *хура пӑрса*, букв. «черный горох» (Нюргечи), *сырӑллӑ пӑрса* или *сыруллӑ пӑрса*, букв. «пестрый горох» (Ч.Бюрганы), *патак пӑрси*, букв. «палочный горох» (М.Карачкино).

В научной номенклатуре флоры указанным названиям соответствует *шалча пӑрси*. Как в литературном языке, так и в говорах параллельно с собственно чувашским названием используется и заимствование *фасоль*.

Нимӑс пӑрси часто встречается и в значении «**бобы**» (Абызово, Н.Шальтямы; А.-Ахпердино, Асаново, Нюргечи; Альшеево). В говорах верхового диалекта зафиксированы фонетико-морфологические варианты: *нимӑч пӑрси* (Альгешево), *нимпӑрчӑ пӑрси* (В.Олгаши). Компонент *нимпӑрчӑ* в последнем фитониме — обратное заимствование из марийского: чув. *нимӑс пӑрси* > мар. *немычпурса*, *немыц-пурса* > чув. верх. (с.-з.) *нимпӑрчӑ пӑрси*.

В горномарийском языке и в соседних с ним говорах верхового диалекта (М.Карачкино, Б.Карачкино) бобы называются «тараканьим горохом», ср.: мар. *таракан пырса*, чув. *тараккан пӑрси*.

В значении «бобы» встречается и *хура пӑрса*, букв. «черный горох» (Ст.Алгаши).

В последние десятилетия получило широкое распространение возделывание кормовых травянистых культур. Клевер, костер, люцерна и др., как члены естественного растительного сообщества, были хорошо известны чувашам и имели исконные названия. Однако для обозначения культурных сортов этих растений в основном используются заимствования из русского языка. К примеру, *клевер* красный имеет общеупотребительное название *к(ă)левăр // к(ĕ)левĕр* (верх.: Бархаткино, Бобылькасы, Ахманеи, Шобашкаркасы, Онгапось; сред.: Октябрьское, Пиндиково, Поваркасы, Буртасы, Н.Шальтямы, Ср.Татмыши; низ.: А.-Ахпердино, Индырчи, Бал.-Байшево, К.-Шемурша). А для обозначения дикорастущего клевера лугового, из которого был выведен клевер красный, в диалектном языке сохраняется большое количество ономазиологических вариантов: *мăкăр пуç* (Ахманеи, Рыкакасы, Онгапось, Ишаки, Т.-Выла), *хĕрлĕ поçлă корăк* (Ягудары), *пыллă пуç* (Тарханы, Именево), *чавка пуç* (Ст.Айбеси, Егоркино, Н.Якушкино, Туарма, С.Овраг), *чана пуç* (Савгачево, Неверкино), *чавка курăкĕ* (Ст.Чекурское), *ёмек чечекки* (Избеби), *ёмекен курăк* (Н.Изамбаево), *ёмчĕк курăкĕ* (Семенчино, Яргуныкино), *кĕçĕн сын курăкĕ* (Картлуево) и др.

2. Названия огородных культур

По сравнению с полеводством возделыванию овощей чувашаи уделяли значительно меньшее внимание. Их разведением в основном занимались женщины. В работе, изданной в 1921 г., исследователь чувашского земледелия приводит такие подробности: «Мужчины... до того были заняты мыслью о полеводстве, что не давали своим женам навоза под огород; капуста, огурцы, морковь, репа и брюква сеялись в малом количестве, почти всегда слишком густо и неумело...» [13, с. 54]. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с таким утверждением. В частности, известно, что посеvy репы — до второй половины XIX в. основной овощной культуры у чувашей — занимали довольно большие площади [40, с. 85; 77, с. 6]. Этой культурой обычно открывался севооборот на новине. Не в одной чувашской народной песне встречаются строки типа: «*Çеçен хир вăтине çарăк акрăм...*», «*Çĕнĕ çĕр чĕртерсе çарăк акрăм...*» (Подняв новину, посеял я репу...). О возделывании

репы как полевой культуры свидетельствуют многочисленные чувашские микротопонимы с определительным компонентом *сарак* [см.: 7, XII, с. 63—64; ср.: *сараклях* «репище»].

Название **репы** *сарак* — единое общечувашское слово, практически не имеющее местных произносительных вариантов. Оно известно повсеместно (верх.: Молгачкасы, Хыркасы, Б.Выла, Алманчино; сред.: Вурумсют, Ч.-Шинеры, Челкасы, Ухманы; низ.: Яльчики, В.Атыково, К.-Шемурша; тат. г.: Иоково; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: Ч.Карамалы, Антоновка; оренб. г.: Н.Курмей). Существует несколько версий о происхождении слова *сарак* [см.: 19, с. 76; 26, с. 45].

К.Редее и А.Рона-Таш не согласны с устоявшимся мнением (впервые высказано Ю.Вихманом в 1903 г.) о чувашском происхождении удмуртского названия репы. Удм. *сяртчы*, по мнению венгерских исследователей, возникло раньше и заимствовано чувашами [98, с. 131].

Следует иметь в виду, что репу иногда путают с брюквой, и, к примеру, *тутля кайман* — одно из названий брюквы у низовых чувашей — может употребляться и в значении «репа» (Тарханы, Бахтигильдино и др.).

Возделывание других корнеплодов (моркови, свеклы, брюквы, редьки) в отличие от репы носило, видимо, «очаговый» характер. Об этом, в частности, свидетельствуют их многочисленные названия, существенно отличающиеся степенью распространенности и временем появления в диалектном языке.

Наиболее употребительным названием **свеклы** является *кайман* // *кайман*. Территория его распространения включает верховой диалект (М.Четаи, Юнгапоси, Ахманеи, Б.Выла, Кожары, Шумерля), средний диалект вместе с соседними (северными) говорами низового диалекта (Вурумсют, А.-Базары, Ч.-Шинеры, Ухманы, Индырчи, Х.-Батырево), а также некоторые говоры татарских (Н.Аксубаево, Н.Ильмово) и башкирских чувашей (Антоновка, Ч.Нагадак, Ч.Карамалы, Тряпино). В юго-восточной части Чувашии в этом значении употребляется слово *чёкёнтёр* (А.-Ахпердино, Асаново, В.Атыково, Н.Турмышево, Сабанчино, К.-Шемурша). Широко представлено оно и за пределами республики: *чёкёнтёр* (спорадично *сёкёнтёр*, *чикёнтёр*) встречается в речи чувашей

Татарстана (Аккиреево, Абыркино, Иоково), Ульяновской обл. (Елаур, Ч.Калмаюр, Ст.Сахча), Самарской обл. (Б.Микушкино, Туарма, Б.-Солонец), Башкортостана (Юмашево, Три Ключа, Теняево, Кирюшкино), Оренбургской обл. (В.Курмей). В отдельных говорах (например, в речи жителей д.Н.Курмей) для обозначения свеклы используются и *кӑшман*, и *чӑкӑнтӑр*. Причем не как дублиеты, а как компоненты составного наименования — *чӑкӑнтӑр кӑшманӑ* (записано нами в 1987 г.).

Как от *кӑшман*, так и от *чӑкӑнтӑр* с помощью определительных компонентов *хӑрлӑ* «красная», *шурӑ* «белая», *сахӑр* «сахар(ная)», *выльӑх* «скот, скотина» образованы в чувашских говорах составные наименования для обозначения сортов свеклы:

а) *хӑрлӑ кӑшман* (Важуково, Алманчино; Челкасы; Ивашкино), *хӑрлӑ чӑкӑнтӑр* (Лаш-Таяба, Бал.-Баишево; Иоково, Теняево) «свекла столовая»;

б) *шурӑ кӑшман* (Янгорчино), *шур чӑкӑнтӑр* (Кирюшкино) «свекла сахарная»;

сах(х)ӑр кӑшманӑ (Ахманеи, В.Карачуры; Кош-Елга), *сахӑр чӑкӑнтӑрӑ* (Сабанчино, Три Ключа), *саххӑрнай чӑкӑнтӑр* (Теняево) «свекла сахарная»;

в) *выльӑх кӑшманӑ* (Ишаки, Калмыково), *выльӑх чӑкӑнтӑрӑ* (Иоково, Теняево) «свекла кормовая»;

кармавай кӑшман (Кош-Елга), *кӑрмавуй кӑшман* (Б.Микушкино), *кармавой чӑкӑнтӑр* (Три Ключа), *кӑрмавуй чӑкӑнтӑр* (Васильевка РБ) «свекла кормовая».

Наряду с *кӑшман* слово *чӑкӑнтӑр* широко используется и в литературном языке. В двуязычных и терминологических словарях они обычно приводятся как равноправные, синонимичные обозначения. Некоторые авторы [44, с. 139] слово *чӑкӑнтӑр* даже указывают в качестве основного названия свеклы. В Чувашско-русском словаре 1982 г. оно впервые приведено с пометой «диалектизм».

Одно из названий свеклы — *чӑкӑнтӑр* — восходит к персидскому *çogondar* «свекла», а другое — *кӑшман* — А.Рона-Таш и К.Редеи считают «довольно поздним заимствованием» из диалекта татарского языка. В свою очередь тат. диал. *кушман* «редька» возводится к среднебулгарскому *хушман, имеющему, предположительно, древневогульское происхождение [58, с. 142—145; ср.: 85, II, с. 18].

Как и в соседних языках, словом *кӑшман* в чувашском языке первоначально обозначалась редька (ср.: тат. диал. *кушман*, мар. л. *ушман*, морд. м. *кушман*, *кушма*, морд. э. *кишумань*, удм. *кушман* «редька»). В этом значении зафиксировано оно в словарях чувашского языка XIX в. (1836 г.; 1875 г. и др.) и у Н.И.Ашмарина [7, VII, с. 221]. Позднее в говорах верхового и среднего диалектов *кӑшман* закрепилось как обозначение свеклы, а в основных говорах низового диалекта оно сохранилось только в атрибутивных сочетаниях типа *йӳсӗ кӑшман* «редька», *тутлӑ кӑшман* «брюква».

В некоторых периферийных говорах низового диалекта лексема *кӑшман* сохранилась в значении «редька»: «*Кӑшман тесе пирӗн хура хупӑллӑ, айӗ шурӑ тӗслӗ сӑмелли йӳсӗ сарӑка каласӗсӗ*» (запис. в с.Ст.Алгаши Ульянов. обл. в 1991 г.). Самое распространенное название редьки *йӳсӗ кӑшман* // *йӳс кӑшман*, указывающее на острый вкус корнеплода (*йӳсӗ* «горький, кислый»), известно во всех диалектах чувашского языка (верх.: Ишаки, Шобашкаркасы, Соляной, Ахманеи, Сормвары, Кожары; сред.: Карабаши, Систеби, Ухманы; низ.: Асаново, Буртасы Яльч.; тат. г.: Ивашкино, Иоково; башк. г.: Кош-Елга, Бишкаин, Тряпино; оренб. г.: В.Курмей, Н.Курмей) и имеет структурно-семантические параллели в финно-угорских языках: мар. *кочушмен* (*кочо* «горький»), удм. *курут кушман* «редька» (*курут* «горький»).

Название редьки, указывающее на цвет кожуры (*хура* «черный»), — *хура кӑшман* — информаторами Н.И.Ашмарина было зафиксировано в бывшем Бугульминском уезде Самарской губернии [7, XVI, с. 202]. Нами оно записано в гражданских говорах среднего диалекта (Вурумсют, Поваркасы) и в Федоровском р-не Башкортостана (Теняево). В последнем случае указанный фитоним употребляется параллельно с *йӳс кӑшман*.

Узколокальное название редьки (Акулево, Альгешево) *шор кӑшман* [7, XVII, с. 236], мотивирующим признаком которого, по-видимому, является цвет мясистой части корнеплода, в современных говорах как наименование вида не употребляется.

Ситуативные обозначения *ама кӑшман* и *аҫа кӑшман*, засвидетельствованные в рассматриваемом значении в семнадцатитомном «Словаре чувашского языка» [7: I, с. 187; II, с. 121], строго говоря, в диалектный ряд названий редьки

не входят. По всей видимости, они бытовали в тот период, когда слово *кәшман* устойчиво соотносилось с понятием «редька». Их дефинитивные компоненты (*ама* «самка», *аса* «самец») указывают лишь на нерелевантные признаки этого вида.

Лексема *кәшман* в отдельных говорах (верх.: Тяптяево, В.Аккозино; сред.: Дятлино; башк. г.: Шланлы, Асавбашево, Базлык) употреблялась и в значении «брюква» [63, с. 29; 48, II, с. 71]. В верховом и среднем диалектах и башкирских говорах верхового типа бытуют несколько модификаций указанного слова. Одна из них *кәшми* (*кошми*) распространена в вурнарских (Янгорчино, Калинино, Ермошкино, Абызово, Ч.-Шинеры), шумерлинских (Ходары, Туваны, Торханы Ш.), аликовских (Б.Выла, Т.-Выла, Таутово, В.Карачуры, Илгышево) говорах, встречается в юго-восточной части Ядринского р-на (Кильдишево, Б.Багиши), употребляется в с.Антоновка Гафурийского р-на Башкортостана. Вариант *кушшәм* «брюква» характерен для большинства чебоксарских (Б.Яныши, Шобашкаркасы, Важуково, Абашево, Альгешево, Акулево, Икково), моргаушских (Акрамово, Тойгильдино, Чуманкасы, Сюрлатри, Тораево, Шатьмапоси) говоров, встречается в красноармейских (Исаково, Б.Шатьма, Чадукасы), аликовских (Челкасы А.; В.Елыши), цивильских (Тувси, Визикасы) говорах; кроме того, он зафиксирован в с.Косяковка Стерлитамакского р-на Башкортостана.

Другой тип обозначения брюквы — составные термины со словом *кәшман*. Два из них, включающие компоненты *сарәкла* «похожий на репу» и *шурә* «белый» отмечаются в единичном рассеянном распространении: *сарәкла кәшман* [см.: 7, XII, с. 64], *шур(ә) кәшман* (верх.: Торопкасы; башк. г.: Теняево). Достаточно четкую противопоставленность имеют ареалы употребления названий с определительными компонентами *тутлә* «вкусный, сладкий» и *сар(ә)* «желтый»:

тутлә кәшман (низ.: Буртасы Яльч., Тарханы, Н.Турмышево; тат. г.: Ивашкино; самар. г.: Ч.Ключ, Туарма; башк. г.: Юмашево, Бишкаин, Тряпино, Ч.Нагадак; оренб. г.: В.Курмей) «брюква»;

сар кәшман (верх.: Кумаккасы, Ахманеи, В.Олгаши) «брюква».

В полосе Шумерля—Урмары зафиксированы оба названия: *тутлă кайман* (Чертаганы), *сарă кайман* (Систеби) [7: XIV, с. 189; XI, с. 67], причем в некоторых населенных пунктах наблюдается их сосуществование. Севернее этой полосы, в цивильских и марпосадских говорах среднего диалекта, в значении «брюква» употребляются лексемы *кашмир* (Тиньговатово, Килейкасы, Ст.Тугаево; Сатышево, Тогаево, Октябрьское, Карабаши) и *пукка* (Сутчево, Дубовка М.). В отличие от локализма *кашмир*, названия, близкие по фонетико-морфологическому облику к лексеме *пукка*, широко представлены и в низовом диалекте — в его т.н. «дальних», островных говорах:

пукку (тат. г.: Якушкино; ульян. г.: Ч.Калмаюр; сарат. г.: Казанла, Шняево; пенз. г.: Бикмурзино); ср.: рус. обл. *буква* «брюква»;

пуракки (башк. г.: Кош-Елга; оренб. г.: Н.Курмей); ср.: укр., рус. обл. *бурак* (мн. *бураки*) «свекла»;

пукла (башк. г.: Кирюшкино): «*Пукла сар су пек. Купайста пек пёрерён лартаççё, витре пек шултра пулать*».

Кроме того, в словаре Н.И.Ашмарина [7, IV, с. 259] в значении «брюква» упоминается составное наименование *пуккă çарăкё* (ср.: тат. *бук* $\square$ *шалкан* «брюква»).

В диалектном языке существует довольно разветвленная система обозначения **моркови** посевной. Наиболее употребительное из них *кишёр* (*кишер*, *кишир*) — персидское заимствование, опосредованное татарским языком [см.: 35, с. 71, 78]. Зона распространения этого названия включает:

а) основную территорию низового диалекта (Х.-Батырево, Асаново, Сабанчино, Н.Турмышево, К.-Шемурша) вместе с татарскими* (Ст.Чекурское, Ивашкино), ульяновскими (Ст.Алгаши), самарскими (Ср.Аверкино, Малячкино), башкирскими (Юмашево, Кош-Елга, Кирюшкино) говорами;

---

* Р.И.Цаплина в статье «Особенности некоторых чувашских говоров Татарской АССР и Куйбышевской области» [48, II, с. 182] выражение «*Чăхсем кишёрсэне çийаççё*», записанное в д.Савгачево Аксубаевского р-на Татарстана, переводит как «Куры клюют листья свеклы». Скорее всего, это просто недоразумение. Каких-либо сведений, подтверждающих употребление слова *кишёр* в значении «свекла» нет.

б) смежные низовые и средние говоры на территории Янтиковского (Индырчи, Турмыши, Я.-Норваши), Урмарского (Челкасы, Мусирмы, Шигали), Канашского (Имелево, Ухманы, Ср.Татмыши) р-нов;

в) восточновурнарские говоры (Янгорчино, М.Яуши; Троицкое), часть козловских (А.-Базары, Илебары) и мариинско-посадских (Кугеево) говоров среднего диалекта;

г) южную окраину Ядринского р-на (В.Ачаки, Б.Багиши), юго-западную часть Аликовского р-на (Б.Выла, Таутово), а также шумерлинские (Шумерля, Ходары, Туваны) и красночетайские (Аликово, В.Аккозино, Кр.Четаи) говоры верхового диалекта.

Как отмечал Н.И.Ашмарин, в «народной ботанике» различаются два типа моркови: *ама кишёр* «морковь с мягкой сердцевиной; дает семена на второй год, когда посадят корни» [7, I, с. 187] и *аса кишёр* «морковь с жесткой сердцевиной...; сразу в первый год дает стрелку с семенами» [7, II, с. 119].

По данным Л.П.Сергеева [63, с. 32; 48, III, с. 72, 92], в отдельных самарских (Стюхино, Султангулово) и саратовских (Казанла, Шняево) говорах морковь обозначается составным наименованием, состоящим из дефинитивного компонента *сар* «желтый» и опорного компонента *кишёр*: *сар кишёр*. А в верховом диалекте бытует название, мотивированное по тому же признаку (*сарй* «желтый»), но образованное от *кйшман* «свекла»: *сар кйшман*. Это узколокальное обозначение, характерное в основном для западноядринских говоров (М.Четаи, Орабакасы, Персирланы)*.

В верховых и средних говорах наибольшее распространение получило название моркови, заимствованное из русского языка (праслав. **tokku*). Оно имеет несколько фонетических вариантов. В Моргаушском и Чебоксарском р-нах широко представлен *моркка* (Ахманеи, Молгачкасы, Шобашкаркасы, Ишаки, Важуково), бытует и *муркав* (Альгешево). А в смежных говорах Цивильского и Канашского, Мариинско-Посадского и Козловского р-нов употребляется *марккух*, *моркух* (Аслыялы, Кошноруй, Поваркасы, Пиндиково), *мърккав*, *морков* (Вурумсют, Карабаши). В населенных пунктах,

---

* Ср.: в д.Кумаккасы, Ахманеи, В.Олгаши *сар кйшман* — название брюквы.

расположенных у юго-восточной границы указанного региона (например, в д. Килейкасы), *муркух* используется параллельно с *кишёр*. Лексемы, восходящие к русскому *морковь*, отмечаются и в островных говорах верхового типа башкирских, саратовских чувашей: *маркух* (Антоновка), *муркав* (Косяковка), *морккав* (Калмантай).

Наконец, в центральной части средневерховой зоны достаточно компактный ареал образовали фонетические варианты *шэкётёр* и *шакётёр*. Они, как и основное наименование свеклы у низовых чувашей *чэкётёр*, этимологически производны от персидского *šogondar* «свекла». *Шакётёр* // *шэкётёр* употребляется в юго-западных говорах Ядринского (Кильдишево), в южной части Моргаушского (Акрамово, Шатьмапоси, Соляной, Чуманкасы, Тойгильдино) районов и в большинстве аликовских (Пизипово, Сормвары, Челкасы А., В.-Карачуры), красноармейских (Красноармейское, Кожары; Алманчино, Албахтино, Б.Шатьма) и вурнарских (Ч.-Шинеры, Буртасы, Калинино, Б.Яуши, Ермошкино) говоров.

Первые обозначения **картофеля** в чувашском языке могли появиться в конце XVIII—начале XIX вв. Однако, по данным Л.П.Сергеева [64, с. 53], в памятниках чувашской письменности до 1875 г. они не были засвидетельствованы.

Как сообщает Б.Гаврилов [13, с. 52], до 1891 г. «чувашаи разводили... разновидность картофеля с клубнями не крупнее греческого ореха; после голодного года земство снабдило чуваш лучшими семенами, и только с этого времени чувашаи научились получать достаточное количество картофеля для столового употребления...»

Названия картофеля, употребляемые в чувашских говорах, можно объединить в четыре группы:

1. Принятое в литературном языке обозначение *сёр улми* (букв. «земляное яблоко»)* в диалектной речи имеет несколько фонетических вариантов: *сёр улми* (сред.: Карабаши, Карамышево; низ.: Н.Изамбаево; ульян. г.: Ср.Тимерсяны),

---

* *Сёр улми* является семантическим заимствованием, имеющим параллели во многих других языках; ср.: рус. уст. *земляное яблоко*, тат. диал. *йир алма*, мар. г. *роколма*, морд. *модамарь*, перс. *sib-i zamini*, фр. *potmes de terre* и др. «картофель».

с̣ър улми (Синьялы), *с̣ър олми* (верх.: Завражное, Шоркино), *с̣ър айми* (Городище), *с̣ёр умми* (верх.: Альгешево, Юманай), *с̣ёр омми* (Абашево), *с̣ёр омли* (Ишаки). Как известно, в языке действует тенденция к упрощению коммуникативных средств, и аналитичность (сочетание отдельных «смыслов»), мотивированность составных наименований входит в противоречие принципу компактности, условности номинативной единицы, автоматизму ее употребления в речи. В ряде средних и низовых говоров в результате стяжения компонентов составного наименования *с̣ёр улми* образовались синтетические обозначения типа *с̣ёрми* (сред.: Байгулово, Килейкасы, М.Кибечи; ульян. г.: Ст.Алгаши), *с̣ърми* (башк.: Ст.Чекурское). В верховом диалекте (Чебоксарский р-н) им соответствуют *сромми* (С.-Покровское), *сомми* (Онгапось, Важуково).

2. Самое распространенное обозначение картофеля — *улма*. Оно возникло путем структурно-семантических трансформаций: *улма* «яблоко» > *с̣ёр улми* «картофель», букв. «земляное яблоко» [*пан улми* «яблоко» ↔ *с̣ёр улми* «картофель»] > (*с̣ёр*) *улми* «картофель» > *улма* «картофель». Это название характерно для основных говоров низового диалекта (П.Чурачики, Сабанчино, Н.Турмышево, К.-Шемурша), для большинства говоров самарских (Ср.Аверкино, Н.Якушкино, Четырла), башкирских (Ч.Карамалы, Ч.Нагадак, Кош-Елга) чувашей. Название *улма*, наряду с другими, используется в среднем диалекте (Избеби, Пиндиково, Эльбарусово), в чувашских говорах Татарстана (Аккиреево, Корноухово), Ульяновской (Н.Якушка) и Оренбургской (В.Курмей) областей.

В канашско-вурнарско-цивильской группе говоров среднего диалекта (канаш.: Имелево, Ухманы, Ачакасы, Кошноруй; вурнар.: Буртасы, Ч.-Шинеры, Сявалкасы, Пайки; цивил.: Поваркасы) вместо *улма* употребляется фонетический вариант: *умма* (*ума*). Зона его бытования на юго-востоке включает часть комсомольско-ибресинских говоров (Асаново, Х.-Батырево, Андреевка) низового диалекта, а на северо-западе — большинство аликовских (Б.Выла, Сормвары, В.Карачуры), красноармейских (Алманчино, Кожары), шумерлинских (Пояндайкино, Туваны) говоров верхового диалекта. Спорадически *умма* встречается и в чувашских говорах на территории Татарстана (Абрыскино, Н.Аксубаево), Башкортостана (Антоновка), Самарской обл. (Туарма).

Для южной части ядринских (М.Четаи, Сеткасы), западной части аликовских (Якейкино, Т.-Выла) и основной части красночетайских (В.Аккозино, Ямаши, Тиханкино) говоров характерен фонематический вариант *омма*. В Чебоксарском и Моргаушском районах зафиксированы и малоупотребительные разновидности этого названия: *омла* (Икково, В.Олгаши), *олма* (Завражное) [см.: 7, I, с. 52; III, с. 219, 237].

3. В сундырско-моргаушских говорах верхового диалекта (Ахманеи, Молгачкасы, Соляной, Б.Карачкино, Акрамово) картофель обозначается лексемой *паранкӑ*. Она характерна также для северных и центральных говоров Ядринского р-на (М.Карачкино, Юваново, Ядрино, Б.Чурашево), встречается в восточных говорах Чебоксарского р-на (Б.Яньши, Тойдеряки).

В средненизовой полосе лексема *паранк(ӑ)* является основным обозначением картофеля в янтиковско-урмарских (Индырчи, Турмышы, Алдиарово, Чутеево; Систеби, Челкасы, Мусирмы, Шигали) и козловских говорах (Ст.Тюрлема, Еметкино, Аттиково, Илебары, Картлуево). Зафиксировано это название и на юго-восточной окраине Канашского р-на (А.-Ахпердино, Шакулово).

Картина пространственного распределения лексической формы *паранкӑ* не будет полной, если не сказать об абсолютном преобладании ее в северо-западных говорах башкирских (Юмашево, Три Ключа, Новопетровка, Рождественка), западных говорах самарских (Байдеряково, Малячкино) и южных говорах татарских (Ивашкино, Иоково, Ч.Черепаново, Бюрганы, Альшихово) чувашей.

Кроме названия картофеля, в диалектном языке бытует омонимичная ему номинативная единица *паранкӑ*, которой обозначаются некоторые виды дикорастущих растений со съедобным корнем, чаще всего — трава с шаровидным корнем хохлатка (Б.Выла, Ч.-Шинеры, Имелево, Н.Шальтямы, Асаново, М.Менеуз и др.). Ареалы распространения наименований, обозначающих культурное и дикорастущее растения, далеко не совпадают. Например, в чувашском селе Малый Менеуз Бижбулякского р-на Башкортостана картофель обозначается словом *улма*, а *паранкӑ* — название травы: «*Тёпёнче улми пекки пулать, савна улма пек шуратса сьеттёмёр. Мён пурне химикат пётёрчӑ, ёлӑк тырӑ синче пулачӑ*» (запис. нами в 1987 г.).

Существуют разные гипотезы о происхождении слова *паранкă* [ср.: 3, с. 126; 19, с. 78—79; 25, с. 74—75; 31, с. 143; 64, с. 58; 97, с. 146]. Значение «картофель» — последний по времени этап в семантической эволюции данной лексемы. Ему предшествовали значения: «дикорастущие клубненосные растения», «клубень».

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в некоторых говорах (Янтиково, Ч.Черепаново) *улма* и *паранкă* находятся в семантической связи «часть — целое», являются компонентами составного наименования *паранк(ă) улми* «ягоды картофеля, семя картофеля» [7, IX, с. 107].

4. Следующая группа чувашских диалектных обозначений картофеля — фонетические модификации заимствований из русского языка (рус. *картофель* и рус. нар.-разг. *картоха*): *картухха*, *карттух*, *карттох*, *карттахви*. Они характерны для основных чувашских говоров в иноязычной среде (самар. г.: Смолькино, Б.-Солонец; сарат. г.: Казанла, Шняево, Калмантай; ульян. г.: Ч.Калмаюр; татар. г.: Альшеево).

В отдельных говорах для обозначения картофеля используется лексема *кантук* (Яльчики, Янтиково Яльч.), зафиксированы также варианты *кантукла*, *калтток* [см.: 7, VI, с. 46, 60; 64, с. 59—60; 48, II, с. 104].

Интересно отметить сосуществование обозначений картофеля в частной диалектной системе: *сомми* и *паранкă* (Шобашкаркасы), *сёр улми* и *паранкă* (Янтиково), *сёр улми* и *сърми* (Ст.Чекурское), *сёр улми* и *кантукла* (Н.Изамбаево), *улма* и *умма* (Абрыскино, Х.-Батырево). Довольно распространенными, особенно в верховом диалекте, являются случаи параллельного использования чувашского названия картофеля с русским разговорным вариантом *картошка*.

Как и названия корнеплодов (кроме репы), обозначения **подсолнечника** в чувашском диалектном языке представляют дублетно-синонимический ряд, осложненный фонетико-морфологической вариантностью. В литературном языке, в научной терминологии закрепилось *хёвел саврайш* — наиболее полное, сохраняющее внутреннюю форму наименование (< *хёвел* «солнце» + *саврайн-* «поворачиваться» + аф. *-айш*). В той или иной степени *х(ё)вел саврайш* известно во всех трех диалектах (верх.: Шобашкаркасы, Сормвары; сред.: Челкасы, Ситмиши;

низ.: Яльчики, Бал.-Баишево, башк. г.: Ч.Карамалы, оренб. г.: Артемьевка). Оно отличается широким спектром диалектных фонетико-морфологических вариаций:

хёвел саврӑнӑш (тат. г.: Ч.Бюрганы); *хёвел савӑрнӑш* (тат. г.: Ч.Черепаново);

хёвел саврӑнӑс (сред.: Абызово; ульян. г.: Кайсарово); *хёвел савӑрнӑс* (башк. г.: Н.Карамалы);

хёвел саврӑш (сарат. г.: Б.Гора, Шняево);

хёвел савӑрмӑш (башк. г.: Зириклы), *хёвел саврӑмӑш* (верх.: Альгешево);

хёвел сар(ӑ)мӑс (верх.: Чураккасы, Ишаки); *хӧел сармӑс*, *хӧел сармӑш*, *хӧел сармӑш* (верх.: М.Карачкино; Ахманей);

хӧел сарӑм (верх.: Тяптяево, В.Олгаши);

хёвел савнӑш чечекӑ, *хёвел савнӑш* (сред.: Систеби, Абызово; тат. г.: Альшеево), *хёвел санӑш* (оренб. г.: Н.Курмей);

хёвел савмӑш, *хёвел самӑш*, *хёвел самӑш* (верх.: Ишаки, Икково; тат. г.: Ст.Чекурское, Иоково; ульян. г.: Ср.Тимерсяны);

х(ӑ)вел чамӑш, *хёвел чамӑш* (верх.: Алманчино; сред.: Байгулово, Ст.Янситово, Имелево; низ., батыр. г.: Тарханы, Бахтигильдино, Первомайское; ульян. г.: Н.Алгаши, Ср.Алгаши; башк. г.: Тряпино; оренб. г.: Артамоновка), *хӧел чамӑш* (верх., ядр. г.: Бархаткино, Бобылькасы);

х(ӑ)вен чамӑш (сред.: Ухманы);

хёвел чанӑш (сред.: Катергино), *хёвел чаннӑш* (тат. г.: Н.Сихтерма);

хёвел чаврӑш (сарат. г.: Б.Гора, Шняево). Л.П.Сергеев [63, с. 80] указывает и такие модификации, как *хёвел ямӑш*, *хил чармӑш*, *хӑл чармӑш*.

Как свидетельствует собранный материал, нередко случаи параллельного употребления двух фонетико-морфологических вариантов в частной диалектной системе — в говоре села, деревни:

хёвел сармӑс, *хёвел чармӑс* (Ягаткино);

хёвел сармӑс, *фельд ямӑш* (В.Курмей);

хӧел сармӑс, *хӧел сармӑш* (М.Карачкино);

хӧел сармӑс, *хӧел сарӑм* (В.Олгаши);

хёвел сарнӑш, *хёвел савӑрнӑс* (Ст.Тюрлема).

Указанные фитонимы, а также узколокальные наименования: калька с марийского *хӧел вутти* [7, XVI, с. 280], заимствование из татарского *кӑмпакӑш* (Юмашево) — по своим мотивирующим признакам сходны с обозначениями

подсолнечника во многих других языках; ср.: тат. *кӧнбагыш* (*айбагар*), мар. *кечшудо* (*кечывуй, кечышуды*), удм. *шундыберган*, тур. *günebakan* (*ауҗеҗеҗи*), рус. *подсолнечник* (*подсолнух*), молд. *флоресуоари* (*флэрэсоари*), перс. *ft b-parast*, лат. *Helianthus* и т.д. Все они отражают ассоциативную связь корзинки (соцветия) растения с лучистым солнцем и способность его «поворачиваться» вслед за движением солнца.

В верховом диалекте, во многих говорах среднего и в отдельных, маргинальных, говорах низового диалектов бытует слово *семчѣк* (< рус. *семечки*), которое, кроме основного значения «семена подсолнечника», часто употребляется применительно к самому растению. Ср.: *семчѣк* (верх.: Ахманеи, Соляной, Сюрлатри, Ишаки), *семчѣки* (верх.: В.Карачуры), *семчѣкӑ* (сред.: Карамышево, Орбаши, Тиньговатово), *семчѣкӗ* (сред.: Илебары), *семчѣки* (сред.: Картлуево); *семчѣкӑ* (сред.: Карабаши; башк. г.: Антоновка), *семѣски*, *семѣски* (башк. г.: М.Менеуз, Кош-Елга), *семчѣки* (низ.: Х.-Батырево, Ср.Аверкино).

Примечательно, что в некоторых говорах (Шумерля, Карабаши, Ср.Аверкино и др.) *семчѣк* (или его фонетическая модификация) выступает как исключительное, единственное обозначение подсолнечника.

В говоре саратовских чувашей (Казанла) в значении «подсолнух» отмечено метонимическое наименование *вӑрӑ* (первоначально «семя, семена»). Семантическую связь с семенами имеют и другие узколокальные названия подсолнечника *сорнӑ* (Елаур), *катмалли* (Неверкино, Криволучье), *каття* (Калмантай, И.-Гора) [см.: 48, III, с. 86, 88, 112; 48, IV, с. 24].

Подобно обозначению репы, название **огурца** в диалектном языке не имеет даже фонетических вариантов. Почти во всех говорах оно звучит как *хӑяр* (верх.: Калмыково, Хыркасы, Б.Выла, Алманчино, Шумерля; сред.: А.-Базары, Вурумсют, Ч.-Шинеры, Челкасы; низ.: Х.-Батырево, Асаново, Сабанчино, Тарханы, К.-Шемурша; тат. г.: Ивашкино; ульян. г.: Ср.Тимерсяны; самар. г.: Ср.Аверкино; башк. г.: М.Менеуз). Тем же словом обозначается эта культура в большинстве тюркских языков (ср.: тат., башк. *кияр*, тур., туркм., кумык., ног. *хияр* «огурец»). Восходит оно к персидскому *xiu r* «огурец».

В словаре Л.П.Сергеева [63, с. 80] как узколокальное название огурца (указано д.Тяптяево Ядринского р-на)

зафиксировано сочетание общепринятого *хяяр* с определительным компонентом *вёт* (букв. «мелкий огурец»). По-видимому, это лишь ситуативное обозначение, появляющееся в речи по ассоциации с *мӑн хяяр* «тыква» (букв. «большой огурец») для более четкого разграничения *хяяр* и *мӑн хяяр*, в основном в тех случаях, когда они упоминаются рядом.

В верховом диалекте на основе фитонима *хяяр* «огурец» образовано название **ТЫКВЫ** — *мӑн хяяр*. Оно употребляется в чебоксарских (Онгапоси, Важуково, Шоркино), моргаушских (Соляной, Ахманеи, Юнгапоси), ядринских (М.Четаи, Юваново, Кильдишево), красноармейских (Б.Шатьма, Чадукасы), красночетайских (Аликово, Торханы, Атнары), шумерлинских (Ходары, Туваны, Юманай), аликовских (В.Карачуры, Б.Выла, Таутово), а также в отдельных вурнарских говорах (Ермошкино). Очевидно, *мӑн хяяр* (букв. «большой огурец») является калькой с горномарийского *кого охырец* «тыква» (ср.: морд. э. *дуа куяр* «тыква»).

Кроме *мӑн хяяр*, известны также два диалектных названия тыквы с опорным компонентом *хяяр* «огурец»: *калӑм хяярё* и *тын хяяр*. Оба они узколокальны. *Калӑм хяярё* зафиксировано в вурнарских говорах среднего диалекта (Тувалькино, Шоркасы). Думается, что определительный компонент *калӑм* не связан здесь с *калӑм* «название праздника чувашей-язычников, совпадающего с первым днем Пасхи», и тем более с *калӑм* (*хулӑм*) «калым, выкуп за невесту», а представляет собой диалектный фонетический вариант от *кавӑн*, самого употребительного названия тыквы (см. ниже). Чередование *в ≈ л* в чувашском языке — явление вполне обычное (ср.: *кивер* — *кӑлер*, *автан* — *алтан* и т.д.). К тому же в работах Н.И.Ашмарина [6, с. 109; 7, VI, с. 18] наряду с *юн калӑм кунё* упоминается диалектный вариант *юн кавӑн кунё*. Учитывая вышесказанное, *калӑм хяярё* можно перевести как «огурец-тыква».

Тын хяяр (букв. «огурец-дыня») зафиксирован в рассматриваемом значении в говоре д.Нижний Магазь Чебоксарского р-на. Значительно большее распространение имеет синтетическое обозначение *тын* «тыква» (< рус. *дыня*), оно бытует в некоторых цивильских (Булдеево, М.Янгорчино), марпосадских (Сутчево), чебоксарских (Абашево) говорах.

Самое употребительное название тыквы — *кавӑн*. Ареал его распространения включает часть южных говоров верхового диалекта (Алманчино, Кожары), большинство средних говоров (Поваркасы, Мартыново, Ч.-Шинеры, Мусирмы, Челкасы, Имелево, Ухманы) и, за исключением отдельных говоров, низовой диалект (Индырчи, Асаново, Эмметево, В.Атыково, Бахтигильдино, К.-Шемурша; тат. г.: Ивашкино, Ч.Бюрганы, Егоркино; самар. г.: Ч.Ключ, Ср.Аверкино, Малячкино; башк. г.: Юмашево, Бишкаин, Антоновка; оренб. г.: Н.Курмей). В марпосадско-цивильско-козловской зоне говоров среднего диалекта, вместо привычного *кавӑн*, встречается фонетический вариант *кавин* (Карабаши, Вурумсют, Тиньговатово, Килейкасы, Шихабылово, Карамышево, Байгулово). Зафиксирован он и за пределами республики (Васильевка) [48, V, с. 64].

Чувашское *кавӑн* (*кавин*) имеет этимологические соответствия и в других тюркских языках: тат. *кавын*, башк., каз. *кауын*, узб. *ковун*, тур. *кавун*, кирг. *коон*, туркм. *гавун* и т.д. (ср. также болг. *каун*). В отличие от чувашского «родственника» они служат обозначением не тыквы, а дыни. По мнению В.Г.Егорова [31, с. 84], слово это проникло из арабского языка.

В зоне распространения лексемы *кавӑн* спорадически, в виде небольших вкраплений, встречается другое название тыквы — *капак* (сред.: Семенчино, Н.Муратово; низ.: Сабанчино, Лаш-Таяба, Яльчики). Этот фитоним — довольно позднее заимствование из татарского языка (ср.: тат. *кабак* «тыква»), бытует в основном в тех говорах, носители которых находятся в постоянном, ежедневном контакте с татарами.

И, наконец, в том же значении зафиксировано нами слово *тыкӑн* (Ст.Алгаши) — очувашенный вариант русского обозначения тыквы.

Родовое обозначение *лука сухан* не имеет диалектных вариантов (если не считать закономерного чередования *у // о*): оно употребляется повсеместно (верх.: М.Четаи, Ахманеи, Шобашкаркасы, Б.Выла, Алманчино, Шумерля; сред.: Вурумсют, Поваркасы, Янгорчино, Челкасы, Ухманы; низ.: Х.-Батырево, Эмметево, Тарханы, К.-Шемурша; тат. г.: Ивашкино; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: Кош-Елга, Рождественка; оренб. г.: Н.Курмей). Тем же словом в

различных модификациях обозначается лук в других тюркских языках (за небольшим исключением: узб. *пиёз*, но ст.-узб. *сойган*). Этимологические соответствия представлены и в монгольских языках [17, с. 52]. Довольно распространенным является мнение, что в тюркские языки указанное слово проникло из китайского через посредство монгольских языков [см.: 23, с. 167]. В финно-угорских языках (мар. *шоган*, удм. *согон*, коми *сугонь* «лук») оно — тюркское заимствование.

В говорах чувашского языка бытует немало составных наименований, служащих обозначениями видов, сортов огородного лука:

пуç(лă) сохан (верх.: Соляной, Калмыково), *пуçлă сухан* (низ.: Турмыши; тат. г.: Йоково; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: Н.Карамалы), *пуç сухан* (башк. г.: Кирюшкино, Ч.Нагадак) «репчатый лук»;

тёплё сухан (Сабанчино) «репчатый лук»;

хул сохан (верх.: Шербаша, Ахманеи, Важуково), *хăвъл сохан* (верх.: Якейкино), *хăвъл сухан* (сред.: Систеби; низ.: Кирюшкино) «стрельчатый лук»;

пушăлă сохан (Сятраево), *пушăлă сухан* (Н.Карамалы) «стрельчатый лук»;

кас суханё (Сабанчино), *касмали сухан* (Ст.Алгаши), *касакан сухан* (Богдашкино У.) «стрельчатый лук»;

вăрлăхлăх сухан (Нюргечи) «стрельчатый лук»;

вăрă соханё (Сятраево), *вăрă суханё* (сред.: Ср.Кибечи; низ.: Рунга), *вăрлăх суханё* (башк. г.: Кирюшкино);

севок (Нюргечи, Лащ-Таяба) «лук-сеянец»;

папак сухан (Ср.Кибечи) «лук-сеянец»;

шур сухан (Нюргечи) «лук-порей» (?);

кăвак сухан (Ч.Нагадак): «*а сăпла лартан та, пёр тёрпен темице тёр пулать*»;

уçăм суханё (Ч.Нагадак): «*хёл каçать юр айёнче, сұлсине суркунне тухсан татса сиан*».

Наиболее распространенное и самое старое название **чеснока** — *ыхра*. Оно бытует в центральных и южных говорах верхового диалекта (морг. г.: Соляной, алик. г.: Б.Была, Челкасы А., Сормвары, В.Карачуры; красноарм. г.: Алманчино, Кожары; шумерл. г.: Шумерля), по всей зоне среднего диалекта (марпос. г.: Октябрьское, Карабаши; козл.

г.: Илебары, А.-Базары; цив. г.: Килейкасы, Поваркасы; вурн. г.: Ч.-Шинеры, Абызово; канаш. г.: Имелево, Ухманы; урмар. г.: Челкасы), в основных говорах низового диалекта (янтик. г.: Индырчи; ибрес. г.: Х.-Батырево; яльчик. г.: Сабанчино, Лаш-Таяба; батыр. г.: В.Атыково, Тарханы), в некоторых башкирских говорах (Рождественка).

По предположению В.Г.Егорова [31, с. 345], чувашское название чеснока производно от русского *укроп* (сходное мнение было высказано и М.Рясяненем). Более вероятным представляется связь чув. *ыхра* с др.-иран. *sigra «чеснок», к которому И.М.Стеблин-Каменский [67, с. 74] возводит таджикско-персидское название чеснока *sir*. Случаи выпадения анлаутного *с-* в чувашском языке нередки: ср. перс. *симург*, уйг. *симурка* «царь птиц, мифическая птица» > чув. *ймарт* (*каййак*) «орел»; тат. *соса*, коми *суса* «челнок» — чув. *йса*, диал. *сйса* «челнок»; тат. *соскы*, *соскыч*, туркм. *сусак*, *сусгуч*, тув. *ускууш* «совок», «черпак» — чув. *йскй*, *йскйч* «черпак, совок», диал. *сйскй(с)* «сачок»; тат. *салам*, рус. *солома* — чув. *улам* «солома»; тат. *сосла*, рус. *сусло* — чув. *йсла*, диал. *сйсла* «сусло» и др.

В северных говорах верхового диалекта (М.Четаи, Ахманеи, Тойгильдино, Важуково, Онгапось) в значении «чеснок» вместо привычного *ыхра* используется *х(й)ра*. Эта лексема имеет достаточно прозрачную связь с первой (< мар. *охыра* < чув. *ыхра*), относится к т.н. «обратным заимствованиям» — болгаризмам марийского субстрата [о них подробнее см.: 34, с. 59—65].

В словаре Н.И.Ашмарина в рассматриваемом значении указаны также *ыхрав* [7, III, с. 75], *ихра* [7, III, с. 159], *ухра* [7, III, с. 349], являющиеся фонетическими вариантами *ыхра*, и составное наименование *шйл хйра вути* [7, XVI, с. 357].

Во многих говорах низового типа, размещенных за пределами Чувашской Республики, традиционное обозначение чеснока *ыхра* вытеснено соответствующим русским заимствованием. Оно наиболее часто встречается в двух фонетических вариантах: *чеснук* (тат. г.: Ивашкино; ульян. г.: Ст.Алгаши; башк. г.: Ч.Нагадак; оренб. г.: В.Курмей) и *чеснок* (тат. г.: Иоково; самар. г.: Ср.Аверкино, Н.Эштебенькино; сарат. г.: Б.Гора, Шняево; башк. г.: Кош-Елга). Чередование *у // о* в данном случае, естественно, не связано с универсальным диалектным различием в словах

автохтонного характера (верховое *о* соответствует низовому *у*), указывает на последовательность появления вариантов в говорах (сохранение звука *о* — признак позднего заимствования). В отдельных говорах употребителен и фонетический вариант *чиснук* (Савгачево, Тряпино).

В рассеянном распространении наблюдается сосуществование названия *сарымсак* (< тат. *сарымсак*) и *чиснук* (Тряпино); *ыхра* и *чеснок* (К.-Шемурша). Обращают на себя внимание и случаи разграничения функций *чеснук* и *ыхра* в частных диалектных системах. Например, в чувашском селе Кирюшкино Федоровского р-на Башкортостана чеснок посевной обозначается словом *чеснук*, а *ыхра* служит названием дикого лука.

Перец в чувашских говорах, за редким исключением, обозначается словом *пӑрӑс* (верх.: Калмыково, Важуково, Б.Выла, Алманчино; сред.: Вурумсют, Ч.-Шинеры, Челкасы; низ.: Х.-Батырево, Н.Турмышево; тат. г.: Ивашкино; башк. г.: Рождественка; оренб. г.: В.Курмей). Н.И.Ашмарин [7, IX, с. 168] указывает узколокальное *перёс* (М.Карачкино). Если происхождение последнего из рус. *перец* не вызывает сомнений, то довольно спорным является отнесение В.Г.Егоровым [31, с. 148] чув. *пӑрӑс* к русским заимствованиям. Сравнение его с тат. *борыч*, башк. *борос*, каз., к.-калп. *бурьш*, туркм. *бурч*, мар. *пурьс* и особенно с венг. *bors* дает основание предположить, что название существовало еще в протобулгарском языке. Источником тюркских форм, по мнению И.М.Стеблина-Каменского [67, с. 74], мог быть согдийский язык.

Обозначение **хрена** *х(ё)рен* относится к числу общенародных (верх.: Калмыково, Соляной, Онгапось, Важуково, Кожары; сред.: Вурумсют, Килейкасы, Поваркасы, Систеби; низ.: А.-Ахпердино, Индырчи, Х.-Батырево, Н.Изамбаево, Бахтигильдино, К.-Шемурша; тат. г.: Раково; оренб. г.: Н.Курмей). Близкими по фонетическому облику названиями обозначается данное овощное растение и в соседних языках: мар. *крен*, *ӓран*, тат., башк. *кер* $\bar{n}$, рус. *хрен*, удм. *кирень*.

Многие исследователи вслед за М.Рясяненом *х(ё)рен* производят от глагола *хёр-* «раскаляться», а соответствующие названия в русском и других языках считают булгаро-чувашским

заимствованием [см.: 19, с. 80—81]. К примеру, И.Г.Добродомов [27, с. 109] считает, что болгаризм *хърънь через славянское посредство распространился «по языкам Европы», проникнув в литовский, немецкий, итальянский, французский, новогреческий. По данным специалистов, это слово в памятниках русского языка отмечается с XIV в. Судя по времени, оно действительно могло быть заимствовано из болгаро-чувацкого языка. Конечная морфема *-ен (-ан)* также позволяет отнести *хёрен* к ранним пластам чувашской флористической лексики (ср.: *вёлтрэн* «крапива», *пицен* «бодяк», *майя* «лебеда», *пултйран* «борщевик» и др.). Если допустить, что *хёрен* дословно: «жгучий», весьма убедительной покажется гипотеза М.Рясянена и в семантическом плане: как известно, корневище этого растения, горькое и едкое на вкус, применяется как острая, пряная приправа.

Однако, несмотря на приведенные факты, как бы подтверждающие обоснованность распространенного мнения о первичности чувашского названия *хёрен*, последнее представляется нам довольно поздним (или обратным) заимствованием из русского языка.

Во-первых, вопреки утверждениям сторонников известной гипотезы [27, с. 109], причастие от глагола *хёр* «накаляться» нельзя переводить как «жгучий», дословно это — «накаляющийся (раскаляющийся)». А название хрена, появившись оно на чувашской почве, вероятнее всего, было бы *хёртен* (букв. «жгучий»), т.е. происходило бы от транзитивной формы *хёрт* со значением «жечь».

Во-вторых, *хёрен*, будь оно исконно чувашским названием или более ранним заимствованием, несомненно явилось бы основой обширного ономаσιологического гнезда; ср.:

сарйк «репа» → *пуккй сарйкё*, *сысна сарйкё*, *саврака сарйк*, *сарйкла кйшман* (фитонимы), *сарйк улма* (название сорта яблок) и др.;

хйяр «огурец» → *мйн хйяр*, *тын хйяр*, *калйм хйярё*, *хйяр ути*, *хйяр курйкё*, *хйяр сулси* (фитонимы), *хйяр улма* (название сорта яблок) и др.;

купйста «капуста» → *мулкач купйсти*, *вилнё сын купйсти*, *куян купйсти*, *каййк купйсти* (фитонимы), *самса копйста* (метаф. обозначение неженки) и др.

По сравнению с *сарйк*, *хйяр*, *купйста* и многими другими названиями сельскохозяйственных культур (и в отличие от

хрен в русском языке) *хёрен* в лексико-семантической системе чувашского диалектного языка занимает явно периферийное положение*.

Третью причину, по которой более вероятной представляется распространение названия хрена в обратном направлении (а не: чув.-булг. → славян. яз. → европ. яз.) указывает М.Фасмер [см.: 72, IV, с. 275].

Бытование слова *копѣста* **капуста** в чувашском диалектном языке документально засвидетельствовано в рукописном Нижегородском пятиязычном словаре 1795 г. А проникло оно из русского, естественно, раньше. Название капусты *купѣста* // *коп(ѣ)ста* — общенародный фитоним (верх.: Соляной, Важуково, Б.Выла, Кожары; сред.: Килейкасы, Челкасы, Янгорчино, Ухманы; низ.: Х.-Батырево, Индырчи, Сабанчино, Тарханы, К.-Шемурша; тат. г.: Ивашкино; башк. г.: Бишкаин, Теняево).

Чувашское обозначение **томатов** (возделываются в России со второй половины XIX столетия) тоже заимствовано из русского языка (< фр. < итал.). Оно употребляется повсеместно, имеет несколько фонетических вариантов: *помитор* (лит. орф.: *помидор*), *пѣмитор* (верх.: Калмыково, Важуково, Б.Выла, Алманчино; сред.: Поваркасы, Челкасы, Ч.-Шинеры; низ.: А.-Ахпердино, Индырчи, Х.-Батырево, К.-Шемурша; тат. г.: Ивашкино), *памитур* (Ухманы; Юмашево, Теняево), *памитор* (Тарханы; Ч.Нагадак, Н.Курмей), *пумитор* (Лаш-Таяба).

Довольно поздними заимствованиями из русского языка являются также обозначения **редиса** (редиски), петрушки, салата. Первую культуру, как и в русском языке, называют *редис* (Янгорчино; Индырчи, Сабанчино, Бал.-Баишево, К.-Шемурша) или *редиска* (Молгачкасы, Важуково;

---

* У Н.И.Ашмарина зафиксированы два фитонима, включающие компонент *хёрен*: *суя хёрен* [7, XI, с. 161] и *хёрен чечек* [7, XVII, с. 40], однако во втором фитониме вместо *хёрен*, видимо, следует читать *кёрен* «розовый, фиолетовый». Кроме того, обозначение хрена встречается в устойчивом словосочетании *хёрен эрни* «первая неделя великого поста» (*хёрен эрни сивё тӳрсан, сур айш килет*) и в пословице: *Пёр хёрен сисен, ик эрне какӳрнӳ*.

Килейкасы, Челкасы; А.-Ахпердино, Х.-Батырево, Лащ-Таяба, Тарханы; Ивашкино). У Н.И.Ашмарина [7, V, с. 382] встречается такое выражение: «*Юр каячченех эпир кантăклă панчасем хатёрлетпёр те, вёсен айне хăярсем, арпуссем, вёт кăшмансем (ретиссем) тата урах симёссем акатпăр*». Обозначение *вёт кăшман* (букв. «мелкая редька») хорошо согласуется с другими названиями корнеплодов: редьки, свеклы, брюквы (см. выше). Однако, судя по характеру контекста (а других фиксаций нет), это не народное название, а калька с научного обозначения редиса. Последний, как известно, считается одной из форм редьки (*var. minor*).

Название **петрушки** огородной *петрушкă* (Ахманей, Онгапоси, Кожары, Сабанчино, Бахтигильдино) имеет фонетический вариант *петрушке* (Лащ-Таяба). Иногда в этом значении используется собственно чувашское *пахча кёпси* (*пахча* «огород», *кёпсе* — общее обозначение трав с твердым стеблем).

Листовой овощ **салат-латук** (латук посевной) в современном диалектном языке обозначается заимствованием из русского *салат*. В словаре Н.И.Ашмарина [7, XVI, с. 301] в том же значении зафиксирована лексема *хăйкаш* (Альшеево).

3. Названия садовых культур

Садоводство у чувашей получило развитие сравнительно недавно. Раньше сады разводились в основном в помещичьих имениях, на монастырских землях и некоторой частью русских крестьян. Поэтому не удивительно, что в чувашских говорах для обозначения вишни, акации, сирени и некоторых других деревьев и кустарников применялись названия типа *улпут йывăçси*, *олпут сырли*, *улпут хăви*, *поп йăвăçси*, букв. «дерево барина», «ягоды барина», «кустарник барина», «дерево попа» [см.: 7, III, с. 222—223; IX, с. 291].

Самыми распространенными садовыми культурами стали яблоня, вишня, смородина, малина.

Яблоня в отличие от других плодовых деревьев имеет отдельные обозначения для плода и растения. Русскому «яблоко» в чувашском диалектном языке соответствуют:

омла (верх.: Кумаккасы; Соляной, Ахманей; Онгапось);
омма (верх.: Абашево, Икково; Якейкино);

олма (верх.: Альгешево, Тренькасы; сред.: Ст.Тюрлема, Систеби; тат. г.: Иоково);

улма (верх.: М.Чёллы; сред.: Илебары, Килейкасы, Орауши, Челкасы; низ.: Янтиково Яльч., Шаймурзино; тат. г.: Ивашкино, Бюрганы; ульян. г.: Ср.Тимерсяны, Ст.Алгаши; башк. г.: Юмашево, Наратасты; сарат. г.: Б.Гора);

умма (сред.: Кинеры; Орауши; Шоркистры);

палми (верх.: М.Четаи; Сормвары, Б.Выла; В.Аккозино; Ходары);

пал омми (Якейкино), *пал айми* (Буртасы);

пал умми, пал уми (верх.: Туваны, Синерь, Яжуткино; башк. г.: Антоновка);

палапан (Сеткасы, см.: 7, IV, с. 82);

пак улми (А.-Ахпердино, см.: 7, IV, с. 90);

пах олми, пах улми (сред.: Ст.Тюрлема; Мусирмы, Систеби);

пан улми (сред.: Сотниково, Карабаши, Байгулово, Ср.Татмыши; низ.: Яльчики, Сабанчино, Бал.-Баишево; К.-Шемурша; тат. г.: Абыркино; самар. г.: Ч.Ключ, Туарма; башк. г.: М.Менеуз, Теняево, Бишкаин; оренб. г.: Н.Курмей, В.Курмей);

йывайс олми, йывайс улми, йайвайс улми (верх.: Альгешево, Тренькасы; Чадукасы; башк. г.: Наратасты);

йуйслэ омошси (Сеткасы), *омашси* (Кр.Четаи), *умушси* (Тиханкино).

Название **яблони** также отличается большим количеством фонетико-морфологических и структурных вариантов:

омлаш(си), омлошси (верх.: Б.Карачкино, Ахманеи, Сюрлатри; Ишаки, Хорнзоры);

умлушси (верх.: Тойдеряки; Мыслец); *умушси* (Ямаши);

ом(м)ашси, ом(м)ошси, ошси (верх.: Абашево, Типсирмы, Шомиково);

олашси, олмуш(с)и, олайш(си), ошошси (верх.: М.Четаи, Сятраево, М.Карачкино; Ердово; Икково; сред.: Ст.Тюрлема, Систеби);

улмушси (верх.: Сормвары, Яргунькино; сред.: Карабаши; Картлуево, Карамышево, Ковали, Шигали; башк. г.: Шланлы, Рождественка);

улма йывайс(си), улма йывайсё (сред.: Орауши; низ.: П.Буртасы, Янтиково Яльч., Шаймурзино; тат. г.:

Сунчелеево, Ст.Бурундуки; Альшеево; башк. г.: Наратасты, Н.Карамалы; сарат. г.: Казанла; пенз.: Бикмурзино);

олма йывăçси (Калмантай);

пан улми йывăçси, пан улми йывăси, пан улми йăвăçё (сред.: Сотниково, Вурумсют; сред.-низ.: А.-Ахпердино; оренб. г.: Н.Курмей);

пан улми йўсси (Туваны);

омаçси йăвăçси (Кр.Четаи).

В других тюркских языках чувашскому *улма* (*умма, олма, омла, омма*) соответствуют *алма, элма, олма* «яблоко». По мнению А.Рона-Таша, это слово, относящееся «к огромному семейству ранних культурных слов», могло быть заимствовано тюрками в начале I тыс. н.э. [59, с. 33]. Как видно из приведенных примеров, во многих говорах чувашского языка вместо первообразного названия *улма* (*умла*) или наряду с ним употребляются составные наименования. С помощью компонента *пан // пал // пак // пах* (< иран. *бау* «сад») составное наименование типа *пан улми*, как обозначение садовых сортов яблока, противопоставлено названиям плодов дикой яблони: *върман омли* (*върман умми*), *уй олми, опа олми, ула́х улми, йўс улма*. Составные наименования с компонентом *йывăç* (*йăвăç*) «дерево», очевидно, появились относительно недавно и составляют контраст с обозначением картофеля *çёр улми* (букв. «земляное яблоко»).

Название яблони в чувашском языке образовано по той же структурно-семантической модели, что и соответствующие обозначения в языках родственной группы: *улма* (*умла, олма, омла, омма*) + *йывăç* (*йăвăç, йўс*) + аф. -ё. В результате стяжения компонентов составное наименование во многих говорах превратилось в сложное слово с затемненной внутренней формой. Из-за частичной деэтимологизации народного термина стал возможным диалогальный семантический сдвиг «яблоня» → «яблоко» (Сеткасы; Кр.Четаи, Тиханкино, Черепаново). Название яблони в указанных говорах приобрело плеонастическую семантическую структуру: *омаçси йывăçси, улмуçси йăвăçси* и т.п.

Заслуживает особого упоминания и зафиксированное в ибрайкинском говоре самарских чувашей название яблони *пан олми аври* [48, II, с. 178]. Как известно, большинство

чувашей указанное словосочетание использует в значении «черешок яблока».

По-своему интересны и требуют специального анализа и диалектные названия сортов яблока: *ал чъмәрё, вёренер, вус тутли, енис улми (енис олма), кучул, путайш, сарматун, саччан, сухан сыххи, сапака, сарак олма, сакка улми, хаяр улми, хора йываҫ улми, шор олма* и т.д.

В верховом диалекте и в большинстве средних и островных говоров **вишня** обозначается соответствующим заимствованием из русского языка: *вишня* (верх.: М.Четаи; Онгапось; тат. г.: Ивашкино), *вишни* (верх.: Ахманеи, Соляной, Тораево, Шербаша; сред.: Карабаша; Буртасы), *вешни* (Черепаново), *вишнё* (Торопкасы), *вышни* (Якейкино) [7, V, с. 220], *вишнефка* (М.Карачкино), *вишенка, вешненка* (В.Бурнаши, Сятраево). Основное обозначение указанной культуры в низовом диалекте — кыпчакско-татарское заимствование *чие* (Эмметево; В.Атыково, Бал.-Баишево, Первомайское; К.-Шемурша; тат. г.: Сунчелеево, Альшихово, Альшеево), *чия* (башк. г.: Базлык, Бишкаин; самар. г.: Б.Микушкино; тат. г.: Н.Узеево). В урмарско-козловских говорах среднего диалекта в значении «вишня» наряду с *чие* (Челкасы, Ковали), *чей сырли* (Байгулово, Илебары; Ст.Янситово, Шихабылово, Систеби) зафиксированы *хёрлё сырла* (Можары, Криуши), букв. «красная ягода», и возникшее в результате мутационной специализации родового обозначения «ягода» *сырла* (Картлуево).

В случае надобности для дифференциации понятий «ягоды вишни» и «вишневое дерево» информаторы прибегают к синтагматической номинации: *вишни сырли* и *вишни йўсё, чийе сырли* и *чийе йавҫси, чие сырли* и *чие хави* и т.п.

Не только в диалектном языке в целом, но и в частной диалектной системе встречаются названия, дублирующие друг друга по значению. К примеру, в с.Старые Алгаши Ульяновской обл. сосуществуют не только *чие* и *вишня*, но и *парта сырли* (*парта* «бордовая краска» + *сырли* «ягоды ее»). Последнее встречается в речи людей старшего поколения.

Название **смородины** имеет следующие фонетико-морфологические варианты: *хорлахан // хурлахан* (верх.:

Ахманеи, Молгачкасы, Тораево; Альгешево, Ишаки, Онгапось; В.Карачуры, Сормвары; сред.: Ст.Тюрлема, Картлуево; низ.: А.-Ахпердино; В.Атыково, Бал.-Баишево, Первомайское; К.-Шемурша; тат. г.: Ивашкино; ульян. г.: Ст.Алгаши; самар. г.: Н.Якушкино; башк. г.: Кош-Елга); *хурӑлхан* [7, XVI, с. 221]; *хорхан* // *хурхан* (верх.: Мошкасы, Акулево; сред.: Сотниково, Вурумсют), *холтӑркан* (Чураккасы) [7, XVI, с. 152]. Аналогичной по форме лексической единицей — *карлыган* — обозначается смородина в татарском языке.

В отдельных островных говорах (самар. г.: Б.-Солонец) в значении «смородина» используется слово *смарочӑн*, восходящее к соответствующему русскому фитониму.

Для дифференциации сортов смородины, как и во многих других языках, образованы три составных наименования: *хора хорлӑхан* // *хура хурлӑхан* «смородина черная», *хёрлӑ хорлӑхан* (// *хурлӑхан*) «смородина садовая (красная)», *шор хорлӑхан* // *шурӑ хурлӑхан* «смородина золотистая (белая)».

В значении **тёрн** в диалектном языке употребляются следующие названия:

а) исконное слово *кӱкен* (Кайсарово; Н.Якушкино; Калмантай), имеющее параллели во многих тюркских языках (тат., башк., кумык., к.-балк., азерб.) и в венгерском (< др.-бул.);

б) русское заимствование *тёрӑн* // *торн* (Соляной, Калмыково, Хыркасы, Сормвары; Ивашкино; Казанла);

в) составное наименование *кӱвак чие* (Первомайское), букв. «синяя вишня».

В словаре Ашмарина указаны также составные наименования *кӱкен йӱвӱсси* и *тӱрӑн йӱвӱсси* [7: VII, с. 67; XIV, с. 312].

Для обозначения **крыжовника**, наряду с русским заимствованием *крышовник* // *крышовнӑк* (Молгачкасы; Ивашкино; Бишкаин), *крашавник*, *крашавник йӱвӱсӑ* (Ср.Тимерсяны), *крышианкӑ* (Ишаки) [7, VII, с. 332], *ӱршавник* (Н.Изамбаево) [7, IV, с. 63], в говорах используются составные термины *йӱплӑ хорлӑхан* (Альгешево, В.Олгаши), букв. «смородина с шипами»; *йӱплӑ сырла* (Персирланы), букв. «ягода с шипами»; *сӱмлӑ хурлӑхан* (Б.Гора, Шняево),

букв. «шерстистая смородина»; *тёклё хурләхан* (Б.Хирлепы; Альшеево) и *тёклё сырла* (Ст.Тюрлема, Систеби), букв. «смородина (ягода) с ворсинкой». Такая структурно-семантическая модель активно используется при номинации ягодных культур и в других тюркских языках. В качестве примера приведем некоторые турецкие названия: *bektaşüzümü* «крыжовник», букв. «виноград дервишей бекташи»; *frenküzümü* «смородина», букв. «виноград иностранцев (европейцев)»; *çakaleriği* «тёрн», букв. «слива шакала».

Названия большинства ягод (как растение, так и плод) имеют одинаковую структуру — сочетание определительного компонента с общеродовым обозначением сырла «ягода». Типичными представителями таких фитонимов являются наименования **малины**:

хәмла сырли (верх.: Хыркасы, Ишаки; Сормвары, В.Карачуры; сред.: Сотниково, Карабаши; Вурумсют; Ч.-Шинеры; низ.: А.-Ахпердино, Н.Шальтямы; Эмметево, Бал.-Баишево, Первомайское; тат. г.: Ивашкино, Раково; ульян. г.: Ст.Алгаши, Хомутерь; башк. г.: Кош-Елга, Кирюшкино);

хәлә сырли (верх.: М.Четаи; Соляной, Ахманеи; Б.Выла, Якейкино; Черепаново, Б.Атмени);

хәмна сырли, хәна сырли [7, XVI, с. 331, 334];

хәмәл сырли (башк. г.: Ч.Кубово);

х(ә)ва сырли (верх.: Шобашкаркасы, Онгапось).

Ср.: *сёр сырли, виктори «клубника»*, букв. «земляная ягода»; *хура сырла, хура хәмла сырли, кәвак сырла, кошак сырли «ежевика»* (букв. «черная ягода», «черная малина», «синяя ягода», «кошачья ягода»), *кәвак сырла, сәрси сырли, ирка «ирга»* (букв. «синяя ягода», «воробьиная ягода») и т.д.

Глава III СИСТЕМА НОМИНАЦИИ СОРНЫХ РАСТЕНИЙ

Группировка трав, нашедшая выражение в названии *сум курӑк* «сорная трава» не имеет ничего общего с естественно-исторической классификацией растений, которая нам знакома по ботанике. Многие травы, встречающиеся в посевах культурных растений, вне отношения к сельскохозяйственной практике обладают рядом полезных для человека качеств. Среди них встречаются съедобные, лекарственные и другие полезные травы (их роль в повседневной жизни чувашских крестьян была довольно значительной).

Но несмотря на разнообразие биологических и утилитарных признаков, травы, объединяемые под общим названием *сум курӑк*, имеют и общие свойства: мешают росту и развитию культурных растений, являются источником болезней сельскохозяйственных культур, снижают качество урожая, то есть причиняют земледелию огромный и разносторонний вред. Количественный и качественный состав сорных трав меняется в зависимости от почвенно-климатических условий, системы земледелия, но общее название этих растений в любом языке служит обозначением объективно существующих реалий, которые с точки зрения целесообразности, полезности, пригодности не удовлетворяют желаемому стандарту.

1. Структурно-семантические особенности народных названий трав

В отличие от биномиальных терминов, принятых в международной научной систематике растений, количество лексических компонентов в народных названиях трав может быть различным: от одного до четырех.

Большую часть однокомпонентных (простых) названий составляют фитонимы с одинаковой конечной морфемой (с этимологически выделяемым аффиксом) *-ан (-ен)*. В современном

языке они в основном воспринимаются как морфологически непроизводные и семантически немотивированные обозначения.

Многие из этих названий: *вёлтёрен* (*вёлтрен*, *вётрен*) «крапива», *пицен* «бодяк», *мáян* «лебеда» («марь»), *пултáран* (*пултран*, *потран*) «борщевик», *сырлан* «подмаренник» и др. — являются общечувашскими.

Некоторые фитонимы, в основном это заимствования из татарского языка, образовавшие крупные ареалы на территории низового диалекта, за ее пределами почти не известны или малоупотребительны. К примеру, название *кáлкан* носители верхового диалекта и основных говоров среднего диалекта практически не используют, поскольку в силу природно-климатических условий ковыль перистый (ковыль Иоанна) и другие близкие виды (ковыль волосатик, ковыль сарептский) в северной части республики не произрастают. Рогоз широколистный в зоне среднего и верхового диалектов больше известен не как *чакан*, а под названием *хурапуç* (*хорапуç*). Употребляется оно и в некоторых говорах низового диалекта: в частности, в деревнях Н.Якушкино и М.Микушкино Самарской области, в с.Ст.Чекурское Республики Татарстан. А названию *тилпёрен* «белена» в верховом диалекте соответствует *охмах корáк* или *ухмах курáкё* (Алманчино, Кожары, Б.Выла, Хыркасы, Молгачкасы, Ишаки). В литературном языке, как и в подавляющем большинстве низовых говоров, *ухмах курáкё* употребляется в значении «дурман»*.

Состав первообразных фитонимов, разумеется, не исчерпывается названиями на *-ан* (*-ен*). Имеется целый ряд наименований с индивидуальной внешней формой** : *хупах* «лопух» (ср.: *хáях* «осока»), *хунчав* «ярутка», *пукра* «куколь»,

---

* Прочно вошли в литературный язык и диалектные названия *тилпёрен* «белена», *кáлкан* «ковыль», *чакан* «рогоз». Первые два из них в художественной литературе встречаются в составе устойчивых оборотов: *тилпёрен синё* «белены объелся», *кáлкан сўслё* «с ковыльными волосами» (т.е. светловолосый). А *чакан* «рогоз» — неизменное средство сопоставления полновесных, тучных колосьев. Такое сравнение традиционно, оно восходит к «языческим» молениям об урожае: *«Акнá тыррáн пўне хáймáш пек, пуçне чакан пек, сáмáрта хёрли пек тутлáхне парáсáнчё»*.

** У некоторых из них зафиксировано большое количество фонетико-морфологических вариантов, например: *кашлинчё* (Н.Кармалы) — *кашлинчи* (К.-Богданово), *кашличё* (Ч.Бюрганы), *кашличи* (Ст.Бурундуки), *кашлич* (Асаново) «пастернак посевной».

хухă «скерда», *сешпĕл* «медуница», *серте* «снуть», *пĕтнĕк* «мята», *илепер* «донник», *калемпĕр* «тмин» и др.

Простые наименования трав, в целом представляющие собой наиболее древний пласт соответствующей лексики, были использованы диалектоносителями для образования новых фитонимов. К примеру, *хухă* («скерда») является опорным названием следующего номинативного гнезда: *майра хуххи* (Ср.Тимерсяны, М.Сунчелеево, Ст.Чекурское, Х.-Батырево, К.-Сирмы), *майруххи* (Асаново), *вырăс хуххи* (Н.Турмышево, Бал.-Баишево, Тарханы, Бахтигильдино, Н.Изамбаево), *вырăс хуххи кĕпçи* (Ст.Чекурское) «свербига восточная», *хур хуххи* (Н.Карамалы, Альшеево, Ст.Чекурское, Н.Турмышево, Сабанчино, Лащ-Таяба, К.-Сирмы, Индырчи), *хурхух* (Теняево, К.-Шемурша, В.Атыково, Первомайское, Х.-Батырево) «осот полевой», *шăши хуххи* (Кайсарово, Раково) «череда трехраздельная». В отдельных говорах среднего диалекта бытует фитоним *пичче хуххи*, в Словаре Н.И.Ашмарина зафиксирован также *йыт хуххи*: *Анкартинчи йыт хуххи татмасăрах ватăлнă* [7, IV, с. 302]. Гнезда одинаково оформленных названий с общим стержневым компонентом отвечают требованию системности и структурного единства терминов. Однако использовать их в готовом виде в научной систематике растений невозможно, поскольку общий компонент в народных названиях не является свидетельством принадлежности обозначаемых реалий к одному биологическому роду.

От некоторых первообразных фитонимов на *-ан* (*-ен*) с помощью форманта *-ак* (*-ек*) образованы вторичные наименования, имеющие более узкий ареал бытования:

кикенец* (К.-Шемурша, Бал.-Баишево) «череда трехраздельная» — верх.: *кикенец* (Хыркасы) «череда»;

тикенец (Слакбаши, Чубукаран) «белена черная» [63, с. 70], (Т.-Таушево, Альшеево) «дурнишник обыкновенный», (Индырчи) «репейник» — сред.: *тикенет* (Систеби, Ст.Тюрлема) «репейник»; ср.: *чикенец* (Челкасы) «татарник колючий»;

---

* Здесь, и далее в подобных случаях, вначале без указания диалектной принадлежности приводятся фитонимы, употребительные в низовом диалекте. Затем после знака «—» следуют аналогичные названия из среднего (сред.) и верхового (верх.) диалектов чувашского языка.

чаканак (Смолькино) «рогоз».

Особую группу составляют названия трав, образованные с помощью аффиксов *-ккай* (*-ккей*, *-кай*, *-кей*), *-кка* (*-кке*, *-ка*, *-ке*):

шайшлаккай (Первомайское, К.-Сирмы), *шайшланкка* (Ст.Чекурское, Именево) «дягиль лекарственный» — сред.: *шайшлакка* (Янгорчино), *шайшланки* (Нюшкасы) «дягиль» — верх.: *шайшлаккай* (Чертаганы) «дягиль», «болиголов»;

тёклеккей (К.-Сирмы) «бутень клубненосный»;

шаймакка, *шаймакка кёпсе* (К.-Сирмы, Н.Карамалы) «дудник лесной» — сред.: *шаймака* (Абызово), *шаймакка* (Орауши) «дудник» — верх.: *шайматка* (Торопкасы) «дудник».

Производные фитонимы подобного типа появились в результате структурно-семантического сжатия соответствующих, более употребительных, составных наименований: *шайшл кёпсе* (К.-Богданово, Султангулово, Н.Якушкино, Кайсарово, Ст.Дуваново, Н.Якушкино, Ср.Тимерсяны, Ст.Чекурское, В.Буяново) «дудник лесной» и др. Конденсация составных фитонимов в цельнооформленные ономаσιологические единицы известны и в других языках. Некоторые исследователи бытовых обозначений трав даже приходят к такому парадоксальному выводу, будто «основным способом образования народных наименований растений... является универбация (конденсация сочетаний слов в слова)» [71, с. 22].

Около 80 процентов чувашских фитонимов — составные наименования (двучленные образования). В зависимости от семантики господствующего — стержневого — компонента они в основном бывают трех видов.

1. Названия, включающие в свой состав общеродовые обозначения трав: *курйак* «трава», *ути* «трава»*, «сено», *кёпсе* «трава с крепким (обычно — с полым) стеблем» или *чечек* «цветок». Например: *кушак ути* (Тарханы, Сабанчино, Н.Шальтямы), *кушак курйакё* (Базлык) «валериана лекарственная»; *кушак кёпсе* (Х.-Батырево) «тмин обыкновенный», букв. «кошачья трава».

---

* Интересно отметить, употребляемое в некоторых говорах название плауна сплюснутого состоит из этих двух слов: *кур(й)к ути* (Кайсарово, Раково) [7, VII, с. 10]. Это, по данным нашей картотеки, единственный фитоним, где компонент «курйак» выступает в качестве определительного.

Иногда в роли указанных слов выступают названия морфологических частей растений. Из них *сеҕеке* «цветок», «соцветие», *туна* «стебель», *тымар* «корень», *авър* «стебель», *вӑрӑ* «семена» встречаются очень редко, несколько чаще используются *сырла* «ягода», *пуҕ* «головка» («колос», «соцветие», «цветок»).

В некоторых фитонимах, где определительным компонентом выступает имя существительное или звукоподражательное слово, стержневой компонент — общеродовое обозначение травы — является как бы факультативным, и название травы имеет два варианта: одно- и двучленный. К таким вариантам относятся: *антӑс* (Н.Карамалы) и *антӑс курӑкӗ* (Ст.Чекурское) «девясил высокий»; *серте* (К.-Шемурша) и *серте курӑкӗ* (Н.Карамалы) «снить обыкновенная»; *пӗтнӗк* (Н.Турмышево) и *пӗтнӗк курӑк* (М.Русаково) «мята»; *пултӑран* (К.-Богданово) и *пултӑран кӗҗи* (Ст.Чекурское) «борщевик сибирский»; *сырлан* (Раково) и *сырлан ути* (Ст.Чекурское), *сырлан курӑк* (Альшеево) «подмаренник»; *матрӑшке* (Бал.-Баишево) и *матрӑшке курӑкӗ* (А.-Ахпердино) «душица обыкновенная»; *чемчем* (Сабанчино) и *чемчем курӑк* (Лащ-Таяба) «горец птичий»; *кӑчӑр* (Трехбалтаево) и *кӑчӑр курӑкӗ* (Кайсарово) «хвощ болотный» и др. Нередко оба варианта бытуют в одном и том же населенном пункте.

2. Вторичные фитонимы — наименования, образованные на основе простых (однокомпонентных) названий трав путем добавления определительного компонента. К примеру: *ама хупахӗ* (К.-Шемурша, Бал.-Баишево, Сабанчино, Х.-Батырево, Н.Шальтямы), *сыр хонаххи* (верх.: Бархаткино, Калмыково), *шуйттан хупаххи* (сред.: Октябрьское) «мать-и-мачеха» и *шыв хупаххи* (К.-Шемурша, В.Атыково, Тарханы, Н.Шальтямы), *шыв хупахӗ* (Сабанчино) «кубышка желтая» имеют общий стержневой компонент *хупах* (*хонах*).

3. Третью группу составляют фитонимы, образованные путем метафорического переноса. Стержневым компонентом таких названий обычно являются обозначения бытовых предметов или частей тела животных.

кӗтӑҕ хутаҕҗи (К.-Шемурша, Бал.-Баишево, Х.-Батырево) «пастушья сумка» — сред.: *кӗтӑҕ хутаҕҗи* (Имелево, Ситмиши, Челкасы, Вурумсют) «пастушья сумка» — верх.: *кӗтӑҕ хутаҕҗи* (Кожары, Алманчино, Хыркасы) «пастушья сумка»;

кушак чӑкӑчӗ (Слакбаши, А.-Ахпердино) «просвирник пренебреженный», букв. «кошачий сыр»;

мулкаш хӑлхи (Ч.Черепаново) «ландыш майский», букв. «заячьи уши» — верх.: *молкач холхи* (Абашево) «ландыш».

Фитонимы-бинармы могут иметь следующую морфологическую структуру:

- 1) прилагательное + существительное;
- 2) существительное + существительное;
- 3) глагольная форма + существительное;
- 4) звукоподражательное слово + существительное.

Специфическую морфологическую структуру — числительное + существительное — имеют названия василька посевного и череды трехраздельной: *утмӑл турат* (букв. «шестьдесят веток»), *виç ура* (букв. «три ножки»). Самый распространенный тип наименования — сочетание двух существительных с помощью притяжательного аффикса -ӗ (-и). Среди искусственно созданных чувашских научных названий травянистых растений немало трех- и четырехчленных фитонимов типа *ансӑр сулӑллӑ тар курӑкӗ*, *ансӑр хупӑллӑ утмӑл турат*, *вӑрман йӗс курӑкӗ*, *вӑтам вӑрман паранки*, *нумай чечеклӗ чӗп куç* и т.п. [см.: 44, с. 339—342]. В диалектной системе номинации трав описательные наименования типа *шур тӑрӑллӑ хыт курӑк* («тысячелистник»), состоящие из четырех компонентов, встречаются крайне редко. А трехчленные фитонимы занимают в ней примерно четыре процента. Их количество в низовом диалекте несколько меньше, чем в верховом. Если название травы имеет в чувашском языке два структурных варианта, трехчленный фитоним чаще всего употребляется в верховых говорах:

пилеш курӑкӗ (К.-Шемурша, Тарханы, Сабанчино, Н.Шальтямы) «пижма обыкновенная» — верх.: *пилеш корӑкӗ* (Кожары, Онгапоси, Альгешево), *пилеш тӑрӑ корӑк* (Бархаткино, Б.Яуши), *пилеш тӑррилӑ корӑк* (Хорамалы) «пижма»;

шур курӑк (Кирюшкино), *шур сӗске* (Асаново), *шурӑ чечек* (Бал.-Баишево) «тысячелистник обыкновенный» — *шор тӑрӑ корӑк* (Алманчино), *шор тӑрӑллӑ корӑк* (Б.Яуши, Хорамалы) «тысячелистник». Также фитонимам *хӗрлӗ послӑ корӑк* (Ягудары), *хӗрлӗ пуç корӑкӗ* (Важуково), *сарӑ тӑрӑ корӑк* (Шибачево), *хӗрлӗ котлӑ корӑк* (Шибачево) в низовом диалекте соответствуют двучленные названия.

Наиболее распространенный тип трех- и четырехчленных фитонимов в низовом диалекте — сочетание существительных: *вырӑс ут кӑшкарӑ* (Раково) «щавель», *кушак сырли курӑкӑ* (Н.Карамалы) «просвирник», *сӗлӗ шур утийӗ* (Бикмурзино) «овсяница», *хир качаки мамӑкӑ* (Ст.Чекурское) «пушица влагалищная», *кушак хӗри шур ути* (Кайсарово) «лисохвост луговой».

2. Основные принципы номинации

Травам, как и другим предметам действительности, присуще большое количество различных признаков. В качестве основы номинации выбираются как признаки, имеющие определенную социальную значимость (вкус, целебные свойства растения и т.п.), так и признаки, служащие лишь целям дифференциации (цвет, сходство морфологической части растения с частью тела животного или с бытовым предметом и т.д.). Некоторые из них актуализируются очень часто, другие — значительно реже или крайне редко.

В основе номинации — естественно-биологические признаки растения

К мотивирующим признакам, наиболее часто используемым диалектоносителями при номинации предметов указанного континуума, следует отнести **цвет** морфологической части травы (чаще всего — цветка или соцветия, в некоторых случаях — стебля, семян, плодов). В отличие от научной систематики растений для народной номенклатуры характерны названия, построенные по семантической модели «наименование цветка» + «название морфологической части растения»:

сарпус (К.-Шемурша, Первомайское, Н.Шальтямы) «первоцвет лекарственный», букв. «желтая головка» — *сарпус* (сред.: Челкасы, Поваркасы, верх.: Соляной, Бархаткино) «первоцвет»;

хӗрлӗ кут (Х.-Батырево), *хӗрлӗ туна* (Асаново) «щирца», букв. «красное основание», «красный стебель» — сред.: *хӗрлӗ кут* (Янгорчино, Имелево), *хӗрлӗ туна* (Арабоси) «щирца» — верх.: *хӗрлӗ котлӑ корӑк* (Шибачево) «щирца»;

хура нуç (М.Микушкино, Н.Якушкино, Ст.Чекурское) «рогоз широколистый», букв. «черная головка» — верх.: *хора нуç* (Якейкино), *хора нос* (Туваны; Ольдеево) «рогоз».

Как показывает сравнительный анализ, большинство названий, указывающих на окраску цветка (соцветия), относится к самым полисемантическим, недифференцированным фитонимам:

ка́вак чечек (Лаш-Таяба, Ст.Чекурское) «василек синий», (Н.Турмышево) «фиалка», (Раково) «окопник лекарственный», букв. «синий цветок» — верх. *ка́вак чечек* (Шобашкаркасы), *ка́вак сешке* (Сеткасы) «василек», «фиалка», *квак чечек* (Важуково) «цикорий»;

сар(а́) чечек (Яльчики, Х.-Батырево) «одуванчик лекарственный», (Бахтигильдино, Бал.-Баишево) «осот полевой», (Ст.Чекурское, Кайсарово) «чина», (Н.Турмышево) «первоцвет лекарственный», букв. «желтый цветок», *сар кура́к* (К.-Богданово) «мать-и-мачеха», букв. «желтая трава» — сред.: *сар чечек* (Тюрлема, Килейкасы) «одуванчик», (Челкасы) «пижма», (Ситмиши) «кубышка желтая» — верх.: *сар чечек кора́к* (Важуково) «лапчатка», *сар сешке* (Именево) «ромашка желтая»;

шур(а́) чечек (Бал.-Баишево), *шур сешке* (Асаново), *шур та́р(а́)лла кура́к* (Раково), *шур кура́к* (Кирюшкино) «тысячелистник обыкновенный», букв. «белый цветок» — сред.: *шур чечек* (Челкасы) «нивяник», (Поваркасы) «ромашка» — верх.: *шор та́р(а́)лла кор(а́)к* (Алманчино, Хорамалы) «тысячелистник».

Поскольку различительные способности мотивирующих признаков таких наименований очень слабы, последние не могут закрепиться за определенным видом или родом. В настоящее время, когда многие традиционные названия трав, к сожалению, забыты, подобные фитонимы выступают в качестве универсальных наименований, т.е. являются ситуационными обозначениями большого количества трав, обладающих названным цветовым признаком.

«Цветовой» компонент содержат и названия типа *сар сешпел* (В.Атыково, Ч.Кубово) «первоцвет весенний», букв. «желтый подснежник (прострел)», *сар матру́шке* (Н.Турмышево, Тарханы, Альшеево) «зверобой продырявленный», букв. «желтая душица». Они, по сравнению с рассмотренными выше фитонимами, имеют более сложную мотивационную основу, образованы путем противопоставления двух растений по признаку цвета.

2. Фитонимов, указывающих на **запах** и **вкус** обозначаемых реалий, относительно немного. Первый признак реализуется в названиях с помощью компонента *шӑршӑ* (*шӑрӑшӑ*, *шӑшӑ*) «пахучий, вонючий, душистый»:

шӑрӑшӑ кӑпсе (Ср.Тимерсяны), *шӑршӑ кӑпсе* (Ст.Дуваново, Н.Якушкино, К.-Богданово, Н.Карамалы) «дягиль лекарственный» — сред.: *шӑршӑ кӑпсе* (Систеби) «дягиль» — верх.: *шӑшӑ кӑпсе* (Шербашы) «дягиль»;

шӑршӑ курӑк (Н.Карамалы) «тимьян ползучий» — верх.: *шӑшӑ вуты* (Ахманей) «полынь горькая».

Вкусовые качества растений чаще всего отражают наименования с определительными компонентами *йӑсӑ* «кислый, горький», *тутӑ* «вкусный, сладкий»:

тутӑ курӑк (Н.Якушкино), *тутӑ тымар* (Альшеево) «солодка голая» — сред.: *тутӑ тымар* (Систеби) «солодка» — верх.: *тутӑ тымар* (Чертаганы, Якейкино) «солодка»;

йӑс кӑшкар (Ст.Чекурское, Н.Изамбаево, А.-Ахпердино), *юш кӑшкар* (К.-Шемурша, Бахтигильдино) «щавель кислый» — сред.: *йӑс кӑпсе* (Ч.-Шинеры) «щавель» — верх.: *йӑс кӑшкар* (Качалово), *йӑс кӑпсе* (Б.Выла, Хорамалы) «щавель»; ср.: *йӑсӑ вуты* (Хорачка), *йӑсӑ вӑрӑ корӑк* (Шибачево), *йӑсӑ корӑк* (В.Олгаши), *йӑс хупах* (Чертаганы) и др.

В канашско-янтиковско-урмарской полосе, где проходит граница между низовым и средним диалектами чувашского языка, для обозначения щавеля кислого чаще всего используется составное наименование с компонентом *тӑварӑ* «соленый»: *тӑварӑ кӑшкар* (Н.Шальтямы, Имелево, Беляево, Ньюшкасы, Арабоси). На своеобразное вкусовое качество этого растения указывают и названия *квасак*, *кӑвасак кӑпсы* (< *кӑвасак* «кисловатый»), зафиксированные у носителей среднего диалекта (Янгорчино, Челкасы, Октябрьское).

3. Следующая группа названий — фитонимы, отражающие **особенности внешнего строения** травы: форму цветка, очертание и жилкование листьев, характер роста, величину, плотность и опушение стебля. Например, в названиях *патрак* (Ст.Чекурское, Асаново) «название съедобного растения» и *картӑ курӑк* (Н.Изамбаево; сред.: Арабоси) «кочедыжник городчатый» отражены соответственно характерные особенности стебля (букв. «ломкий») и листьев (букв. «зубчатый, коленчатый»). А растение василек синий (в селе Старое Чекурское Татарской

Республики и в некоторых других — цикорий обыкновенный) получило свое название из-за ветвистости стебля. В отличие от указанных выше названий, имеющих островные ареалы распространения, этот фитоним употребляется во всех основных говорах чувашских диалектов: *утмӑлтурат* (Теняево, Тряпино, Кайсарово, Альшеево, В.Атыково, Сабанчино, Асаново, Х.-Батырево, Н.Шальтямы) «василек синий» — сред.: *утмӑлтурат* (Ситмиши, Ч.-Шинеры, Килейкасы, Октябрьское) «василек», (Челкасы) «василек», «цикорий» — верх.: *отмӑлторат* (Шумерля, Кожары, В.Олгаши, Бархаткино, Ахманеи, Ишаки) «василек». Широкое распространение получили также фитонимы *шӑнӑр курӑкӗ* «подорожник большой», букв. «жильная трава» (из-за сосудоволокнистых пучков на листьях)*, *сырлан* «повилика», «подмаренник», букв. «цепляющаяся»; ср.:

шӑнӑр курӑкӗ (Кирюшкино, Теняево, К.-Богданово, Н.Узеево, К.-Шемурша, В.Атыково, Сабанчино, Асаново, Х.-Батырево, А.-Ахпердино, Индырчи) «подорожник» — сред.: *шӑнӑр курӑкӗ* (Янгорчино, Челкасы, Арабоси, Октябрьское, Вурумсют) — верх.: *шӑнӑр курӑкӗ*, *шӑнӑр корӑкӗ* (Алманчино, Онгапоси, Шобашкаркасы) «подорожник»;

сырлан (К.-Богданово, Рождественка, Н.-Турмышево, Бал.-Баишево, Лащ-Таяба) «повилика», *сырлан ути* (Ст.Чекурское), *сырлан курӑк* (Альшеево) «подмаренник» — сред.: *сырлан* (Нюшкасы, Поваркасы) «подмаренник» — верх.: *сырлан* (Алманчино), *сырлан корӑк(ӗ)* (Н.Олгаши, Важуково, Онгапось) «подмаренник».

Терминологичность фитонима зависит от специфичности внешней формы и заложенного в ней мотивирующего признака. Названия, подобные, скажем, *хыт курӑк* (букв. «жесткая трава»), естественно, являются слабо дифференцированными, тяготеют к общим обозначениям типа *ӳхлӗм* «хорошие кормовые травы», *хыт хура* «засохшие жесткие травы»: *хыт курӑк* (Асаново) «цикорий обыкновенный», (Ст.Чекурское, Н.Якушкино) «донник белый» — верх.: *хыт курӑк* (Мыслец), *хыт корӑк*

---

* Следует отметить, что подорожник большой в отдельных говорах среднего и верхового диалектов больше известен под другим названием — сред.: *чӑкеҫ курӑк* (Имелево, Ч.-Шинеры), верх.: *чӑкеҫ курӑкӗ* (Б.Выла, Хорамалы), *чӑкеҫ корӑк* (Ахманеи, Бобылькасы, Бархаткино, Б.Яуши), букв. «ласточкина трава» (т.к. плодовые колосья служат кормом для птиц).

(Шобашкаркасы) «тысячелистник обыкновенный», *хыт коряк* (Ишаки) «донник лекарственный». Этим словосочетанием нередко обозначаются также икотник седой, гулявник лекарственный.

Насколько можно судить по собранному материалу, фитонимы, непосредственно указывающие на морфологические особенности растения, в флористической лексике верхового диалекта занимают большее место, чем в низовом. В верховых говорах бытуют такие названия, как *мән вути* (В.Олгаши, Н.Олгаши) «полынь», *мән ути* «лабазник вязолистный», *вётё корёкё* (Шобашкаркасы) «тысячелистник обыкновенный», *сытәсакан чечек* (Онгапось), *сытәсакан корёкё* (Шобашкаркасы) «череда трехраздельная», *лаптак куряк* (Аликово, Тимирзьясы) «ярутка (?)» и др.

4. Некоторые травы (например, растения с вздутыми чашечками) от порывов ветра или при механическом воздействии издают характерный **звук**. Эта особенность получила отражение в народных названиях соответствующих растений:

шакяркка куряк (Ст.Чекурское) «погремок летний»;

шалтяркка куряк, *шәлтяркка куряк* (Ст.Чекурское) «смолевка широколистная» — сред.: *шәлтярка коряк* (Ст.Тюрлема) «погремок летний» — верх.: *шалтяркан* (Чуманкасы) «хвощ топяной»;

шәлтярма куряк (Султангулово) «погремок летний» — верх.: *шәлтярма коряк* (Торопкасы, В.Олгаши), *шәлтярми коряк* (Сормвары) «погремок»;

кәчәр (Трехбалтаево), *кәчәр курякё* (Кайсарово, Альшеево) «хвощ болотный» и др.

Как видно из приведенных примеров, наименования, мотивированные по указанному признаку, состоят из постоянного компонента *куряк* и звукоподражательного слова.

5. В научной систематике трав в качестве определяющего видового признака нередко выбирают **место произрастания** растения. Например: *хвощ болотный*, *хвощ полевой*, *хвощ луговой*, *хвощ лесной* или *вероника ключевая*, *вероника поточная*, *вероника дубравная*, *вероника пашенная* и т.п. В бытовой номенклатуре трав названий подобного типа относительно немного. К тому же топографический компонент в народных фитонимах обычно сочетается не с «родовым» названием, а с общеродовым обозначением трав *утә* или *куряк*:

лачака «топь»: *лачака курӑк* (В.Атыково) «звездчатка средняя», (Н.Турмышево, Х.-Батырево) «вахта трехлистная» — сред.: *лачака курӑкӗ* (Ч.-Шинеры, Вурумсют, Поваркасы) «звездчатка», (Имелево, Килейкасы, Октябрьское) «вахта» — верх.: *лачака корӑкӗ* (Кожары, Хорамалы, Онгапось) «звездчатка», *лачака корӑкӗ* (Ишаки) «вахта»;

сул «дорога»: *сул курӑк* (Н.Карамалы) «цикорий обыкновенный» — верх.: *сол корӑкӗ* (Шобашкаркасы) «горец птичий».

В названиях трав, мотивированных по биотопу, дефинитивными компонентами могут быть также *шыв* «вода», *вӑрман* «лес», *хир* «поле» или микропонимы (например, *Анаткас ути* «щавель конский», зафикс. в д.Иоково Тетюшского р-на Татарской Республики). Кроме того, к наименованиям этого типа относятся *уӑх кӗпӗси* (*уӑх* «заливной луг») и *саран курӑк* (*саран* «луг», «суходол»).

Травы, хорошо изученные человеком, используемые им в хозяйственно-бытовых целях, обычно такие «нейтральные» названия не получают.

Образное представление квалификативных признаков растения

Как известно, признаки, свойства предмета можно передать не только описательно, но и посредством сравнения с другими предметами, имеющими сходное качество. Эта возможность широко используется диалектоносителями при обозначении трав.

Ономазиологический статус могут получить ассоциативные образы трех типов.

1. Сравнение травы с бытовым предметом. Основой для сопоставления чаще всего является общность формы морфологической части растения (соцветия, плода, корзинки) и предмета крестьянского быта:

чӑкӑт курӑкӗ (Н.Турмышево, Лащ-Таяба, Сабанчино, Х.-Батырево), *чӑкӑт* (Ср.Татмыши) «просвирник пренебреженный», букв. «трава-сырок» (из-за плоского круглого плода), ср.: *кушак чӑкӑчӗ* (Слакбаши, А.-Ахпердино) «просвирник», букв. «кошачий сырок» — сред.: *чӑкӑт курӑкӗ* (Янгорчино, Поваркасы), *кушак чӑкӑчӗ* (Нюшкасы)

«просвирник» — верх.: *чйкйт курйкё* (Алманчино), *чйкйт корйкё* (Ахманеи) «просвирник»;

тупй курйкё (Н.Карамалы) «мордовник шароголовый», букв. «травя-мячик» (из-за шаровидной головки), ср.: *хир сймхи* (Ст.Чекурское) «мордовник», букв. «полевой клубок»;

салтак тўм(м)и (В.Атыково, Н.Турмышево, Тарханы, Сабанчино, Асаново) «пупавка красивая», букв. «солдатская пуговица» (по форме и цвету корзинок), *тўмме курйкё* (Раково) «нивяник обыкновенный», букв. «травя-пуговица» — сред.: *салтак тўм(м)и* (Ухманы, Янгорчино, Ч.-Шинеры, Орауши, Челкасы, Арабоси) «пупавка» — верх.: *салтак тўм(м)и* (Кожары, Алманчино, Б.Выла, Хорамалы, М.Карачкино) «пупавка», (Хыркасы) «купальница европейская», *салтак корёк* (Якейкино) «нивяник»;

шйнкйрав курйкё (Н.Карамалы, Тарханы, Бахтигильдино, Первомайское), *шйнкрав курйкё* (В.Атыково, Лащ-Таяба, Сабанчино, Х.-Батырево, Н.Шальтямы) «колокольчик раскидистый», букв. «травя-колокольчик» (по форме цветка) — сред.: *шйнкйрав курйкё* (Ухманы, Челкасы), *шйнкрав курйкё* (Ч.-Шинеры, Поваркасы, Вурумсют, Октябрьское) «колокольчик» — верх.: *шйнкрав корйкё* (Кожары, Онгапось, Альгешево) «колокольчик», *шйнкрав корёк* (Бобылькасы, Бархаткино, В.Яуши) «купальница европейская»; ср. также сред.: *тункйрма*, *тонкйрма* (Вурумсют, Сотниково) и верх.: *тонкйрма* (Важуково, Шобашкаркасы, Ишаки), *тонкйр* (Соляной, Ахманеи, Молгачкасы), *ханкйрма* (Алманчино) «купальница», букв. «бубенчик».

Названия, образованные по структурно-семантическим моделям «фитоним = название бытового предмета» или «фитоним = название бытового предмета + курйкё» могут отражать не только общность формы реальных, но и другие ассоциативные признаки. В частности, растения, выделяющие белый (молочный) сок, получили название *сётлё курйк*, букв. «молочная трава» (сходство по цвету):

сётлё курйк (Н.Карамалы), *сёт курйкё* (К.-Богданово, Лащ-Таяба), *сётлё курйк* (Раково, Ст.Чекурское) «осот полевой» или «молочай (прутьевидный)» — сред.: *сётлё курйк* (Орауши) «козлобородник луговой» — верх.: *сётлё корйк* (Ягудары), *сёт корйкё* (Шобашкаркасы) «одуванчик», *сёт корйкё* (Хыркасы) «молочай».

Ассоциация травы с предметом, обладающим определенным свойством в ярко выраженной форме, заложена также в основу наименований *сáмала курáк* (Н.Якушкино), *сáмала корáк* (Хорамалы, Б.Яуши), *тикёт курáк* (Башк. АССР; 7, XIV, с. 35), *тикёт вутти* (М.Карачкино) «смолка обыкновенная», букв. «травасмола», «трава-деготь» (из-за клейких междоузлий стебля). Новым фитонимом, образованным по рассматриваемой семантической модели, является *одеколон чечекё* (Н.Шальтямы) «фиалка душистая».

2. Ассоциативная связь растения с животным и использование названия последнего в номинации первого во многих случаях обусловлены внешним сходством отдельных морфологических частей двух биологических объектов. В зависимости от признака, положенного в основу такого сравнения, компонент-зооним в составе фитонима может указывать на особенности строения, величину (а иногда и окраску) стебля, листьев, цветка (соцветия). Ср.:

шáрка «гниды»: *шáрка курáкё* (Н.Карамалы, Альшеево) «пастушья сумка» — сред.: *шáрка курáкё* (Систеби, Эльбарусово) «пастушья сумка»;

йытпырши (Н.Якушкино, Альшеево, К.-Шемурша, В.Атыково, Н.Турмышево, Лащ-Таяба, Сабанчино, Х.-Батырево, А.-Ахпердино) «вьюнок полевой», букв. «собачьи кишки» (по форме стебля) — сред.: *йытпырши* (Имелево, Челкасы, Ч.-Шинеры, Вурумсют, Килейкасы, Октябрьское) — верх.: *йытпырши* (Алманчино, Онгапось, Хыркасы, Бобылькасы, Б.Яуши), *йáтпырши* (Кожары, Б.Выла, Якейкино, Бархаткино, Хорамалы), *йытпурши* (Ишаки) «вьюнок»;

кушак хúри (Слакбаши, К.-Шемурша) «тимофеевка луговая», (Раково) «вероника длиннолистная», букв. «кошачий хвост» (по форме соцветия) — сред.: *кушак хúри* (Поваркасы, Кинеры, Октябрьское) «тимофеевка» — верх.: *кошак хúри* (Т.-Выла) «тимофеевка»;

тáхран пуç (Ст.Чекурское, Юмашево) «клевер луговой», букв. «головка дятла» (по форме и цвету головки) — сред.: *тáхран пуç* (Нюшкасы) «клевер».

Ассоциативная связь «трава — животное» может быть обусловлена не только сходством морфологической части травы с частью тела животного, но и более общими

закономерностями. К примеру, в с.Ст.Чекурское зафиксировано два фитонима с определительным компонентом *сёлен* «змея»: *сёлен курăкĕ* «купена лекарственная», *сёлен сырли курăкĕ* «ландыш майский». Первое растение получило такое название благодаря блестящему изогнутому стеблю, а второе — из-за ядовитости плодов («змеиный» → «ядовитый»).

Сходством реалий по биотопу мотивировано включение названия лягушки *шапа* в обозначение водяных растений и трав, растущих около водоемов:

шапа кĕпи (Альшеево, Кайсарово) «кувшинка чистобелая», букв. «лягушечья рубашка»;

шапа карри (Ср.Тимерсяны), *шапа кари* (Ст.Чекурское), *шапа пĕтти* (Сунчелеево, Альшеево, Асаново), *шапа лĕкки* (Н.Карамалы), *шапа манки* (Городище) «названия ряски и других мелких водяных растений» — сред.: *шапа пĕтти* (Орауши, Ст.Тюрлема) и верх.: *шапа йўлеки* (Ирхкасы), *шапа нимаки* (Якейкино, Аликово), *шапа ньмаки* (Мыслец), *шапа лĕкки* (В.Олгаши) «названия мелких водорослей»;

ср.: *шапа хупаххи* (Бал.-Баишево, Бахтигильдино) «кубышка желтая», (В.Атыково, Н.Турмышево) «мать-и-мачеха», *шапа хупахĕ* (Асаново, А.-Ахпердино) «мать-и-мачеха» — сред.: *шапа хупаххи* (Сотниково), *шапа хупахĕ* (Ситмиши) «мать-и-мачеха» — верх.: *шапа хонаххи* (Шербашаши), *шапа хонахĕ* (Бобблькасы), *шапа корăкĕ* (Онгапоси, Шобашкаркасы) «мать-и-мачеха».

«Свиной травой» (*сысна* «свинья» + *курăкĕ* «трава ее») во всех диалектах чаще всего называют горец птичий — растение, широко распространенное на улицах и дворах чувашских селений:

сысна курăкĕ (Ст.Чекурское, К.-Шемурша, Лаш-Таяба, Сабанчино, Х.-Батырево) — сред.: *сысна курăкĕ* (Имелево, Ситмиши, Арабоси, Килейкасы, Вурумсют) — верх.: *сысна корăк(ĕ)* (Чертаганы, Б.Выла, Важуково), *сысна корĕк(ĕ)* (Кожары, Хорамалы, Бархаткино).

В фитонимах типа *ут кăшкарĕ*, *лаша кăшкар ути* «конский щавель» (ср.: *кăшкар*, *кăшкар ути* «щавель»), *кушак пăрси* «просвирник» (ср.: *пăрса* «горох») компоненты-зоонимы (*ут* «конь», *лаша* «лошадь», *кушак* «кошка») обладают дополнительным, пейоративно-оценочным, значением.

3. Происхождение целого ряда фитонимов связано с **уподоблением трав деревьям, полевым и огородным культурам** из-за определенных сходств в формах строения, типах соцветия:

пилеш курайкё (К.-Шемурша, Тарханы, Сабанчино, Н.Шальтямы) «пижма обыкновенная», букв. «трава-рябина» (ср. русские народные названия пижмы: полевая рябина, дикая рябинка) — сред.: *пилеш курайкё* (Челкасы, Поваркасы, Октябрьское), *пилеш тәрри* (Янгорчино), *пилеш утти* (Ст.Тюрлема) «пижма» — верх.: *пилеш корайкё* (Кожары, Онгапось, Алыгешево), *пилеш корёк* (Бобылькасы), *пилеш тәрриллэ корайк* (Хорамалы), *пилеш тәрлэ корайк* (Бархаткино, Б.Яуши) «пижма»;

чярйш тәрри (К.-Шемурша, Бахтигильдино, В.Атыково, Лащ-Таяба, Асаново, Х.-Батырево, А.-Ахпердино, Индырчи) «хвощ полевой», букв. «верхушка ели» (за сходство бесплодного стебля с хвойным побегом) — сред.: *чярйш тәрри* (Ч.-Шинеры, Арабоси, Вурумсют, Октябрьское), *чярйш курайкё* (Янгорчино) «хвощ» — верх.: *чярйш тәрри* (Кожары, Б.Выла, Бобылькасы, Хыркасы), *чярйш курайкё* (Алманчино), *хыр корайк* (Ахманеи) «хвощ», букв. «верхушка ели», «трава-ель», «трава-сосна»;

вир курайкё (К.-Шемурша, Сабанчино, Лащ-Таяба, Х.-Батырево) «тимофеевка луговая», (Раково) «ситник сплюснутый», букв. «трава-просо»;

ыраш «рожь»: *ыраш кёңси* (Н.Изамбаево) «козлец» — сред.: *ыраш кёңси* (Систеби, Байгулово) «козлец»;

купаста нуç (Первомайское) «купальница европейская», букв. «кочан капусты» (из-за крупных чашелистиков, собранных шаром) — сред.: *купаста нуç* (Октябрьское) «купальница».

Особую и довольно многочисленную группу составляют вторичные фитонимы, образованные от названий хорошо известных растений **по принципу контрастности** — путем противопоставления по одному из признаков. Например, пальчатые листья яснотки белой (стеблеобъемлющей) напоминают листья крапивы, но в противоположность последним они не имеют жгучих волосков, отсюда народное название травы:

суккяр вёлтёрен (Тряпино, Кайсарово, Ср.Тимерсяны, Ст.Чекурское, К.-Шемурша, Тарханы, Сабанчино), *суккяр вёлтрен* (Новоселка, Н.Турмышево, Т.-Эткерово)

«яснотка», букв. «слепая крапива» (ср. русское народное название этого растения — глухая крапива) — сред.: *суккър вёлтрэн* (Янгорчино, Арабоси, Октябрьское) — верх.: *соккър вёлтрэн* (Алманчино).

В основе номинации — утилитарные признаки растения

По образному замечанию В.А.Меркуловой, исследовавшей русские народные названия растений, «необходимость, как прожектор, выхватывает кусок действительности и освещает его отчетливо и ярко, а остальное свалено в кучу ненужного неразобранного материала» [50, с. 151]. Связь номинации с общественной практикой, повседневной деятельностью человека особенно отчетливо проявляется в названиях, мотивированных по функциональным признакам реалий. В фитонимах этого типа отражено **применение** обозначаемых **растений в быту, в хозяйстве, в детских развлечениях** «для чего-то» («в качестве чего-то») или «от чего-то» («против чего-то»):

1) *чей куръкё* (Н.Карамалы, Кайсарово) «душица обыкновенная», (Н.Турмышево, Асаново) «мята полевая», (Первомайское, Сабанчино, Х.-Батырево, А.-Ахпердино) «зверобой продырявленный», букв. «трава для чая» — сред.: *чей куръкё* (Имелево, Ситмиши, Челкасы, Поваркасы), *чай курък* (Ч.-Шинеры) «зверобой» — верх.: *чей куръкё*, *чай коръкё* (Алманчино, Б.Выла, Хорамалы, Ахманеи) «зверобой», *чей корък* (В.Олгаши) «душица»;

сар сип ути (Первомайское, Сабанчино, Н.Шальтямы, Индырчи) «зверобой продырявленный», букв. «трава желтых ниток» (употребляется для крашения пряжи в желтый цвет) — сред.: *сар сип ути* (Янгорчино) «зверобой» — верх.: *сар сип ути* (Чертаганы) «зверобой», *хура сип ути* (Чертаганы, Мыслец), *хора сип корък* (Исаково, Ишаки) «душица обыкновенная»;

хёрлё ути (Н.Карамалы, Н.Якушкино) «подмаренник мягкий», (Кайсарово, Ср.Тимерсяны) «серпуха красильная», букв. «трава для красноты (краски)» — сред.: *хёрлё ути* (Орауши, Ст.Тюрлема) «подмаренник»;

2) *шайна курък* (Кайсарово, Альшеево) «клоповник обыкновенный (мусорный)», букв. «трава [от] мух» — верх.: *шайна кёпси* (Алманчино, Актай, В.Олгаши, Сятраево) «дягиль»;

хурт курӑкӗ (Н.Карамалы) «котовник кошачий», букв. «трава [от] червей» — сред.: *хурт курӑкӗ* (Нюшкасы) «пустырник».

Часть фитонимов, мотивированных по функциональному признаку, содержит указание на действие, производимое растением или с ним самим:

ёмекен курӑк (Н.Изамбаево) «клевер луговой», букв. «трава, которую сосут» — сред.: *ёмек чечекки* (Избеби) «клевер» — верх.: *ёмчӑк корӑк* (Яргунькино) «клевер»;

сӑмарта саратакан курӑк (Ст.Чекурское) «кровохлебка лекарственная», букв. «трава, красящая яйцо».

Некоторым травам чувашские крестьяне приписывали несвойственные им функции, наделяли сверхъестественной силой. Применение этих растений (например, при совершении обрядов) и соответствующая номинация их были связаны с мифологическими, религиозно-магическими представлениями людей. Семантическая структура таких названий в целом ничем не отличается от других фитонимов, мотивированных по утилитарным признакам:

сумӑр хулли (Н.Карамалы, Ст.Чекурское, Н.Шимкусы), *сумӑр курӑкӗ* (Кайсарово, Ч.Черепаново) «спаржа лекарственная», букв. «трава [для вызывания] дождя» [7, XII, с. 236—238] — сред.: *сӑмӑр курӑкӗ* (Нюшкасы) «репяшок аптечный» — верх.: *сомӑр корӑкӗ* (Ишаки) «донник белый»;

ие курӑкӗ (Ст.Чекурское, Первомайское, Тарханы, Асаново), *аййе курӑкӗ* (Кайсарово) «астрагал нутовый», «плаун», букв. «трава [от] злого духа ие» (растение применялось при обряде *ие хуса кӑларни*) [см.: 7, III, с. 86].

Среди названий, мотивированных по функциональному признаку, самую многочисленную группу составляют фитонимы, отражающие **применение растений в народной медицине** (лечебные свойства трав). Этот признак реализуется в трех семантических моделях.

1. Фитоним указывает на болезнь (заболевание), от которой лечились обозначаемым растением:

сивчир курӑкӗ (Ст.Чекурское) «репейник», *сив курӑкӗ* (Раково, Бал.-Баишево, Тарханы, Бахтигильдино, Н.Шальтямы) «цикорий обыкновенный», «трава [от] лихорадки»

— сред.: *сивчир курăкĕ* (Орауши) «василек луговой», (Нюшкасы) «тысячелистник обыкновенный»;

ниш курăкĕ (К.-Богданово, Кайсарово) «ландыш майский», букв. «трава [от] худосочия (рахита)» — сред.: *ниш курăк* (Орауши) «ландыш» — верх.: *ниш корĕк* (Якейкино) «ландыш»;

чикен курăкĕ (Н.Карамалы, Ст.Чекурское, Богдашкино) «герань луговая», (Раково) «синеголовник плосколистный»; букв. «трава [от] колотья (прострела)»;

шĕпĕн курăкĕ (Н.Турмышево, Бахтигильдино, Асаново, Н.Шальтымы) «чистотел большой», букв. «трава [от] бородавок» — сред.: *шĕпĕн курăкĕ* (Имелево, Янгорчино, Арабоси, Вурумсют), *шĕвен курăк* (Челкасы) «чистотел» — верх.: *шĕпĕн корĕк* (Бобылькасы, Бархаткино, Б.Яуши) «чистотел»;

кăсамăк курăкĕ (Ст.Чекурское) «ярутка полевая», букв. «трава [от] коросты» — сред.: *кăсамăк курĕк* (Орауши) «ярутка»;

шысă курăкĕ (Ч.Бюрганы, Первомайское) «чистяк весенний», букв. «трава [от] нарыва»;

сăрхăват курăк (Н.Якушкино, Кайсарово) «хвощ полевой», «трава [от] опухолей»;

никĕт курăкĕ (Ст.Ганькино, Альшеево, Ст.Чекурское), *ничĕк курăк* (М.Русаково) «желтушник левкойный», букв. «трава [от] болезни зубов» — сред.: *никĕт корĕк* (Богатырево) «желтушник» — верх.: *ничĕк корăк* (Якейкино) «желтушник»;

пыршăл курăкĕ (Ст.Чекурское) «жабник полевой», букв. «трава [от] болезни горла» — сред.: *пыршăль курĕк* (Орауши) «жабник» — верх.: *пыр шăлĕ корăкĕ* (Талой) «ландыш майский»;

варвитти курăкĕ (Ст.Чекурское), *чĕкĕре курăкĕ* (В.Атыково, Н.Турмышево) «тысячелистник обыкновенный», *чĕкре курăкĕ* (Лаш-Таяба) «медуница (?)», букв. «трава [от] поноса» — верх.: *варвĕтти корĕк* (Бобылькасы) «тысячелистник», *чĕкĕре корăкĕ* (Сормвары) «пижма».

В фитонимах указанного типа в качестве дифференциального компонента встречаются также *хăярак* «золотуха», *хĕрлĕхен* «корь», *хăмпăлчă*, *хунча* «волдырь», «пузыри на теле», *санла* «опухоль», *тўлеме* «нарыв», *кăрчанкă* «чесотка», *пўсĕр* «грыжа, глисты», *вĕрĕлни* «простуда», *сăянташ* «падучая (эпилепсия)» и др.

Некоторые фитонимы, мотивированные по лечебному свойству травы, зафиксированы лишь в верховом и (или) среднем диалектах чувашского языка:

верх.: *сарамак корӑк(ё)* (Торопкасы, Молгачкасы), *сарамак корёк* (Бобылькасы, Б.Яуши), *сарамак* (Важуково, Ишаки, Хыркасы, Шобашкаркасы) «первоцвет лекарственный» (*сарамак* «желтуха»);

сред.: *кёсё курёк* (Орауши) «чистотел большой» — верх.: *кёсё курӑкё* (Чертаганы) «чистотел» (*кёсё* «чесотка»);

верх.: *пўчек корӑкё* (Хыркасы) «звездчатка средняя» (*пўчек* «кожная болезнь»);

сред.: *шатра курӑк(ё)* (Янгорчино) «пастушья сумка» — верх.: *шатра кёпси* (Якейкино, Хорамалы) «лапчатка серебристая» (*шатра* «сыпь на теле»);

сред.: *шӑл суран курёк* (Орауши) «чистотел большой» (*шӑл суранё* «зубная боль», «болезнь зубов»);

верх.: *шӑнтакан корӑкё* (Абашево) «цикорий» (*шӑнтакан* «лихорадка»).

Возможно, некоторые из них (как, например, *шатра курӑкё*) употребляются и в отдельных говорах низового диалекта, однако собранный материал пока не дает оснований для такого утверждения.

2. Фитоним указывает на часть тела (орган) человека, при лечении которой применялось именованное растение:

чёре курӑкё (Бахтигильдино, Первомайское, Лащ-Таяба, Сабанчино, Н.Шальтямы) «пустырник обыкновенный», букв. «трава [для] сердца» — сред., верх.: *чёре корёкё* (Сотниково, Кожары, Ишаки, Хыркасы) «пустырник»;

сурӑм «спина», «поясница»: *сурӑм утти* (Ст.Чекурское, Ч.Кубово) «фиалка» — сред.: *сурӑм пуши* (Орауши) «купена многоцветная» — верх.: *сорӑм ути* (Шербашаи) «фиалка»;

пыр «горло»: *пыр корӑк* (Яраккасы) «щербушка полевая»;

шӑл «зубы»: *шӑл курӑкё* (Кайсарово, Раково) «тысячелистник обыкновенный» — сред. *шӑл курӑкё* (Имелево) «желтушник (?)»;

шӑмшак «туловище»: *шӑмшак курӑк* «чистотел большой (?)» — ср.: *сен корӑкё* (сред.: Сотниково) «чистотел».

3. Фитоним указывает на лечебное действие растения:

юн шёветекен курӑк (Н.Карамалы, Ст.Чекурское) «паслен сладко-горький», «зверобой продырявленный», (В.Атыково) «ромашка аптечная», *юн шёветен курӑк* (Кайсарово) «волдырник ягодный», букв. «трава, разжижающая кровь» — сред.: *юн шёветекен курӑк*

(Нюшкасы) «кровохлебка лекарственная», *йон шёвтекен коряк* (Ст.Тюрлема) «зверобой» — верх.: *йон шёвтекен коряк* (Ягудары) «зверобой»;

ўт кўрекен кёпсе (Ст.Чекурское), *ўт кўрекен куряк* (Ст.Чекурское, Кайсарово), *ўт илтерекен куряк* (Раково) «резак обыкновенный» и др., букв. «трава, заживляющая рану» — сред.: *ўт илен курёк* (Орауши), *ўт илекен куряк* (Нюшкасы, Ст.Тюрлема) «коровяк обыкновенный» и др. — верх.: *ўт илнё коряк* (М.Карачкино), *ўт илекен коряк* (Чертаганы, Ишаки) «подорожник большой» и др.

Следует иметь в виду, что использование трав в народной медицине и соответствующая номинация их не всегда были обусловлены реальными свойствами растений. Для применения их в лечебных целях иногда было достаточно внешнего сходства морфологической части растения с больным органом или симптомами данной болезни. При этом люди исходили из суеверных представлений о том, что творец, посылая на землю различные болезни, послал и лекарства против них в виде определенных — «похожих на них» — растений. Поэтому неудивительно, что в некоторых фитонимах наряду с функциональным свойством растения (применение в лечебных целях) отражен также и морфологический признак (особенности строения травы). Например, в с.Раково Буинского р-на Республики Татарстан от болезни *чикен* «колотье, прострел» (*чик-* «колоть») лечились синеголовником (*чикен курякё*), имеющим колючезубчатые листья. Эту же траву с синие-зелеными овальными цветками в с.Старое Чекурское Дрожжановского р-на РТ называют *кус курякё* (букв. «глазная трава»), здесь она считалась полезной от сглаза (*кус ўкни*)*. В этой же роли у верховых чувашей (Сормвары, Кожары) выступала фиалка трехцветная — *кус корякё* или *кос корякё* (ср.: русское народное название — *анютины глазки*).

Своеобразные представления о причинах болезней и средствах их лечения нашли выражение и в фитонимах, образованных от названий болезней, которые считались «порчами, постигающими человека под влиянием чьей-либо ссоры» (*әншәрт, тумхаяр, хаяр*):

---

* По народным представлениям, именно синие (голубые) глаза являются наиболее опасными (*Ред.*).

әншәрт ути (Ст.Чекурское), *әншәрт курәкә* (Н.Карамалы, Первомайское, Тарханы, Сабанчино, Н.Шальтямы, Индырчи) «горицвет весенний» — сред.: *әншәрт курәкә*, *әншәрт корәк* (Систеби, Ситмиши, Поваркасы, Вурумсют, Сотниково) «горицвет»;

тумхаяр курәк (Кайсарово), *тумхаяр сырли* (Раково) «вороний глаз» — верх.: *тумхаяр корәк* (Якейкино) «герань лесная»;

хаяр курәкә (Н.Карамалы, Н.Якушкино, Ст.Бурундуки, Бал.-Баишево) «кульбаба осенняя», «трифоль» (?), *хаяр ути* (Ст.Чекурское) «воронец колосистый», (К.-Шемурша, Бал.-Баишево, Н.Шальтямы) «вороний глаз» — верх.: *хаяр корәкә* (Торопкасы) «кульбаба», *хаяр корәк* (Бобьлькасы), *хаяр сырли* (Шобашкаркасы) «воронец», *хаяр вути* (М.Карачкино, В.Олгаши, Ишаки), *хаяр вутти* (Шербаша) «шалфей», *хаяр вәрри* (Якейкино) «ярутка полевая».

Новыми наименованиями, отражающими лечебные свойства трав, являются *эмел курәкә* (Тарханы, Н.Шальтямы, Индырчи) «ромашка лекарственная», (Первомайское) «шалфей луговой» и *йод курәкә* (Бал.-Баишево) «чистотел большой».

В некоторых фитонимах нашло непосредственное выражение **способность отрицательного воздействия** растения на человека. Например, ядовитое растение дурман обыкновенный у носителей низового диалекта известно под названием *ухмах курәкә*, букв. «трава сумасшедшего» (< *ухмаха ертекен курәк* «трава, сводящая с ума»). В верховом диалекте и в некоторых говорах среднего диалекта, на территории распространения которых указанное растение практически не встречается, «травой сумасшедшего» (*ухмах курәкә*) называют белену черную, обладающую тем же свойством — ядовитостью. *Тута кәңси* (< *тута* «губы» + *кәңсе*) служит названием растения с съедобным стеблем и корнем — пастернака посевного (в некоторых говорах — свербиги восточной), происхождение фитонима диалектоносители объясняют так: *тутлә та*, *тутана пәсать* «вкусное [растение], но портит губы» (записано нами в д.Кистенли-Богданово Республики Башкортостан).

3. Типичные обозначения сорнополевых трав

По своему происхождению сорнополевые растения бывают двух разновидностей: **антропохоры** (типичные сорняки) — растут, как правило, на полях в качестве примеси к культурным растениям, в естественных растительных сообществах встречаются лишь как заносные с полей; **апофиты** — члены естественно-растительного сообщества (чаще — лугового), способные проникать в посевы и удерживаться в них, приспособляясь к условиям возделываемых культур [см.: 47, с. 40]. Аналогично этому в системе номинации сорнополевых растений, сложившейся в диалектном языке, имеются два типа наименований: одни образованы по специфичным (типичным для этой подгруппы трав) структурно-семантическим моделям, а другие — по универсальным (характерным для всей группы травянистых растений) моделям. Хотя по составу групп лингвистическая классификация фитонимов, естественно, не совпадает целиком с внеязыковой классификацией реалий, нельзя не заметить между ними определенную связь: фитонимы, образованные по специфическим моделям, в большинстве случаев являются названиями типичных сорняков — сорняков-антропохоров.

Характерное обозначение сорнополевого растения — название, включающее в свою семантику наряду с предметно-понятийным значением (концептуальным ядром) эмоционально-оценочную — **пейоративную** (отрицательную) — **коннотацию**: *тыр вярлакан коряк* «короставник полевой», букв. «трава, крадущая зерно»; *тырă мурё* «дымянка лекарственная», букв. «мор хлебов»; (ср. тур.: *bağboğan* «повилика», букв. «душителъ виноградника»).

В большинстве случаев негативная оценка реалии номинатором передается посредством образного представления, заложенного во внутренней форме наименования: *ана пыйти* (*ана пайти*, *ана пытьти*), *уй пыйти* «липучка репейчатая» или «дурнишник обыкновенный», букв. «вошь пахотного поля» и «вошь поля»; *йытă пырши* (*йыт пырши*, *ййтă пярши*, *ит пырши*, *йыт пурши*) «вьюнок полевой», букв. «собачьи кишки».

В фитонимах рассматриваемого типа оценочные и дескриптивные смыслы (как и отношение номинатора к объекту и свойства последнего) неразрывно связаны:

с одной стороны, появлению в названии липучки (или дурнишника) составного компонента *пыйтă* «вошь» способствовал естественно-биологический признак растения — цепкость мелких плодов, способных благодаря крючковатым шипикам прикрепляться к одежде (мотивация по сходству); аналогично этому семантический перенос *йытă пырши* «собачьи кишки» → *йытă пырши* «вьюнок полевой» обусловлен особенностями строения стебля травы — длинного, тонкого, скрученного, со спиральными полосками;

с другой стороны, компоненты *пыйтă* «вошь», *йытă* «собака (собачий)» в указанных фитонимах не нейтральны, обладают кваликативно-оценочным смыслом. Практически в любое обозначение они привносят оттенок неодобрительности, пренебрежительности (это особенно наглядно проявляется в использовании их в инвективной функции). Сравните, например: *полă* «рыба» — *итă полли* «головастик», *пит* «лицо» — *йăтă пичĕ* «бесстыдник», *пуç* «голова» — *йытă пуçĕ* «название кожной болезни», *çĕмĕрт* «черемуха» — *йыт çĕмĕрчĕ* «крушина», *колă* «смех» — *йытă колли* «посмешище».

В системе обозначений типичных сорняков доминирующее положение занимают фитонимы, включающие в свой состав названия культурных растений.

Структурно-семантическая модель $\Phi_2 = \Phi_1 + \text{курăкĕ}$ (или *ути*, *кĕпçи*), где Φ_1 — название культурного растения, Φ_2 — обозначение травы, является одной из универсальных. Фитонимы, образованные по этой модели, в основном отражают какое-либо сходство обозначаемой травы (независимо от биотопа, места произрастания) с культурным растением. Например: *вир* «просо» — *вир кĕпçи* «кокорыш обыкновенный», *вир курăкĕ* «timoфеевка луговая», «ситник», *вир пуçлă хăмăш* «манник водяной». Использование указанной модели для обозначения сорнополевых трав, надо полагать, было обусловлено и дополнительным обстоятельством — необходимостью отличать всходы сельскохозяйственных культур от их постоянных спутников — специализированных сорняков (т.е. сорных растений, исторически приспособившихся

произрастать среди определенных культур и имеющих ряд сходных с ними внешних признаков). К примеру, амарант отогнутый (ширица) является сорняком пропашных культур, поэтому получил название *кәйшман курәкә*, букв. «трава свеклы (редьки)», а щетинник часто засоряет посевы проса и соответственно во многих говорах обозначается как *вир курәкә*, букв. «трава проса»*.

Наиболее характерный тип обозначений сорнополевых трав — **сочетание названия культурного растения с пейоративным эпитетом**. В качестве отрицательного определения могут выступать:

1) ингерентно-экспрессивные характеризующие знаки типа *анра* «дурной»; ср.: *кәйшман* «свекла», «редька» — *анра кәйшман* (*анәра кәйшман*, *антәра кәйшман*) «редька дикая»; *сарәк* «репа» — *анәра сарәк* (*анра сарәк*, *антра сарәк*, *анрав сарәк*) «сурепица обыкновенная»;

2) слова, совмещающие оценочный смысл с дескриптивным, типа *хура* «черный», «темный»; ср.: *пәрса* «горох» — *хура пәрса* «паслен черный»; *сырла* «ягода» — *хора сырла* «паслен черный» (ср. тур.: *karapađı* «лебеда садовая», букв. «черная свекла»; *karahindiba* «одуванчик лекарственный», букв. «черный цикорий»);

3) нейтральные (идентифицирующие) знаки, сами по себе не являющиеся квалификативно-оценочными, но приобретающие оценочный смысл в конкретном сочетании; к примеру, *вәрәм* «длинный», «высокий» — *вәрәм ясмәк* «астргал нутовый», букв. «длинная (т.е. ненормальная) чечевица» (ср. тур.: *küçükşalgam* «сурепица обыкновенная», букв. «маленькая репа»).

Среди народных терминов указанного типа (оценочное определение + название сельскохозяйственной культуры) особое место занимают фитонимы, образованные с помощью компонента *хир* «поле», «полевой», который в сочетании с названиями культурных растений (а также домашних животных) приобретает семантику «дикий», «ложный»: *сәлә* «овес» — *хир сәлли* «овсюг пустой»; *йәтән*

---

* Ср. научную систематику растений в русском языке: с одной стороны — *повилика хмелевидная*, *посконник коноплевидный*, а с другой — *повилика клеверная*, *заразиха подсолнечниковая*.

«лен» — *xir йётёнё* «льнянка обыкновенная» (ср. тур.: *yaban* «пустыня», «дикий»: *yulaf* «овес» — *yabanyulaf* «овсюг пустой»; *keten* «лен» — *yabanketeni* «посконник коноплевидный») и др.

Для выражения отрицательной оценки в названиях сорных растений наиболее часто используются наименования птиц и домашних животных: *кушак пәрси* «просвирник пренебреженный», букв. «кошачий горох»; *тәрна пәрси* «астрагал нутовый», букв. «журавлиный горох»; *йыт сырли* «паслен черный», букв. «собачья ягода» (ср. тур.: *köreküzümü* «паслен черный», букв. «собачий виноград»; *eşekturpi* «сурепица», букв. «ослиная редька») и т.д. В названиях животных, являющихся компонентами указанных фитонимов (или типологически сходных с указанными), на первый план выдвинуты эмоционально-экспрессивные моменты. С помощью компонентов-зоонимов именуемые сорные растения противопоставляются определенным видам культурных растений, морфологически и (или) биологически сходным с первыми. Семантическое содержание фитонимов типа *йыт сырли* («паслен черный», букв. «собачья ягода») расшифровывается как *йытә симен сырла* «ягода, которую не ест даже собака» («ягода, которая не годится и собаке»)*. В некоторых фитонимах, с учетом экстралингвистических данных, более приемлемым представляется иное толкование семантики: *выльәх тырри* «костер ржаной» (*выльәх* «скот» + *тырә* «зерно») — «зерно, которое годится только скоту» («зерно для скота»).

Вряд ли можно согласиться с утверждениями о том, что определения, образованные от названий животных, в составе подобных фитонимов лишены «всех семантических связей с родственными словами» и «свободно заменяют друг друга» [50, с. 89, 147]. Как показывает анализ, включение того или иного зоонима в состав фитонима, как правило, обусловлено объективными признаками номината

---

* Сходную семантическую структуру имеют лесные кустарники с несъедобными или малоприспособленными в пищу ягодами: *йытә сёмёрчә* (*йытә сырли*) «крушина ольховидная», букв. «собачья черемуха» («собачья ягода»), *упа паланә* «бузина красная», букв. «медвежья калина». Ср. также: *пулә* «рыба» — *йыт пулли* (*йытә пулли*), *ёне пулли* «головастик», букв. «собачья рыба», «коровья рыба».

(именуемого объекта) — чаще всего сходством морфологической части травы с частью тела животного и свойством травы быть кормом (пищей) определенных животных (например, *куккук с̣акри*, *ка̣вакарч̣ан с̣акри* «клевер», букв. «хлеб кукушки», «хлеб голубя»). Имеются и более общие закономерности: название волка *кашк̣ар* используется при номинации ядовитых лесных трав (мотивировано сходством эмоционального восприятия их человеком): *кашк̣ар сырли*, *кашк̣ар тымарё*, *кашк̣ар вути*; название мыши *ш̣айши* (или название ягненка *кизи* в турецком языке) — при номинации небольших трав с мелкими листьями (цветками, плодами): *ш̣айши куршанки*, *ш̣айши вётренё*, *ш̣айши хуххи*; название лягушки *шапа* — при номинации водорослей и трав, растущих около водоемов: *шапа кёпи*, *шапа кур̣акё*, *шапа карри*; название свиньи *сысна* — при номинации мелких трав, растущих на сельских улицах, и рудеральных растений: *сысна вутти*, *сысна куршанакё*, *сысна с̣ар̣акё*. Поэтому компоненты-зоонимы не могут «свободно» заменять друг друга. Об этом дополнительно свидетельствует наличие в диалектном языке синонимичных (дублетных) фитонимов, включающих один и тот же компонент — название определенного животного. Например, для обозначения вида *Malva neglecta* (просвирник пренебреженный) в чувашском языке наряду с *кушак п̣арси* (букв. «кошачий горох») имеются еще фитонимы *кушак ч̣ак̣ачё* (букв. «кошачий сыр»), *кушак сырли кур̣акё* (букв. «трава кошачьей ягоды»), *кушак с̣ар̣акё* (букв. «кошачья репа»), *кушак тупанё* (букв. «кошачья ступня») и др.

Кроме указанных ранее компонентов, для выражения негативной оценки в названиях сорных трав использовались также наименования отрицательных мифологических персонажей — злых духов: *вупк̣ан* (*вопк̣ан*), *вуп̣ар*, *ие*. Например: *вупк̣ан кур̣ак* или *вупк̣ан тымарё* «короставник полевой»; *ие п̣арси* «хатма тюрингенская» (букв. «горох злого духа *ие*»).

Если вхождение оценочных смыслов в содержательный план языковых единиц представить в виде «оценочной структуры» [12, с. 47], то в фитонимах, состоящих из пейоративного эпитета и названия сельскохозяйственной культуры, можно установить следующие элементы

квалификации: объект оценки — сорнополевая трава, основание оценки (норма качества, стандарт) — культурное растение, характер оценки — негативная, а также постулировать субъект оценки (лицо, с позиции которого производилось оценивание) — человек, занимающийся земледелием.

Как известно, отрицательные эмоциональные оценки разнообразнее положительных. На языковом уровне это находит отражение в том, что аллосем пейоративности больше, чем аллосем мелиоративности [см.: 46, с. 49]. И в фитонимах с оценочной структурой негативное отношение номинатора к именуемым объектам проявляется в разной степени. В зависимости от семантики первого компонента (определения, занимающего ту или иную позицию в отрицательной части оценочной шкалы) основная аллосема пейоративности — неодобрение — получает различные оттенки: «ненастоящий», «плохой», «дурной», «опасный» и т.п.

Таким образом, номинативные конструкции рассмотренного типа отражают не только объективные свойства субстанции, но и отношение к ней со стороны субъекта. Предметно-логическое содержание и пейоративно-оценочная коннотация в них представляют собой сложное единство с подвижной, изменчивой корреляцией.

4. Системные связи и изменения в лексике флоры

Одним из существенных отличий диалектных названий трав от соответствующих научных ботанических терминов является отсутствие однозначности. В народной номенклатуре растений очень часто несколько самостоятельных видов, принадлежащих к одному биологическому роду, или все его представители, произрастающие в данной местности, имеют одно или два-три общих названия. Это характерно для колокольчиков, лютиков, подмаренников и многих других родов травянистых растений.

Как уже отмечалось, своеобразное родо-видовое различие проявляется и в бытовой номинации. Но оно, естественно, ничего общего не имеет с родо-видовым делением, принятым в научной систематике растений. Возможны лишь единичные, случайные совпадения. Ср., например:

вёлтёрен «крапива двудомная» — *сухър(лă) вёлтёрен* «крапива жгучая»; *суккър вёлтёрен* «яснотка белая»;

эрём (шур эрём) «полынь горькая» — *хура эрём* «полынь чернобыльник»; *тутлă эрём* «герань»;

хурах «лопух» — *ама хурахё* «мать-и-мачеха», *шив хурахё* «кубышка желтая».

Недифференцированность диалектных названий не ограничивается рамками биологического рода, нередко один фитоним используется для обозначения целой группы растений одного или реже нескольких семейств. Такое явление в народной номенклатуре растений вызвано, с одной стороны, неразличением номинатором самих реалий из-за большого внешнего сходства, неосознанным объединением их в одно понятие, а с другой — сознательным обобщением реалий, имеющих сходства в релятивных или квалификативных признаках, переносом наименования с одного растения на другое. Кроме того, нужно иметь в виду и то, что названия появлялись независимо друг от друга в разных местах: одни и те же мотивы, структурно-семантические модели использовались для номинации различных растений, обладающих аналогичным признаком. С этим связана неоднозначность народных названий растений в плане лингвогеографическом, наличие омонимичных фитонимов в говорах и диалектах. Так, например, «чайной травой» (*чей курăкё*) носители низового диалекта называют «зверобой», «мяту», «душицу»; «черной ягодой» (*хура сырла*) именуют чернику, а в некоторых местах так обозначают ежевику (в среднем и верховом диалектах *хура сырла* встречается и в значении «паслен черный»). А *кăвак сырла* (букв. «голубая ягода») может относиться не только к голубике, но и к ежевике. За наименованием *сырлан* (букв. «цепляющийся») иногда «скрываются» травы различных свойств: подмаренник цепкий (лепчица), растение с цепкими плодами липучка ежевидная и паразитный сорняк повилика. Фитоним *сётлё курăк* (букв. «молочная трава») в некоторых говорах обозначает лакомую для животных траву осот полевой (желтый), а в других — ядовитые растения рода молочай, отравление которыми опасно для жизни животных.

Наряду с недифференцированностью (семантической неустойчивостью) и омонимией диалектной номенклатуре

трав присуща синонимичность (**дублетность**) и **многовариантность наименований** — наличие нескольких означающих для одного означаемого. Лексическая дублетность проявляется прежде всего в частной диалектной системе (в говоре), на уровне диалекта она смешивается с территориальной вариантностью.

Дублетность в основном бывает трех типов:

1. Параллельное использование фитонимов, мотивированных различными признаками.

Некоторые травы обозначаются двумя или тремя названиями, различающимися по характеру признака, взятого за основу номинации. Члены дублетного ряда могут фиксировать и однотипные признаки, но чаще всего они объединяют естественно-биологическую черту растения с его утилитарным признаком. Ср.:

чакър курăкĕ и *шăлан курăкĕ* «хвощ болотный» (Ст.Чекурское);

сар чечек и *чăпăл курăкĕ* «купальница европейская» (Бал.-Баишево);

чей курăкĕ и *сар сип ути* «зверобой продырявленный» (Первомайское, Сабанчино);

куç курăкĕ, *чикен курăкĕ*, *чикенек* и *тўлеме курăкĕ* «синеголовник плосколистный» (Раково, Кайсарово);

пилеш курăкĕ и *хăнкăла курăкĕ* «пижма обыкновенная» (Сабанчино).

Количество членов в синонимичном ряду фитонимов может быть довольно большим. Вот, к примеру, диалектные названия одного растения — травы просвирник:

кушак пăрси // *кошак пăрси* (верх.: Бобылькасы, Сехры, Ятманкино, Б.Татаркасы, Якейкино, Хирлукасы; сред., сред.-низ.: Октябрьское, Систеби, Козыльяры, Амалыково; тат.: Альшеево, Раково), букв. «кошачий горох»;

кушак сырли курăкĕ (Н.Кармалы), букв. «трава кошачьей ягоды»;

кушак чăкăчĕ (сред.-низ.: Ньюшкасы, А.-Ахпердино, Н.Абакасы; башк. г.: Зириклы, Слакбаш), букв. «кошачий сырок»;

чăкăт (сред.-низ.: Санарпоси, Ср.Татмыши), букв. «сырок»;

чйкйт курйкё, чйкйт корйк (верх.: Ахманеи, Алманчино; сред.: Поваркасы, Янгорчино, Яндоба, Имелево; низ.: Х.-Батырево, Нюргечи, Сабанчино, Н.Турмышево), букв. «травасырок»;

кушак тупанё, кушак матти (сред.: Ст.Тюрлема), букв. «кошачья ступня», «кошачье яичко»;

мйнни-мйнни (низ.: Асаново), ономатопоэтическое название;

пашалу (сред.: Ускасы), *пашалу корйкё* (верх.: Хыркасы), букв. «лепешка»;

сысна пашалу (верх.: Ольдеево), букв. «свиная лепешка»;

йыт пашалу (верх.: Л.Туваны), букв. «собачья лепешка».

2. Использование «чередующихся» названий.

Внешний вид, свойства растения в зависимости от вегетационного периода значительно меняются. Поэтому неудивительно, что одно и то же растение в начале лета носит одно название, а в конце — другое (ср. возрастные названия животных: коровы, лошади и т.п.). Например:

серси кёпси и *калемпёр, калёмпёр* (после созревания семян) «тмин обыкновенный» (Кайсарово, К.-Новотимбаево, Ст.Дуваново, Н.Изамбаево) — верх.: *кушак кёпси* и *энёс, енёс* (Челкасы А., Сятраево, Чураккасы, Б.Карачкино) «тмин»;

хупах и *куршанак* (после появления цветочных головок с шипами) «лопух, репейник» (Н.Кармалы, Альшеево, Лаш-Таяба, Сабанчино, Асаново) или *упа хупахё* и *куршанак* «лопух, репейник» (Бал.-Байшево) — верх.: *хупах* и *куршанкй* (*хупах* и *куршанак*) «лопух» (Б.Яуши, Молгачкасы, Шобашкаркасы);

кйвакал туни и *чйрайш курйкё* (после появления стерильных побегов — ветвистых бесплодных стеблей) «хвощ» (Кайсарово, Ср.Тимерсяны, Ст.Чекурское) — верх.: *пакша корйкё, вакша хури* и *чйрайш тйрри, хыр корйк* «хвощ полевой».

Изменчивые признаки растения, соответствующие определенным периодам вегетации, отражены также в «чередующихся» названиях одуванчика, щавеля кислого (обыкновенного) и др.

3. Параллельное существование названия автохтонного характера и заимствования из русского (или из татарского) языка:

чей курякё и *матрушке* (ср.: рус. диал. *маткина душка* «фиалка душистая», *материнка* «душица») «душица обыкновенная»;

сар сип ути и *матрушке* (*сар матрушке*) «зверобой»;
ухмах курякё и *тилпёрен* (ср.: тат. *тилб* $\begin{smallmatrix} \text{р} \\ \text{н} \end{smallmatrix}$, *тилб* $\begin{smallmatrix} \text{л} \\ \text{н} \end{smallmatrix}$ «белена») «белена черная»;

ниш курякё (*чакак курякё*) и *лантайш* «ландыш майский».

Это явление заметно усилилось в последние десятилетия. Появились новые дублетные ряды: *шанкарав курякё* и *колокольчик*, *кукша пус* и *одуванчик*, *салтак тумми* и *ромашка* («пупавка красивая»), *пётнёк* и *мяттә*, *сар сип ути* и *сверапуй*... В речи людей молодого поколения традиционные названия многих цветковых растений заменяются русскими обозначениями.

Значительная часть народной флористической лексики, к сожалению, практически уже вышла из употребления и перешла в разряд архаизмов.

Глава IV

НАЗВАНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЧАСТЕЙ, ЭТАПОВ РОСТА И ПРОЦЕССОВ ОНТОГЕНЕЗА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

Объясняя психологические основы функционирования языка, один из русских языковедов прошлого столетия М.А.Тулов справедливо заметил: «Слова суть названия предметов, или правильнее — названия не предметов, а наших представлений о предметах»* [80, с. 193]. Со временем представление человека о той или иной субстанции может существенно меняться, но название, основанное на нем, продолжает выполнять свою основную функцию.

Универсальным представлением древнего земледельца было оживотворение растений — по аналогии с самим собой и своей собственной жизнью. Исследователи отмечают, что «ассоциация женщины (...) с растением, дающим плоды, была столь же естественна для древних земледельцев, как семантическое сближение образа женщины и земли» [2, с. 140]. Конкретные воплощения этого представления были многообразными, что нашло отражение в фольклоре, в обрядах и, естественно, не могло не коснуться терминологии, харак-теризующей строение и жизнедеятельность культурных растений.

Представления о единстве, своего рода родственности растений с людьми явились логической основой переноса наименований, передающих особенности облика, состояния и поведения человека на растения, которые им возделывались. Эти названия, закрепившись в народной агроботанической

---

* Ср.: у В.Гумбольдта «...Слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, но пониманием его, закрепляемым в языке посредством найденного для него слова» [16, с. 84—85]; у А.Ф.Потта: «Название — это не самый предмет, но лишь представление о нем, которое создавалось в момент его названия, — представление, по правде сказать, не всегда удачное» [Цит. по: 55, с. 71].

терминологии, в определенной степени предопределили характер ее дальнейшего развития.

Большинство обозначений морфологических частей сельскохозяйственных культур, употребительных в чувашских диалектах, восходит к соматической лексике:

пуç, поç «голова» — *купăста пуçĕ // копăста пуçĕ // копăста поç* (М.Четай, Ахманей, Сормвары; Карабаши, Еметкино, Булатово, Ср.Кибечи; Яншихово) «кочан капусты»;

— *сухан пуçĕ* «головка лука (луковица)», *пуçлă сухан* «репчатый лук» (Калмыково; Турмыши; Яншихово; Йоково, Рунга);

— *хĕвел çавнăш пуçĕ* (Альшеево), *хĕвел çамăш пуçĕ* (Ср.Тимерсяны) «корзинка подсолнечника»;

— *тырă пуçĕ* «колос»: *ыраш пуçĕ* (Калмыково; Еметкино, Яншихово, Ч.Менча) «колос ржи»;

— *вир пуç* (Якейкино) «колосок проса»; *кантăр пуçĕ* (Калмыково, Ахманей) «метелка конопли»;

— *куккурус пуçĕ* (Яншихово) «початок кукурузы»; ср.: *куккурус початки* (Булатово);

хăлха, хулха «уши» — *хăяр хăлхи* (Алманчино; Еметкино, Пиндиково, Булатово, Б.Чаки; Яншихово) *хăяр хулхи* (Ст. Янситово) «первые парные листья огурцов»;

куç «глаз, глаза» — *çĕр улми куçĕ // улма куçĕ // çĕрми куçĕ // паранкă куçĕ* (Ахманей, Сормвары, Алманчино; Карабаши, Н.Яхакасы, Б.Чаки, Турмыши; Йоково, Ст.Алгаши) «глазок клубня»;

сăмса «нос» — *улма сăмси // паранкă сăмси* (Калмыково; Карабаши; Яншихово) «картофельный росток»; ср.: *вăрă сăмси* «росток семени»;

шăл «зуб, зубы» — *ыхра шăлĕ* (Н.Яхакасы), *хăра шăлĕ* (Ахманей), *чеснук шăлĕ* (Ст.Алгаши) «долька чеснока»; ср.: *шăл охра* (М.Карачкино) «дикий лук»;

— *сохан шăлĕ* (Калмыково) «долька луковицы», (В.Олгаши) «луковица»;

сухал «борода» — *улма сухалĕ* (Ст.Тюрлема) «мочка яблока»;

— *сухал* (Яншихово) «мочковатый корень»;

пŭ «туловище» — *ыраш пŭ* (Ч.Менча; Антоновка) «стебель ржи»; ср.: *вĕрене пĕвĕ* [7, X, с. 71] «ствол клена».

Если исходить из того, что полисемия слов находится «в прямой зависимости от воззрения людей, говорящих на данном языке, от их понимания окружающей природы» и на смену «разбросанной» полисемии старого языка приходит более «собранный» полисемия нового языка [10, с. 42—43, 60], то естественно предположить, что комбинации типа «часть человеческого тела» — «морфологическая часть растения» в зависимости от времени возникновения имеют и принципиально различное происхождение.

К примеру, в слове *сухал* значениями «борода», «мочка яблока» вторичным, семантически производным несомненно является «ботаническое» значение, зафиксированное лишь в отдельных говорах. В отличие от *сухал*, в междиалектных словах *туна* со значениями «голень», «стебель, ствол» (ср.: аз. *саг* «ствол» < иран. *сак* «голень»; узб., кирг. *пайа* «стебель» < иран. *пай* «нога»; фр. *piéd* «нога», «лапа», «стебель») и *тымар* со значениями «жила», «корень» установить направление мотивации уже довольно сложно. В современном языке в качестве основных воспринимаются у них «ботанические» значения. Это, разумеется, не может быть свидетельством переноса наименования с морфологических частей растений на части человеческого тела, поскольку в ходе исторического развития языка и периферийное значение слова может выдвинуться вперед и занять место основного. Не исключено, что значения «корень» и «кровеносный сосуд, жила» у слова *тымар*, как и приведенные выше значения слова *туна*, появились вследствие расчленения единого в прошлом широкого значения.

В большинстве случаев последовательность перехода «часть человеческого тела» → «часть растения» не вызывает сомнений и подтверждается данными как языкового, так и экстралингвистического характера.

Типичное обозначение морфологической части сельскохозяйственной культуры — составное наименование, представляющее собой сочетание соматического термина с названием растения, ср.: *купаста пуçё* «кочан» (букв. «голова капусты»), *ыраш пуçё* «колос ржи», *хйра пуçё* «головка чеснока», *кантйр пуç* «метелка конопли» и т.п. В русском языке название, возникшее в результате семантического переноса, обычно закрепляется с уменьшительным суффиксом: *глазок клубня*, *головка лука* и т.д. А в чувашском языке можно

найти лишь единичные примеры, когда раздельное существование наименования с анатомическим значением и народного ботанического термина подкрепляется формальными средствами или фонетическими изменениями:

пуҫ, поҫ «голова» — *пуҫах* (тат. г.: Н.Узеево, Ст.Чекурское, Ч.Бюрганы; пенз. г.: Неверкино, К.Овраг, Ст.Андреевка; самар. г.: М.Ибряйкино), *поҫах* (М.Карачкино); ср.: *пучах // почах* (верх.: М.Шемердяны, Ахманей, Сормвары, Алманчино; сред.: Карабаши, Пиндиково, Б.Чаки, Булатово; низ.: А.-Ахпердино, Яншихово; татар. г.: Иоково, Ивашкино; пенз.г.: И.-Гора; оренб.г.: Н.Курмей); *пычах* (Кораккасы; 7, IX, с. 198) «колос»;

карланкӑ «глотка, горло» — *карланкӑ* (Малячкино; 7, IV, с. 82), *мырьӑ карланки* (М.Карачкино; 7, VI, с. 99) «гранка орехов», но: *мырьӑ корланки, мӑйӑр корланки* (Б.Карачкино, Ахманей, Ишаки; Шоркино, Чертаганы), *курланкӑ* (Именево; Ивашкино; Ч.Карамалы, Ч.Нагадак), *хурланкӑ* (Юмашево) «гранка орехов»;

ҫупкам, ҫупкӑ, ҫопкӑ «ладонь» — *ҫупкам* [7, XII, с. 249], *сырла ҫопки* (Иоково) «кисть ягод, гроздь», но: *ҫупкӑм* (Байгулово; В.Буяново; Ст.Алгаши), *ҫупкӑн* (Еметкино; Альшеево), *ҫопкӑн* (Казанла, Хомутерь) «кисть ягод, гроздь».

Хотя соматический термин и образованное от него название морфологической части растения, как правило, имеют идентичную внешнюю структуру, фактически они представляют собой два самостоятельных слова, отличающихся степенью распространенности в диалектном языке и словообразовательными возможностями. К примеру, семантические дериваты *пуҫ* «коробочка мака», «головка лука», *сӑмса* «росток», *хӑлха* «первая пара листьев огурца, тыквы» и др., в отличие от соответствующих опорных названий *пуҫ* «голова», *сӑмса* «нос», *хӑлха* «уши», присоединяют деривационный суффикс *-лан*:

пуҫлан «образовать коробочку (о маке)», «образовать луковицу»;

сӑмсалан «прорасти, пускать ростки (о картофеле, зерне, семенах)»;

хӑлхалан «распустить первую пару семенных листочков (об огурцах, тыкве)».

Морфологические дериваты с *-лан*, как видно из приведенных примеров, используются для обозначения этапов (процессов) роста и развития сельскохозяйственных культур.

Деривационный аффикс *-лӑ* могут присоединять названия обоих рядов: как мотивирующего, так и семантически производного. Определительные слова *пуслӑ*, *шӑллӑ*, образованные от агроботанических названий *пуç* «кочан (вилок)», «головка лука» и *шӑл* «долька луковицы, чеснока» служат для выделения сортов, фаз развития сельскохозяйственных растений: *пуслӑ копӑста* «кочанная капуста», *пуслӑ сохан* «репчатый лук»; *шӑллӑ сухан* «дольчатый лук». В отличие от них морфологические дериваты *пуслӑ*, *шӑллӑ*, восходящие к анатомическим терминам *пуç* «голова», *шӑл* «зубы», в прямом значении не употребляются автономно, выполняют свою атрибутивную функцию только в сочетании с другими — конкретизирующими — определениями: *пысӑк пуслӑ* «большеголовый», *кукша пуслӑ* «лысоголовый, лысый», *сайра шӑллӑ* «редкозубый».

Агроботанический термин, образованный от соматического термина или другого аналогичного названия, отличается от него не только словообразовательными возможностями, но и некоторыми собственно грамматическими показателями (например, частотными характеристиками отдельных падежных форм), не говоря уже о лексической сочетаемости, или валентности [19, с. 124].

В отличие от других предметов, связанных с земледелием, сельскохозяйственные культуры наделены номинатором не частными признаками человека, а целым комплексом признаков и свойств, передающих одушевленный, антропоморфический облик возделываемых им растений:

ама, **амӑшӗ** «мать» — *ыраш амӑшӗ* (Н.Карамалы) «спорынья (на ржи)»;

ача «дитя, ребенок» — *ача: ачаллӑ улма* (Богдашкино У.) «картофелина с молодыми клубнями»;

папак, **папакка** «новорожденный ребенок» — *папак* «росток, почка»: *хӑяр папакки* (М.Карачкино, Ст.Тюрлема), *купӑста папаки* (Янтиково Яльч. р.) «росток огурца, капусты»; *копӑста папакки* (Ст.Тюрлема) «прирост на кочерыжке капусты»;

ср.: *папкалан* «окрепнуть (о новорожденном)» — *папкалан* «прорасти (о семенах)»: *хяяр папкаланнй* (Н.Карамалы); *папкалан* «распускаться (о почках)»: *вернй папкалана пусларё* (Ср.Тимерсяны);

авлантар «женить» — *авлантар* (Николаевка, Н.Эштебенькино [см.: 7, I, с. 57—58; 63, с. 9] «прививать яблоню»;

юн тымарлй «с кровеносным сосудом» — *юн тымарлй* (о фазе развития ржи, пшеницы, когда стебли растения имеют красноватые жилки): *юн тымарла выр* (Ст.Чекурское, Н.Курмей); *тырй юн тымарланнй* (Ст.Алгаши, Кирюшкино); *тырй йон тымарланнй* (Систеби);

тутй, тотй «сытый» — *тотй тёшё* (Иоково), *тотй пёрчё* (Систеби) «налитое зерно», *тутй пучах* (Ивашкино) «полновесный колос»;

ср.: *парка* «здоровый, упитанный, крепкий» — *парка* «тучный, густой (о хлебах, всходах)»: *тырй парка шйтрё* (Н.Изамбаево), *сёлё парка ситёнет* (Ишаки), *уёйм парка ўсет* (Ст.Чекурское);

вилё «мертвый» — *вил кёлте* [7, V, с. 228] «обмолоченный сноп»;

ёнтёрке «зябнуть, коченеть» — *ёнтёрке* «перезреть (об ячмени, овсе, полбе)»: *орна, сёлё, пйри ёнтёркеёсё* (Якейкино);

ўсёрёл «пьянеть» — *ўсёрёл* «перестоять на корню (о хлебах)»: *урна ўсёрёлнё* «зерна ячменя осыпаются» (Торопкасы).

Как отметил в свое время М.М.Покровский, «человеческая фантазия весьма часто не столько творит, сколько идет готовым, раз уже намеченным путем... Раз в языке установилось... общее сравнение, то оно впоследствии может распространяться и на частные подробности сравниваемых предметов» [56, с. 28]. Ассоциация частей человеческого тела с морфологическими частями растений психологически обусловила использование названий кожных болезней для обозначения болезней растений:

кёсен «короста», «болячка» — *паранкй кёсенё* (Систеби) «парша картофеля»;

шатра «оспа», «сыпь» — *улма шатри* (Ходары) «парша яблока»;

шатрашка «прыщ», «угорь» — *улма йывйёс шатрашки* [см.: 7, XVII, с. 150] «парша яблони»;

шатраллă «рябой (от оспы)», «угреватый» — *шатраллă олма* (Б.Карачкино), *шатрашкаллă пан улми* (Карабаши) «яблоко с пятнами, пораженное паршой»;

мăршак «шишка», «бугор» (*мăршаклан* «покрыться шишками», «повредиться») — *мăршакланнă олма* «яблоко с пятнами»;

пата «шишка», «надлом», «рана» — *пата, патав* «гниль (парша) огурца»: *паталлă хăяр* (Калмыково; Орнары), *патавлă хăяр* (Орауши) «огурцы с пятнами (гнилью)»; ср.: *паталлă йăвăç* (Якейкино) «поврежденное дерево»;

çăпан «фурункул», «нарыв» — *купăста çăпанĕ* (Иоково) «кила капусты», *паранкă çăпанĕ* (Ивашкино) «рак картофеля»; ср.: *йăвăç çăпанĕ* (Н.Карамалы) «нарост на дереве»;

кукша «плешь», «лысина» — *кукша* «мучнистая роса»: *кокшаллă паранкă* (В.Олгаши) «картофель (клубень), пораженный черной ножкой»; *кукшаллă улма* (Н.Карамалы) «картофель, пораженный паршой»; *кукшаллă хăяр* (Б.Крышки) «огурец с пятнами, плешинами»; ср. также: *хуйăр // хойăр* (Калмыково, Яргунькино; Абызово, Систеби, Ст.Тюрлема; Сунчелеево) «верхний слой старой коры» и *хуйăр // хойăр* «струп, струпья».

Осваивая земледелие, «приручая» растения, человек опирался на предшествующий опыт — опыт охотника и скотовода. Поэтому неудивительно, что «у всех народов очень распространено сопоставление явлений мира растительного с явлениями мира животного» [56, с. 74]. Среди чувашских диалектных обозначений морфологических частей культурных растений значительное место занимают названия, семантически производные от наименований частей тела животных:

сунат // сонат «крыло» — *купăста сонатти, купăста суначĕ* (В.Панклеи, Ахманеи, Алманчино; Еметкино, Булатово, Б.Чаки; Н.Курмей) «первые листья капусты»;

мăйрака «рог(а)» — *сĕмĕрт мăйраки* (Систеби) «стручок черемухи (уродливое разрастание завязи, пораженной заморозками)»;

аш «мясо» — *улма ашĕ* (Ст.Тюрлема) «мякоть яблока»;

шăмă, шăнă «кость» — *улма шăмми* (Ст.Тюрлема) «сердцевина, твердые перегородки яблока»;

— *кантăр шăнни* (Н.Олгаши), *кантăр шăмми* (Н.Изамбаево) «костра»;

пакарта «потроха, внутренность животных» — *кавѣн пакарти* (Ст.Тюрлема) «сердцевина тыквы»;

хўре «хвост» — *кишёр хўри* (Турмыши) «кончик корнеплода моркови» и др.

Как было отмечено выше, в появлении и закреплении в языке структурно-семантической модели «часть тела животного» → «морфологическая часть растения» значительную роль сыграли экстралингвистические факторы: 1) объективные свойства растений, обладающих некоторыми свойствами живых организмов; 2) определенный характер восприятия мира, устойчивые аниматические представления земледельца.

Между стадиями развития мышления или языка нет четких границ. Такие типы мышления, как мифологический (образный) и рациональный (абстрактно-логический), «представляют и стадияльное, и универсальное явление. На ранних стадиях развития человечества преобладало образное мышление, но в нем самом в особых формах проявились элементы логики. В современном сознании картина обратная, оно в значительной степени абстрактно, но образный подход продолжает сохраняться в нем, воплощаясь, в частности, ...в так называемом обыденном сознании»* [2, с. 30].

Поскольку поздние ассоциативные связи наслаиваются на древнейшие, в современном диалектном языке трудно отделить названия, образованные под влиянием отработанных в языке семантических моделей на основе сознательного сопоставления разнородных предметов, от наименований, возникших как непосредственное выражение аниматических или антропоморфических представлений (составлявших в свое время реальный аспект мыслительного процесса). Однако с уверенностью можно сказать, что т.н. «метафоры-бинармы» являются довольно поздними (новыми) терминами:

упа сёлеки «медвежья слюна» — *упа сёлеки* (Ст.Тюрлема) «слизь на растениях (между стеблем и листом)»;

йыт чёччи «собачий сосок» — *йыт чёччи* (Шербаша), *ййт чёччи* [7, V, с. 100] «стручок черемухи»;

---

* Ср. у Б.А.Серебрянникова: «Более архаический тип мышления, например, мышление практическое или производственное, по мере своего развития не исчезает, а дополняется различными новыми, более сложными типами мышления» [65, с. 175].

йыт(ă) ури «собачья лапа» — *йыт ури* (Абашево) «форма капусты».

Абстрагирующая деятельность человеческого ума позволила использовать названия частей тела животных и при номинации частей таких предметов, которые в отличие от растений не обладают свойствами живых организмов: *сухапуç майраки* «ручки сохи», букв. «рога сохи» (ср.: молд. *коарне* «рога» и «ручки плуга, наконечников мотовила и др.»); *тырă хури* (Систеби, Ст.Чекурское) «отход при молотье, веянии», букв. «хвост зерна» (ср.: рус. *охвостье*, *охоботье* и тат. *койрык* «остатки от первичной очистки зерна веянием»).

Если сравнить два семантических деривата *сунат* «семенной лист огурцов (тыквы)» и *сунат* «отвал плуга», производные от *сунат* «крыло, крылья», то видно, что оснований для первого переноса было значительно больше: первые семенные листочки огурцов и тыквы расположены симметрично друг к другу и, подобно крылышкам птенца, способны расти.

Эти же внеязыковые моменты (экстралингвистические факторы), а также наличие в языке апробированной обществом и длительно бытующей семантической модели «часть тела животного» → «морфологическая часть растения» обусловили позднее применение названия крыльев птицы (крылышек птенца) для обозначения первой пары молодых листьев капустной рассады. После того, как новое значение закрепилось в языке, семантический дериват *сунат* потерял непосредственную смысловую связь с опорным наименованием и получил относительную свободу словесных связей и расширения своего смыслового содержания. Поэтому стали возможными не только сочетания типа *суната лар* (*ик суната лар*) «распустить листья, образовать первую пару семенных листочков», но и сочетания типа *виç суната лар* (ср.: *виç хăлхалан*) «распустить три листочка» (букв. «распустить три крыла»): *купăста виçе суната ларсан, йна кусарса лартма юрать* «если у капусты появятся три листочка (= крылышка), ее можно пересадить». Хотя употребление названия *сунат* «пара листьев, появившаяся из семени капусты», в таком контексте противоречило образу, положенному в основу наименования, тем не менее оно было санкционировано языковым узусом. Таким образом, объем значения данного термина расширился от

«первая пара семенных листочков капусты» до «первые молодые листья» и «нижние листья капусты (не входящие в кочан)». А в некоторых современных говорах сочетание *купӑста суначӑ* уже употребляется как абсолютный синоним названия *купӑста сулси* «капустный лист».

«Анимализация» растений проявляется не только в перенесении названий частей человеческого тела в агроботаническую терминологию, но и в переносе сюда обозначений, связанных с поло-возрастной характеристикой животных*;

йӑва «гнездо» — *купӑста йӑви* (Н.Изамбаево, Байдеряково; Ст.Сахча; Егоркино; В.Курмей); *рассата йӑви* (Ивашкино) «рассадник»;

сура, сурӑ, сӑвӑр «детеныш», «птенец» — *сурӑ: сурӑллӑ паранкӑ* (Сятраево) «картофелина с молодыми клубнями»;

чӑпӑ «птенец», «детеныш» — *чӑпӑллӑ паранк* (Ст.Янситово), *чӑпӑллӑ сӑрми* (Бишево) «картофелина с молодыми клубнями»;

аҫа «самец» — *аҫа кишӑр* (Орауши) «разновидность моркови», *аҫа кӑшман* (Ч.Черепаново) «разновидность редьки»;

ама «самка» — *ама кишӑр* (Орауши; Ст.Чекурское; Ср.Тимерсяны) «разновидность моркови», *ама кӑшман* (Ч.Черепаново) «разновидность редьки»;

ср.: *кӑчӑк* «щенок» — *кӑчӑк, кӑч(ӑ)кӑ* «почка, росток» (кирг. *кӑчӑк* «щенок», «почка растения»).

Рассматриваемая тематическая подгруппа терминов включает также названия, семантически производные от названий деталей одежды, женских украшений, бытовых предметов, и составные наименования, состоящие из обозначения сельскохозяйственной культуры и компонента с общеботаническим значением типа *сулсӑ* «лист», *чечек* «цветок» и т.п.

Нередко от двух до пяти—шести названий имеют в диалектном языке одну дефиницию, соотносятся с одним и тем же понятием:

---

* Ср.: термины поло-возрастной классификации животных использованы также в номинации частей старинного плуга сабана: *ама турат* «правая ручка», букв. «ветка-самка»; *сӑвӑр (сурӑ)* «часть плуга у левой ручки», букв. «детеныш».

1) «усики огурцов»;

çип «нитка» — *хӳяр çиппи* (Чертаганы, А.-Базары, Н.Яхакасы; А.-Ахпердино, М.Таяба; Н.Курмей);

ука «канитель» — *хӳяр уки* (тат. г.: Альшеево, Пр.-Каша);

йӳп «игла» — *хӳяр йӳппи* (Ст.Тюрлема);

сӳрка «нагрудное женское украшение» — *хӳяр сӳрки* (Н.Изамбаево);

2) «стрелка лука (стебель с семенной головкой)»;

сохан пуши // *сухан пуши* (В.Олгаши, Якейкино; Булатово; Б.Крышки, Н.Карамалы), *сухан пӳвши* (П.Яндоуши);

сохан пушиши // *сухан пушиши* (Б.Карачкино; Систеби);

сохан пырши (Калмыково);

сухан кӳпçi (Рунга; Кирюшкино);

3) «стебель хмеля»:

хӳмла потранки (М.Карачкино, Ахманеи, Рыкакасы);

хӳмла аври (А.-Базары, Карабаши);

хӳмла шӳнӳрӳ (Калмантай);

4) «кисть шишек хмеля»:

хӳмла сапанки (Богдашкино; Н.Узеево); *хӳмла сапаки* (Карабаши);

хӳмла курланки (Именево);

хӳмла ярапи (А.-Базары);

5) «кисть ягод, черешок с ягодами»:

сапак (Ишаки; Ивашкино; Н.Кармалы), *сапака* (Акулево, В.Карачуры, Сормвары; Систеби, Карабаши, Орауши; Ч.Карамалы, Тряпино);

топка, топкӳ (В.Олгаши, Н.Олгаши, Ахманеи), *топак* (Якейкино);

çупкӳм (М.Кибечи; В.Буяново; Ст.Алгаши), *çырла çопки* (Иоково);

карланкӳ (М.Карачкино);

6) «стручок (уродливое разрастание завязи) черемухи»:

çёмӳрт хутаççi (Шоркино), букв. «мешочек черемухи»;

çёмӳрт мӳйраки (Систеби), букв. «рожок черемухи»;

çёмӳрт шӳнни (Ст.Алгаши), букв. «кость черемухи»;

йӳт чӳччи (Шербашаи), букв. «собачий сосок»;

кукӳль (Калмыково), букв. «пирожок»;

7) «картофельная ботва»:

омма сӳски (М.Четаи, Сӳткасы, Завражное, Тиханкино), *сӳр улми сӳски* (Абызово), *умма сӳски, ума сӳски* (В.Карачуры,

Сормвары; Туваны), *паранкӑ сӗски* (Б.Карачкино, Ахманеи, Тораево);

паранкӑ аври, паранк аври (Еметкино, Буинск; Иоково; Три Ключа), *сӗр улми аври* (Карабаши, Булатово), *улма аври* (Орбаши; Эмметево; М.Менеуз, Ч.Карамалы; Артамоновка), *картух аври* (Б.-Солонец);

картухха туни, картухха тони (сарат. г.: Калмантай, Шняево; пензен. г.: И.-Гора, Ст.Андреевка);

карттох хӑмӑлӑ (Казанла);

8) «ягоды (семя) картофеля на ботве»:

паранк улми (Еметкино, Янтиково; Ч.Черепаново), *паранкӑ олми* (Иоково), *паранкӑ омли* (Калмыково), *сӗрулми улми* (Н.Изамбаево), букв. «яблоки картофеля»;

улма тӑрри (башк. г.: Теняево, М.Менеуз), букв. «вершки картофеля»;

улма шӑрси (Н.Курмей), букв. «бусы картофеля»;

паранкӑ алки (К.-Новотимбаево), букв. «сережки картофеля»;

9) «росток на клубнях картофеля»:

сӗр улми сӑмси (Булатово);

улма калчи (Н.Яхакасы);

10) «стручок гороха»:

пӑрса хотаҫси (Ахманеи; Систеби); *пӑрса хотаҫӗ, пӑрса хутаҫӗ* (Иоково; Рунга);

пӑрса сапакки (Ст.Тюрлема; Ст.Бурундуки);

11) «кисть, метелка овса»:

сӗлӗ почаххи (Якейкино);

сӗлӗ мелки (Мусирмы);

сӗлӗ шерепи (А.-Базары; Ст.Дуваново);

12) «лепестки подсолнуха»:

хӗвел ҫаврӑнӑш сӗски (Н.Кармалы);

хӗвел ҫавнӑш чечекӗ (Систеби);

хӗел ҫарӑм сарри (В.Олгаши);

13) «черешок яблока»:

панулми тӑпси (Турмыши);

омла арри (Калмыково);

улма сапакки (Ср.Тимерсяны);

улма патакки (Ст.Алгаши).

Видимо, часть терминов, которые современными диалектоносителями воспринимаются как дублеты, еще в

недавнем прошлом служили целям детализации и специализации. Сказанное прежде всего касается обозначений фаз развития злаков: произрастания, кущения, входа в трубку, колошения, молочной зрелости зерна, восковой зрелости и т.д., а также названий, передающих изменение формы морфологических частей сельскохозяйственных культур в процессе их развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа была посвящена исследованию ономазиологической структуры и пространственного размещения чувашской народной агроботанической терминологии. Смеем надеяться, что приведенные в работе данные дополняют и конкретизируют то представление о земледельческой и флористической лексике, которое можно составить по «Словарю чувашского языка» Н.И.Ашмарина, «Диалектологическому словарю» Л.П.Сергеева и материалам по чувашской диалектологии.

Как показывает анализ, агроботаническая терминология чувашского народа — явление многослойное, включающее номинативные единицы различных исторических эпох. Древние культурные слова и общетюркские термины соседствуют здесь с названиями, составляющими специфику лингвистического ландшафта Волго-Камского региона, чувашского языка в целом, диалектов, группы говоров или частной диалектной системы.

В отличие от терминов животноводства, в чувашской земледельческой лексике прямых параллелей с общетюркскими словами значительно меньше. К определенной части первообразных названий, не имеющей этимологических соответствий в других тюркских языках, параллели можно найти в финно-угорских языках, а иногда и в кавказских.

Наряду с номинативными знаками с утраченной мотивацией в агроботанической терминологии представлен широкий спектр названий с актуальной внутренней формой. Доля морфологически производных терминов в ней невелика. Аффиксальный способ номинации, судя по собранному материалу, более активно использовался при обозначении земледельческих операций (процессов, действий), вспомогательных орудий, земельных мер.

Составные наименования в рассматриваемой тематической группе не только обладают самостоятельной номинативной значимостью, но и являются продуктивным типом

ономасиологических единиц. Они широко используются для дифференциации и специализации понятий и являются обозначениями с наиболее четко выраженной мотивированностью. Путем деривационного сочетания слов образованы обозначения разновидностей почв, бóльшая часть названий сорнополевых трав, садовых культур, процессов онтогенеза культурных растений. Для номенклатуры типичных сорнополевых растений наиболее характерны составные наименования, представляющие собой сочетания названия культурного растения с пейоративным определением.

По степени семантической спаянности компонентов составные наименования земледельческих понятий могут быть устойчивыми и относительно свободными. В названиях второго типа опорный компонент указывает на принадлежность обозначаемого объекта к определенному ряду однородных предметов, а дефинитивный компонент — на существенный и непреходящий признак субъекта, отличающий данную разновидность от других членов объединяющего их ряда. В конкретной речевой ситуации опорный компонент такого названия может взять на себя семантическую нагрузку всего составного наименования. А составные наименования с устойчивой связью компонентов способны указывать на внеязыковую действительность лишь при совместной реализации обоих компонентов. Это связано с тем, что в названиях подобного типа дефинитивные компоненты служат не для дифференциации однородных предметов, а для различения или противопоставления предметов, принадлежащих к разным логико-понятийным (логико-предметным) рядам.

Большое место в чувашской земледельческой лексике занимают семантические дериваты, и прежде всего метафорические образования. Генетическими метафорами являются большинство названий способов кладки снопов, составных частей земледельческих орудий и морфологических частей сельскохозяйственных культур, наименований физиологических свойств и болезней культурных растений. Традиционными источниками метафорического переноса в земледельческую лексику являются обозначения изменения состояния человека, названия частей тела человека и животных, а также наименования женских украшений, видов и деталей одежды.

Среди терминов иноязычного происхождения значительное место занимают заимствования из русского языка, имеются также татарские, марийские заимствования и единичные термины, проникшие из других языков. Заимствуются обычно названия предметов — имена существительные, а в случае необходимости они становятся базой для образования соответствующих глагольных наименований. Заимствования в основном сосредоточены в тематических подгруппах названий культурных растений и земледельческих орудий.

Агроботаническая лексика диалектного языка состоит из звеньев постоянных и территориально варьирующихся. В тематической подгруппе «названия полевых культур» в основном представлены единые общечувашские слова, имеющие лишь местные произносительные варианты. Возделывание огородных и садовых культур в прошлом у чувашей носило очаговый характер, поэтому большинство этих растений не имеет в диалектном языке единых общепринятых названий, к тому же основная часть заимствований в агроботаническую лексику размещена в терминологической подгруппе огородно-садовых культур. Для народной номенклатуры сорнополевых трав, морфологических частей и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур характерны термины зонального распространения и спорадического употребления. Иноязычных вкраплений в этих подгруппах немного, и они в основном носят узколокальный характер. Примечательно то обстоятельство, что среди названий морфологических частей и физиологических свойств культурных растений большинство составляют терминологизированные включения из других тематических словарных групп диалектного языка.

Система отношений народных агроботанических терминов (за исключением терминологической подгруппы полевых культур) плану реалий очень сложная: даже в частной диалектной системе, не говоря уже о диалектном языке в целом, нередко несколько названий соответствуют одной и той же реалии. По-видимому, часть терминов, которые современными диалектоносителями воспринимаются как дублиеты, еще в недавнем прошлом служили целям детализации и специализации. Сказанное прежде всего касается обозначений фаз развития

злаков: произрастания, кущения, входа в трубку, колошения, молочной зрелости зерна, восковой зрелости и т.д., а также названий, передающих изменение формы морфологических частей других культур в процессе их развития. Когда землю изъяли из частной собственности, необходимость такого тонкого различения и отграничения отпала. Некоторые термины вышли из живого массового употребления, а другие расширили свои значения.

Народные агроботанические термины, сочетающие «нагую простоту» со смысловой емкостью, своеобразно свидетельствуют о тех «земледельческих достоинствах» чувашей, о которых восторженно отзывались российские этнографы XIX и XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1—4. М.; Л.: Наука, 1958—1989.
2. *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука, 1984. 264 с.
3. *Ахметьянов Р.Г.* Из области лексических взаимосвязей языков Поволжья (Этимологические заметки) // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары: Изд. ЧНИИ ЯЛИЭ, 1986. С. 124—131.
4. *Ахметьянов Р.Г.* Татарский язык в Волго-Камском языковом союзе. Автореф. дис.... докт. филол. наук. Казань, 1993. 36 с.
5. *Ахунзянов Э.М.* Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 189 с.
6. *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань: Типо-литография В.М.Ключникова, 1903. 570 с.
7. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. В 17 т. Казань; Чебоксары, 1928—1950.
8. *Басилая Н.А.* Бинарные метафорические словосочетания. Автореф. дис... канд. филол. наук. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1972. 28 с.
9. *Будагов Р.А.* Сходства и несходства между родственными языками: Романский лингвистический материал. М.: Наука, 1985. 272 с.
10. *Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 264 с.
11. *Виноградов В.В.* «Синтаксис русского языка» акад. А.А.Шахматова // *Виноградов В.В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 357—419.
12. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
13. *Гаврилов Б.Г.* Опыт исследования чувашского земледелия. Вып. 1. Чебоксары, 1921. 68 с.
14. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977. 300 с.
15. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 256 с.
16. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1960. С. 68—72.
17. *Дамдинов Д.Г.* О сельскохозяйственных терминах в монгольских языках // Исследования по восточной филологии (К семидесятилетию профессора Санжеева Г.Д.). М.: Вост. лит., 1974. С. 51—63.
18. *Дегтярев Г.А.* Заметки о пейоративно-оценочной номинации // Вестник Чувашской национальной академии. Чебоксары, 1994. № 2. С. 68—72.

19. *Дегтярев Г.А.* Лексика земледелия в чувашском языке. Дис.... канд. филол. наук. Л., 1987. 162 с.
20. *Дегтярев Г.А.* О метафорической номинации в тюркских языках // *Чувашский язык и алтаистика.* Чебоксары: Изд. ЧГИГН, 1995. С. 97—100.
21. *Дегтярев Г.А.* О номинации трав в чувашском языке // *Советская тюркология.* Баку, 1986. № 1. С. 75—78.
22. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI—начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.
23. *Дмитриева Л.В.* Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // *Исследования в области этимологии алтайских языков.* Л.: Наука, 1979. С. 135—189.
24. *Дмитриева Л.В.* Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений в тюркских языках // *Проблемы общности алтайских языков.* Л.: Наука, 1971. С. 152—160.
25. *Дмитриева Ю.* [К] этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. IV // *Чувашский язык: история и этимология.* Чебоксары: Изд. ЧНИИ ЯЛИЭ, 1987. С. 65—82.
26. *Дмитриева Ю.* К этимологии названий травянистых растений в чувашском языке. V // *Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка.* Чебоксары: Изд. ЧНИИ ЯЛИЭ, 1988. С. 36—55.
27. *Добродомов И.Г.* Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков // *ВЯ,* 1974. № 4. С. 106—115.
28. *Древнетюркский словарь.* Л.: Наука, 1969. 676 с.
29. *Егоров В.Г.* Введение в изучение чувашского языка. М.: Изд-во народ. СССР, 1930. 199 с.
30. *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Изд. 2-е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 204 с.
31. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1964. 355 с.
32. *Егоров Н.И.* Булгаро-чувашский язык в Евразийском геополитическом пространстве в последние два тысячелетия своей истории // *Историко-этимологическое изучение чувашского и алтайских языков.* Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1999. С. 13—27.
33. *Егоров Н.И.* Историческое развитие чувашской лексики // *Современный чувашский литературный язык.* Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 128—145.
34. *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология // *Теория и практика этимологических исследований.* М.: Наука, 1985. С. 55—66.
35. *Егоров Н.И., Ефимов Ю.Ф.* Материалы к вопросу о татарских лексических заимствованиях в чувашском языке // *Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии.* Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ, 1986. С. 65—84.
36. *Жирмунский В.М.* О границах слова // *ВЯ,* 1961. № 3. С. 3—21.
37. *Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // *Способы номинации в современном русском языке:* М.: Наука, 1982. С. 45—109.
38. *Иванов В.П.* Чувашская даспора: расселение и численность. Этнографический справочник. Чебоксары: Изд. ЧГИГН, 1999. 316 с.
39. *Исследования Великого города.* М.: Наука, 1976. 262 с.

40. История Чувашской АССР. Изд. 2-е. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. 288 с.
41. *Каховский В.Ф.* Чăвашсем: Историллĕ-этнографиллĕ очерксем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1984. 192 с.
42. *Корнилов Г.Е.* Евразийские лексические параллели. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. 298 с.
43. *Кубрякова Е.С.* Производное слово в лексике и грамматике // Слово в грамматике и словаре. М.: Наука, 1984. С. 60—69.
44. *Куданова З.М.* Определитель высших растений Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 342 с.
45. *Лукоянов Г.В.* Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1973. 119 с.
46. *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
47. *Марков М.В.* Сорнополевая растительность и методика ее изучения. Казань, 1970. 50 с.
48. Материалы по чувашской диалектологии. В 5 т. Чебоксары: Изд. НИИ ЯЛИЭ, 1960—1997.
49. *Муминов Т.А.* Проблемы вторичной номинации в лексике: Образование переносного значения. Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1978. 36 с.
50. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 258 с.
51. *Нестеров В.А.* Над картой Чувашии (Историко-топонимические заметки). Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1980. 144 с.
52. *Никитевич В.М.* Субстантив в составе номинативных рядов. Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1973. 28 с.
53. *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгиз, 1928. 224 с.
54. *Павел В.К.* Лексическая номинация (На материале молдавских народных говоров). Кишинев, 1983. 211 с.
55. *Пизани В.* Этимология: История—проблемы—методы. М.: Иностр. лит., 1956. 188 с.
56. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
57. *Пронин И.М.* Чувашская легенда о том, как началось хлебопашество // Этнографическое обозрение, 1914. № 1—2. С. 175—177.
58. *Редеев К., Рона-Таш А.* Об одном агрикультурном термине в языках Среднего Поволжья // *Turcologica*, 1976. Л.: Наука, 1976. С. 142—145.
59. *Рона-Таш А.* Алтайский и индоевропейский (Заметки на полях книги Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс.Иванова) // ВЯ, 1990. № 1. С. 26—37.
60. *Рона-Таш А.* Проблемы периодизации истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары: Изд. НИИ ЯЛИЭ, 1980. С. 3—13.
61. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1—4. М.: Наука, 1978—1989.
62. *Сергеев В.И.* Развитие лексической семантики чувашского языка (Основные тенденции). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 175 с.
63. *Сергеев Л.П.* Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. 104 с.

64. *Сергеев Л.П.* Чувашские диалектные названия картофеля и их география //Диалекты и топонимия Поволжья: Материалы и сообщения. Вып. 1. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1972. С. 53—62.
65. *Серебрянников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.
66. *Смирнов А.П.* Археологические памятники Чувашии и проблемы этногенеза чувашского народа //О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Изд. НИИ ЯЛИЭ, 1957. С. 5—27.
67. *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков: Названия культурных растений. М.: Наука, 1982. 167 с.
68. *Татищев В.Н.* История Российская. В 7 т. Т. III. М.—Л.: Наука, 1964. 338 с.
69. *Терегулова Р.Н.* Русские заимствования в башкирском языке. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1957. 88 с.
70. *Трубачев О.Н.* О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С. 6—15.
71. *Уюкбаева Г.И.* Народные наименования растений (На материале английского, русского и казахского языков). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1983. 26 с.
72. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986—1987.
73. *Фахрутдинов Р.Г.* Мелодия камней. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 224 с.
74. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.
75. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Чебоксары: Изд. ЧГИГН, 1996.
76. *Фенрих Х.К.* К картвельской лексике //Этимология, 1978. М.: Наука, 1980. С. 178—181.
77. *Фокин П.П.* Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края во второй половине XIX—начале XX вв. //Бытовая культура чувашей: Материалы к историко-этнографическому атласу. Чебоксары: Изд. ЧНИИ ЯЛИЭ, 1985. С. 3—29.
78. *Фокин П.П.* Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине XIX—начале XX вв.: Материалы к историко-этнографическому атласу // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары: Изд. ЧНИИ ЯЛИЭ, 1988. С. 33—52.
79. *Халиков Н.А.* Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья XIX—начала XX вв.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1981. 125 с.
80. Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высш. школа, 1973. С. 192—200.
81. Чăваш халăх сăмахлăхĕ. III—IV т. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1978—1979.
82. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. 2-е изд. стереот. М.: Рус. яз., 1994.
83. *Шмелев Д.Н.* Введение //Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 3—44.

84. *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII—XIV вв.). СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1997. 292 с.
85. *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára.* Köt. 1—3. Budapest, 1967—1976.
86. *Berta A.* Zwei Wolgabolgarische Lehnwörter in der Mundart der getauften Tataren // *Studies in Chuvash Etymology*, 1. Szeged, 1982. S. 14—19.
87. *Baytop T.* Türkçe bitki adları sözlüğü. Ankara, 1997. 512 S.
88. *Ceylan E.* Çuvaşça çok zamanlı ses bilgisi. Ankara, 1997. XIII + 256 S.
89. *Clayson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. 989 p.
90. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 2. Wiesbaden, 1965. 671 S.
91. *Doerfer G.* Tschuwaschisch -m < urtürkisch *-m (> gemeintürkisch -n) // *Ural-Altäische Jahrbücher* 45. Wiesbaden, 1973. S. 174—212.
92. *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 30). Helsinki, 1912. XVIII + 252 S.
93. *Paasonen H.* Tschuwaschisches Wörterverzeichnis. Szeged, 1974. 244 S.
94. *Poppe N.* Die türkischen Lehnwörter im Tschuwassischen // *Ungarische Jahrbücher*. Berlin, 1927. Bd. 7. Heft 2. S. 151—167.
95. *Poppe N.* On Chuvash-Mongolian Linguistic Contacts // *Journal of the American Oriental Society*. Baltimore, 1977. Vol. 97. No. 2. P. 111—114.
96. *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 48). Helsinki, 1920. XVI + 276 S.
97. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 534 S.
98. *Rédei K., Róna-Tas A.* Öspermi és votják jövevényiszavak a csuvasban // *Nyelvtudományi Közlemények*, 82. Budapest, 1980. C. 125—133.
99. *Scherner B.* Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Wiesbaden, 1977. 231 S.
100. *Uluslararası türk dili kongresi.* 1988. Ankara, 1996. XVII + 488 S.
101. *Yenisoy H.S.* Tarih boyunca slav-türk dil ilişkileri. Ankara, 1998. 312 S.
102. *Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 21). Helsinki, 1903. XXVIII + 171 S.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

- адыг.** — адыгейский
аз. — азербайджанский
алт. — алтайский
англ. — английский
башк. — башкирский
башк. г. — башкирские говоры чувашского языка (чувашские говоры на территории Республики Башкортостан)
белорус. — белорусский
болг. — болгарский
булг. — болгарский
венг. — венгерский
верх. — верховой диалект чувашского языка
груз. — грузинский
дат. — датский
др.-булг. — древнебулгарский
др.-иран. — древнеиранский
др.-огуз. — древнеогузский
др.-сканд. — древнескандинавский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
иран. — иранский
исл. — исландский
итал. — итальянский
кабард. — кабардинский
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
кар. — караимский
карах.-уйг. — караханидский
к.-балк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский
к.-калп. — каракалпакский
койб. — койбальский диалект хакасского языка
коми-зыр. — коми-зырянский
кум. — кумыкский
лак. — лакский
лезг. — лезгинский
лит. — литовский
манс. — мансийский
мар. — марийский
мар. г. — горномарийский
мар. л. — луговой (лугово-восточный) марийский
мегр. — мегрельский
молд. — молдавский

монг. — монгольский
морд. — мордовский
морд. м. — мокша-мордовский (мокшанский)
морд. э. — эрзя-мордовский (эрзянский)
нем. — немецкий
низ. — низовой диалект чувашского языка
ног. — ногайский
н.-перс. — новоперсидский
обшетьюрк. — обшетьюркский
оренб. г. — оренбургские говоры чувашского языка
осет. — осетинский
пенз. г. — пензенские говоры чувашского языка
перс. — персидский
п.-монг. — письменно-монгольский
праслав. — праславянский
пратюрк. — пратюркский
рус. — русский
самар. г. — самарские говоры чувашского языка
санскр. — санскрит
сарат. г. — саратовские говоры чувашского языка
серб. — сербский
с.-з. — северо-западные говоры верхового диалекта
сиб.-тат. — сибирско-татарский
словен. — словенский
сред. — средний диалект чувашского языка
ср.-булг. — среднебулгарский
ср.-монг. — среднемонгольский
с.-юг. — сарыг-югурский (язык желтых уйгуров)
табас. — табасаранский
тат. — татарский
тат. г. — татарские говоры чувашского языка
тув. — тувинский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский, тюркские
удм. — удмуртский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
укр. — украинский
ульян. г. — ульяновские говоры чувашского языка
фр. — французский
хак. — хакасский
хант. — хантыйский
х.-монг. — халха-монгольский
чаг. — чагатайский
чеч. — чеченский
чеш. — чешский
чув. — чувашский
швед. — шведский
як. — якутский

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ

- А.-Ахпердино — Аниш-Ахпердино Канашского района Чувашской Республики (ЧР)
- А.-Базары — Андреево-Базары Козловского р-на ЧР
- Абашево — Абашево Чебоксарского р-на ЧР
- Абдуловка — Абдуловка Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.
- Абрыскино — Абрыскино Октябрьского р-на Республики Татарстан (РТ)
- Абызово — Абызово Вурнарского р-на ЧР
- Аделькино — Аделькино Белебеевского р-на Республики Башкортостан (РБ)
- Азбаба — Азбаба Апастовского р-на РТ
- Айдарово — Айдарово Козловского р-на ЧР
- Аккиреево — Аккиреево Черемшанского р-на РТ
- Аккозино — Аккозино Мариинско-Посадского р-на (с 1955 г. в составе с.Октябрьское) ЧР
- Акрамово — Акрамово Моргаушского р-на ЧР
- Аксарино — Аксарино Канашского р-на ЧР
- Актай — Актай Моргаушского р-на ЧР
- Акулево — Акулево Чебоксарского р-на ЧР
- Албахтино — Албахтино Красноармейского р-на ЧР
- Алгазино — Алгазино Вурнарского р-на ЧР
- Алдиарово — Алдиарово Янтиковского р-на ЧР
- Алешкино — Алешкино Сенгилеевского р-на Ульяновской обл.
- Аликово — Аликово Красночетайского р-на ЧР
- Алинкино — Алинкино Барышского р-на Ульяновской обл.
- Алманчино — Алманчино Красноармейского р-на ЧР
- Алымкасы — Алымкасы Чебоксарского р-на ЧР
- Альгешево — Альгешево Чебоксарского р-на ЧР
- Альшеево — Альшеево Буинского р-на РТ
- Альшихово — Альшихово Буинского р-на РТ
- Амалыково — Амалыково Янтиковского р-на ЧР
- Антоновка — Антоновка Гафурийского р-на РБ
- Арабоси — Арабоси Урмарского р-на ЧР
- Арзаматово — Арзаматово Мариинско-Посадского р-на ЧР
- Артамоновка — Артамоновка Абдулинского р-на Оренбургской обл.
- Артемьевка — Артемьевка Абдулинского р-на Оренбургской обл.
- Артюшкино — Артюшкино Шенталинского р-на Самарской обл.
- Асавбашево — Асавбашево Аургазинского р-на РБ
- Асаново — Асаново Комсомольского р-на ЧР
- Асаново Ш. — Асаново Шумерлинского р-на ЧР
- А.-Саплык — Алешкин-Саплык Дрожжановского р-на РТ
- Аслыялы — Аслыялы Канашского р-на ЧР
- Атнары — Атнары Красночетайского р-на ЧР

Атнашево — Атнашево Канашского р-на ЧР
 Аттиково — Аттиково Козловского р-на ЧР
 Ахманеи — Ахманеи Моргаушского р-на ЧР
 Ачакасы — Ачакасы Канашского р-на ЧР
 Базгиево — Базгиево Шаранского р-на РБ
 Базлык — Базлык Бижбулякского р-на РБ
 Байгеево — Байгеево Цивильского р-на ЧР
 Байгулово — Байгулово Козловского р-на ЧР
 Байдеряково — Байдеряково Яльчикского р-на ЧР
 Байдеряково С. — Байдеряково Шигонского р-на Самарской обл.
 Байдулино — Байдулино Теренгульского р-на Ульяновской обл.
 Б.Аккозино — Большое Аккозино Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Бал.-Баишево — Балабаш-Баишево Батыревского р-на ЧР
 Балдаево — Балдаево Ядринского р-на ЧР
 Бархаткино — Бархаткино Ядринского р-на ЧР
 Б.Атмени — Большие Атмени Красночетайского р-на ЧР
 Бахтигильдино — Бахтигильдино Батыревского р-на ЧР
 Б.Багиши — Большие Багиши Ядринского р-на ЧР
 Б.Выла — Большая Выла Аликовского р-на ЧР
 Б.Гора — Белая Гора Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.
 Беляево — Беляево Янтиковского р-на ЧР
 Бердяш — Бердяш Зилаирского р-на РБ
 Бигильдино — Бигильдино Козловского р-на ЧР
 Бикмурзино — Бикмурзино Неверкинского р-на Пензенской обл.
 Бишево — Бишево Урмарского р-на ЧР
 Бишкаин — Бишкаин Аургазинского р-на РБ
 Б.Карачкино — Большое Карачкино Моргаушского р-на ЧР
 Б.Крышки — Большие Крышки Цивильского р-на ЧР
 Б.Матаки — Базарные Матаки Алькеевского р-на РТ
 Б.Микушкино — Большое Микушкино Сергиевского р-на Самарской обл.
 Бобблькасы — Бобблькасы Ядринского р-на ЧР
 Богатырево — Богатырево Цивильского р-на ЧР
 Богдашкино — Богдашкино Тетюшского р-на РТ
 Богдашкино У. — Богдашкино Цильнинского р-на Ульяновской обл.
 Борьба — Борьба Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.
 Б.-Солонец — Березово-Солонец Ставропольского р-на Самарской обл.
 Б.Татаркасы — Большие Татаркасы Моргаушского р-на ЧР
 Б.Таяба — Большая Таяба Яльчикского р-на ЧР
 Б.Тугаево — Большое Тугаево Цивильского р-на ЧР
 Буинск — Буинск Урмарского р-на ЧР
 Булдеево — Булдеево Цивильского р-на ЧР
 Булатово — Булатово Вурнарского р-на ЧР
 Буртасы — Буртасы Вурнарского р-на ЧР
 Б.Хирлепы — Большие Хирлепы Вурнарского р-на ЧР
 Б.Чаки — Большие Чаки Урмарского р-на ЧР
 Б.Чурашево — Большое Чурашево Ядринского р-на ЧР
 Б.Шатьма — Большая Шатьма Красноармейского р-на ЧР
 Б.Шемякино — Большое Шемякино Тетюшского р-на РТ
 Б.Янгильдино — Большое Янгильдино Чебоксарского р-на ЧР

Б.Яльчики — Большие Яльчики Яльчикского р-на ЧР
 Б.Ямашево — Большое Ямашево Аликовского р-на ЧР
 Б.Яныши — Большие Яныши Чебоксарского р-на ЧР
 Б.Яуши — Большие Яуши Вурнарского р-на ЧР
 Б.Яуши (верховой диалект) — см.: Николаевское
 Важуково — Важуково Чебоксарского р-на ЧР
 В.Аккозино — Верхнее Аккозино Красночетайского р-на ЧР
 Васильевка — Васильевка Абдулинского р-на Оренбургской обл.
 Васильевка РБ — Васильевка Ишимбайского р-на РБ
 В.Атыково — Верхнее Атыково Батыревского р-на ЧР
 В.Ачаки — Верхние Ачаки Ядринского р-на ЧР
 В.Бурнаши — Верхние Бурнаши Ядринского р-на ЧР
 В.Буяново — Верхнее Буяново Шемуршинского р-на ЧР
 В.Елыши — Верхние Елыши Аликовского р-на ЧР
 Веселовка — Веселовка Федоровского р-на РБ
 Видесючь — Видесючь Аликовского р-на ЧР
 Визикасы — Визикасы Цивильского р-на ЧР
 Вишневка — Вишневка Бижбулякского р-на РБ
 В.Карачуры — Верхние Карачуры Аликовского р-на ЧР
 В.Курмей — Верхний Курмей Абдулинского р-на Оренбургской обл.
 В.Олгаши — Верхние Олгаши Моргаушского р-на ЧР
 Вомбакасы — Вомбакасы Моргаушского р-на ЧР
 В.Панклеи — Верхние Панклеи Моргаушского р-на ЧР
 В.Тимерсяны — Верхние Тимерсяны Цильнинского р-на ЧР
 В.Турмышево — Верхнее Турмышево Батыревского р-на ЧР
 В.-Туруново — Вурманкас-Туруново Чебоксарского р-на ЧР
 Вурумсют — Вурумсют Цивильского р-на ЧР
 Вутабоси — Вутабоси Канашского р-на ЧР
 Вырастайкино — Вырастайкино Сенгилеевского р-на Ульяновской обл.
 Городище — Городище Дрожжановского р-на РТ
 Досаево — Досаево Красноармейского р-на ЧР
 Дубовка М. — Дубовка Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Дюртюли — Дюртюли Шаранского р-на РБ
 Егоркино — Егоркино Октябрьского р-на РТ
 Елаур — Елаур Сенгилеевского р-на Ульяновской обл.
 Елаши — Елаши Цивильского р-на ЧР
 Емелькино — Емелькино Шенталинского р-на Самарской обл.
 Еметкино — Еметкино Козловского р-на ЧР
 Ердово — Ердово Чебоксарского р-на ЧР
 Еремкино — Еремкино Хвалынского р-на Саратовской обл.
 Ермошкино — Ермошкино Вурнарского р-на ЧР
 Живаткино — Живаткино Барышского р-на Ульяновской обл.
 Журавлевка — Журавлевка Аургазинского р-на РБ
 Завражное — Завражное Чебоксарского р-на ЧР
 Захаркино — Захаркино Абдулинского р-на Оренбургской обл.
 Зириклы — Зириклы Бижбулякского р-на РБ
 Ибрайкино — Ибрайкино Бижбулякского р-на РБ
 Ивашкино — Ивашкино Черемшанского р-на РТ
 Изамбаево — Изамбаево Ядринского р-на ЧР
 И.-Гора — Илим-Гора Неверкинского р-на Пензенской обл.

Избеби — Избеби Урмарского р-на ЧР
Изванкино — Изванкино Аликовского р-на ЧР
Икково — Икково Чебоксарского р-на ЧР
Илгышево — Илгышево Аликовского р-на ЧР
Илебары — Илебары Козловского р-на ЧР
Илькино — Илькино Белебеевского р-на РБ
Илюшкино — Илюшкино Неверкинского р-на Пензенской обл.
Имбюрти — Имбюрти Цивильского р-на ЧР
Имелево — Имелево Канашского р-на ЧР
Именево — Именево Батыревского р-на ЧР
Именево Кр. — Именево Красноармейского р-на ЧР
Индырчи — Индырчи Янтиковского р-на ЧР
Иоково — Иоково Тетюшского р-на РТ
Ирхкасы — Ирхкасы Моргаушского р-на ЧР
Ирх-Сирмы — Ирх-Сирмы Канашского р-на ЧР
Исайкино — Исайкино Абдулинского р-на Оренбургской обл.
Исаково — Исаково Красноармейского р-на ЧР
Испуханы — Испуханы Ядринского р-на ЧР
Ишаки — Ишаки Чебоксарского р-на ЧР
Кадикасы — Кадикасы Моргаушского р-на ЧР
Казанла — Казанла Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.
Кайсарово — Кайсарово Цильнинского р-на Ульяновской обл.
Калинино — Калинино Вурнарского р-на ЧР
Калмантай — Калмантай Вольского р-на Саратовской обл.
Калмыково — Калмыково Моргаушского р-на ЧР
К.Ключ — Каменный Ключ Павловского р-на Ульяновской обл.
Карабаево — Карабаево Яльчикского р-на ЧР
Карабаши — Карабаши Мариинско-Посадского р-на ЧР
Карамышево — Карамышево Козловского р-на ЧР
Карачево — Карачево Козловского р-на ЧР
Карк-Сирмы — Карк-Сирмы Красночетайского р-на ЧР
Кармалейка — Кармалейка Барышского р-на Ульяновской обл.
Кармалы — Кармалы Аликовского р-на ЧР
Картлуево — Картлуево Козловского р-на ЧР
Катергино — Катергино Козловского р-на ЧР
Качалово — Качалово Аликовского р-на ЧР
Кашмаши — Кашмаши Моргаушского р-на ЧР
К.-Богданово — Кистенли-Богдановка Бижбулякского р-на РБ
Килейкасы — Килейкасы Цивильского р-на ЧР
Кильдишево — Кильдишево Ядринского р-на ЧР
Кильдюшево — Кильдюшево Яльчикского р-на ЧР
Кинеры — Кинеры Козловского р-на ЧР
Кирюшкино — Кирюшкино Федоровского р-на РБ
К.-Новотимбаево — Кошки-Новотимбаево Тетюшского р-на РТ
Ковали — Ковали Урмарского р-на ЧР
К.Овраг — Каменный Овраг Неверкинского р-на Пензенской обл.
Кожары — Кожары Красноармейского р-на ЧР
Козыльяры — Козыльяры Урмарского р-на ЧР
Кораккасы — Кораккасы Аликовского р-на ЧР
Коракши — Коракши Аликовского р-на ЧР

Корноухово — Корноухово Апастовского р-на РТ
 Косяковка — Косяковка Стерлитамакского р-на РБ
 Кош-Елга — Кош-Елга Бижбулякского р-на РБ
 Кошноруй — Кошноруй Канашского р-на ЧР
 Кр.Горка — Красная Горка Цивильского р-на ЧР
 Криволучье — Криволучье Неверкинского р-на Пензенской обл.
 Криуши — Криуши Козловского р-на ЧР
 Кр.Четаи — Красные Четаи Красночетайского р-на ЧР
 К.-Сирмы — Кашкар-Сирмы Канашского р-на ЧР
 Кубня — Кубня Ибресинского р-на ЧР
 Кугеево — Кугеево Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Кудемеры — Кудемеры Козловского р-на ЧР
 Кудеснеры — Кудеснеры Урмарского р-на ЧР
 Кульгеши — Кульгеши Урмарского р-на ЧР
 Кумаккасы — Кумаккасы Ядринского р-на ЧР
 К.-Шемурша — Карабай-Шемурша Шемуршинского р-на ЧР
 Латышево — Латышево Янтиковского р-на ЧР
 Липово — Липово Козловского р-на ЧР
 Лаш-Таяба — Лаш-Таяба Яльчикского р-на ЧР
 Л.Туваны — Лесные Туваны Шумерлинского р-на ЧР
 Мадикасы — Мадикасы Чебоксарского р-на ЧР
 Малячкино — Малячкино Шигонского р-на Самарской обл.
 Мартыново — Мартыново Козловского р-на ЧР
 М.Атмени — Малые Атмени Красночетайского р-на ЧР
 М.Бишево — Малое Бишево Козловского р-на ЧР
 Месели — Месели Аургазинского р-на РБ
 М.Ибряйкино — Малое Ибряйкино Похвистневского р-на Самарской обл.
 М.Карачево — Малое Карачево Козловского р-на ЧР
 М.Карачкино — Малое Карачкино Ядринского р-на ЧР
 М.Кибечи — Малые Кибечи Канашского р-на ЧР
 М.Кошелеи — Малые Кошелеи Комсомольского р-на ЧР
 М.Менеуз — Малый Менеуз Бижбулякского р-на РБ
 М.Микушкино — Малое Микушкино Сергиевского р-на Самарской обл.
 М.Нагадак — Малый Нагадак Аургазинского р-на РБ
 Можары — Можары Козловского р-на ЧР
 Молгачкасы — Молгачкасы Моргаушского р-на ЧР
 Мошкасы — Мошкасы Чебоксарского р-на ЧР
 М.Русаково — Малое Русаково Апастовского р-на РТ
 М.Сунчелеево — Малое Сунчелеево Аксубаевского р-на РТ
 М.Туваны — Малые Туваны Шумерлинского р-на ЧР
 М.Тюмерли — Малые Тюмерли Ядринского р-на ЧР
 Мусирмы — Мусирмы Урмарского р-на ЧР
 М.Таяба — Малая Таяба Яльчикского р-на ЧР
 М.Хомутерь — Малая Хомутерь Барышского р-на Ульяновской обл.
 М.Чёллы — Малые Чёллы Красноармейского р-на ЧР
 М.Четаи — Малые Четаи Ядринского р-на ЧР
 М.Шемердяны — Малые Шемердяны Ядринского р-на ЧР
 М.Шигаево — Малое Шигаево Мариинско-Посадского р-на ЧР

Мыслец — Мыслец Шумерлинского р-на ЧР
 М.Яуши — Малые Яуши Вурнарского р-на ЧР
 Н.Абакасы — Нижние Абакасы Ибресинского р-на ЧР
 Н.Аверкино — Нижнее Аверкино Похвистневского р-на Самарской обл.
 Н.Айбеси — Новые Айбеси Алатырского р-на ЧР
 Н.Аксубаево — Новое Аксубаево Аксубаевского р-на РТ
 Н.Алгаши — Новые Алгаши Цильнинского р-на Ульяновской обл.
 Наратасы — Наратасы Шаранского р-на РБ
 Н.Арланово — Новое Арланово Яльчикского р-на ЧР
 Н.Ахпердино — Новое Ахпердино Батыревского р-на ЧР
 Н.Байгулово — Новое Байгулово Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Н.Бурнаши — Нижние Бурнаши Ядринского р-на ЧР
 Неверкино — Неверкино Неверкинского р-на Пензенской обл.
 Нижарово — Нижарово Янтиковского р-на ЧР
 Н.Изамбаево — Новое Изамбаево Яльчикского р-на ЧР
 Николаевка — Николаевка Аургазинского р-на РБ
 Николаевское — Николаевское Ядринского р-на ЧР
 Н.Ильмово — Новое Ильмово Черемшанского р-на РТ
 Нискасы — Нискасы Моргаушского р-на ЧР
 Н.Кармалы — Новые Кармалы Миякинского р-на РБ
 Н.Кибекси — Нижние Кибекси Цивильского р-на ЧР
 Н.Куганары — Нижние Куганары Аликовского р-на ЧР
 Н.Курмей — Нижний Курмей Абдулинского р-на Оренбургской обл.
 Н.Лебежайкино — Новая Лебежайка Старокулаткинского р-на Ульяновской обл.
 Н.Магазь — Нижний Магазь Чебоксарского р-на ЧР
 Новоселка — Новоселка Федоровского р-на РБ
 Н.Олгаши — Нижние Олгаши Моргаушского р-на ЧР
 Н.Панклеи — Нижние Панклеи Моргаушского р-на ЧР
 Н.-Семенкино — Новосеменкино Чекмагушевского р-на РБ
 Н.Сихтерма — Новая Сихтерма Алькеевского р-на РТ
 Н.Сунары — Нижние Сунары Ядринского р-на ЧР
 Н.Тимерсяны — Нижние Тимерсяны Цильнинского р-на Ульяновской обл.
 Н.Турмышево — Нижнее Турмышево Батыревского р-на ЧР
 Н.Узеево — Новое Узеево Аксубаевского р-на РТ
 Н.Шальтямы — Новые Шальтямы Канашского р-на ЧР
 Н.Шептахово — Новое Шептахово Урмарского р-на ЧР
 Н.Шимкусы — Новые Шимкусы Яльчикского р-на ЧР
 Н.Эштебенькино — Новое Эштебенькино Челно-Вершинского р-на Самарской обл.
 Н.-Юмашево — Новоюмашево Шаранского р-на РБ
 Нюргечи — Нюргечи Комсомольского р-на ЧР
 Нюшкасы — Нюшкасы Янтиковского р-на ЧР
 Н.Якушка — Нижняя Якушка Новомалыклинского р-на Ульяновской обл.
 Н.Якушкино — Новое Якушкино Волжского р-на Самарской обл.
 Н.Яхакасы — Новые Яхакасы Вурнарского р-на ЧР
 Ойкасы — Ойкасы Цивильского р-на ЧР
 Октябрьское — Октябрьское Мариинско-Посадского р-на ЧР

Ольдеево — Ольдеево Чебоксарского р-на (с 1971 г. в составе г.Новочебоксарска) ЧР
 Онгапось — Онгапось Чебоксарского р-на ЧР
 Орауши — Орауши Вурнарского р-на ЧР
 Орбаши — Орбаши Цивильского р-на ЧР
 Оринино — Оринино Моргаушского р-на ЧР
 Орнары — Орнары Урмарского р-на ЧР
 Пайки — Пайки Вурнарского р-на ЧР
 Первомайское — Первомайское Батыревского р-на ЧР
 Персирланы — Персирланы Ядринского р-на ЧР
 Петровка — Новопетровка Шаранского р-на РБ
 Пизенеры — Пизенеры Аликовского р-на ЧР
 Пизипово — Пизипово Аликовского р-на ЧР
 Пиндиково — Пиндиково Козловского р-на ЧР
 Поваркасы — Поваркасы Цивильского р-на ЧР
 П.-Быбыть — Починок-Быбыть Комсомольского р-на ЧР
 Пояндайкино — Пояндайкино Шумерлинского р-на ЧР
 Пр.-Каша — Пролей-Каша Тетюшского р-на РТ
 П.Чурачики — Подлесные Чурачики Комсомольского р-на ЧР
 П.Яндоуши — Передние Яндоуши Канашского р-на ЧР
 Раково — Раково Буинского р-на РТ
 Рождественка — Рождественка Шаранского р-на РБ
 Рунга — Рунга Буинского р-на РТ
 Рыкакасы — Рыкакасы Моргаушского р-на ЧР
 Сабанчино — Сабанчино Яльчикского р-на ЧР
 Савгачево — Савгачево Аксубаевского р-на РТ
 Савруши — Савруши Аксубаевского р-на РТ
 Салдакеево — Салдакеево Октябрьского р-на РТ
 Санарпоси — Санарпоси Вурнарского р-на ЧР
 Сатышево — Сатышево Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Семенчино — Семенчино Козловского р-на ЧР
 Сеткасы — Сеткасы Ядринского р-на ЧР
 Сехры — Сехры Ядринского р-на ЧР
 Синерь — Синерь Аликовского р-на ЧР
 Синьялы — Синьялы Цивильского р-на ЧР
 Систеби — Систеби Урмарского р-на ЧР
 Ситмиши — Ситмиши Урмарского р-на ЧР
 Слакбаш — Слакбаш Белебеевского р-на РБ
 Смолькино — Смолькино Сызранского р-на Самарской обл.
 С.Овраг — Сосновый Овраг Неверкинского р-на Пензенской обл.
 Соляной — Соляной Моргаушского р-на ЧР
 Сормвары — Сормвары Аликовского р-на ЧР
 Сосново — Сосново Красночетайского р-на ЧР
 Сотниково — Сотниково Мариинско-Посадского р-на ЧР
 С.-Покровское — Синьял-Покровское Чебоксарского р-на ЧР
 Ср.Аверкино — Среднее Аверкино Похвистневского р-на Самарской обл.
 Ср.Алгаши — Средние Алгаши Цильнинского р-на Ульяновской обл.
 Ср.Татмыши — Средние Татмыши Канашского р-на ЧР
 Ср.Тимерсяны — Средние Тимерсяны Цильнинского р-на Ульяновской обл.

Ст.Айбеси — Старые Айбеси Алатырского р-на ЧР
Ст.Алгаши — Старые Алгаши Цильнинского р-на Ульяновской обл.
Ст.Андреевка — Старая Андреевка Неверкинского р-на Пензенской обл.
Ст.Атаи — Старые Атаи Красночетайского р-на ЧР
Ст.Бурундуки — Старые Бурундуки Буинского р-на РТ
Ст.Ганькино — Староганькино Похвистневского р-на Самарской обл.
Ст.Дуваново — Старое Дуваново Дрожжановского р-на РТ
Ст.Мокшино — Старое Мокшино Аксубаевского р-на РТ
Ст.Муратово — Старое Муратово Урмарского р-на ЧР
Ст.Сахча — Старая Сахча Мелекесского р-на Ульяновской обл.
Ст.Тугаево — Степное Тугаево Цивильского р-на ЧР
Ст.Тюрлема — Старая Тюрлема Козловского р-на ЧР
Ст.Урмары — Старые Урмары Урмарского р-на ЧР
Ст.Чекурское — Старое Чекурское Дрожжановского р-на РТ
Стюхино — Стюхино Похвистневского р-на Самарской обл.
Ст.Янашево — Старое Янашево Яльчикского р-на ЧР
Ст.Янситово — Старое Янситово Урмарского р-на ЧР
Ст.Яхакасы — Старые Яхакасы Вурнарского р-на ЧР
Султангулово — Султангулово Похвистневского р-на Самарской обл.
Сунчелеево — Сунчелеево Аксубаевского р-на РТ
Сутчево — Сутчево Мариинско-Посадского р-на ЧР
Сюрлатри — Сюрлатри Моргаушского р-на ЧР
Сюткюль — Сюткюль Моргаушского р-на ЧР
Сявалкасы — Сявалкасы Вурнарского р-на ЧР
Сятраево — Сятраево Ядринского р-на ЧР
Таганы — Таганы Цивильского р-на ЧР
Тайдаково — Тайдаково Шигонского р-на Самарской обл.
Таковары — Таковары Буинского р-на РТ
Талой — Талой Ядринского р-на ЧР
Тансарино — Тансарино Урмарского р-на ЧР
Тарханы — Тарханы Батыревского р-на ЧР
Таутово — Таутово Аликовского р-на ЧР
Т.-Выла — Тури-Выла Аликовского р-на ЧР
Тенеево — Тенеево Янтиковского р-на ЧР
Теняево — Теняево Федоровского р-на РБ
Тимирзькасы — Тимирзькасы Аликовского р-на ЧР
Тиньговатово — Тиньговатово Цивильского р-на ЧР
Типсирмы — Типсирмы Чебоксарского р-на ЧР
Тиханкино — Тиханкино Красночетайского р-на ЧР
Тобурданово — Тобурданово Канашского р-на ЧР
Тогаево — Тогаево Мариинско-Посадского р-на ЧР
Тоганашево — Тоганашево Козловского р-на ЧР
Тогачь — Тогачь Аликовского р-на ЧР
Тойгильдино — Тойгильдино Моргаушского р-на ЧР
Тойдеряки — Тойдеряки Чебоксарского р-на ЧР
Тораево — Тораево Моргаушского р-на ЧР
Торопкасы — Торопкасы Аликовского р-на ЧР
Торханы — Торханы Красночетайского р-на ЧР
Торханы Ш. — Торханы Шумерлинского р-на ЧР
Тоскаево — Тоскаево Яльчикского р-на ЧР

Тренькасы — Тренькасы Чебоксарского р-на ЧР
 Три Ключа — Три Ключа Шаранского р-на РБ
 Т.-Таушево — Тайба-Таушево Тетюшского р-на РТ
 Трехбалтаево — Трехбалтаево Шемуршинского р-на ЧР
 Троицкое — Троицкое Вурнарского р-на ЧР
 Тряпино — Тряпино Аургазинского р-на РБ
 Туарма — Туарма Шенталинского р-на Самарской обл.
 Тувалькино — Тувалькино Вурнарского р-на ЧР
 Туваны — Туваны Шумерлинского р-на ЧР
 Тувси — Тувси Цивильского р-на ЧР
 Турмыши — Турмыши Янтиковского р-на ЧР
 Тюмерево — Тюмерево Янтиковского р-на ЧР
 Т.-Эткерovo — Тябердино-Эткерovo Комсомольского р-на ЧР
 Тяптяево — Тяптяево Ядринского р-на ЧР
 Уразметево — Уразметево Козловского р-на ЧР
 Уралка — Уралка Кувандыкского р-на Оренбургской обл.
 Урмаево — Урмаево Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Ускасы — Ускасы Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Ухманы — Ухманы Канашского р-на ЧР
 Федькино — Федькино Теренгульского р-на Ульяновской обл.
 Хирлукасы — Хирлукасы Красночетайского р-на ЧР
 Ходары — Ходары Шумерлинского р-на ЧР
 Х.-Батырево — Хомбуть-Батырево Ибресинского р-на ЧР
 Хорамалы — Хорамалы Ядринского р-на ЧР
 Хорнзор — Хорнзор Чебоксарского р-на ЧР
 Хорной — Хорной Моргаушского р-на ЧР
 Хочашево — Хочашево Ядринского р-на ЧР
 Хумуши — Хумуши Вурнарского р-на ЧР
 Хыркасы — Хыркасы Чебоксарского р-на ЧР
 Чадукасы — Чадукасы Красноармейского р-на ЧР
 Ч.Бюрганы — Чувашские Бюрганы Буинского р-на РТ
 Чебаково — Чебаково Ядринского р-на ЧР
 Челкасы А. — Челкасы Аликовского р-на ЧР
 Челкасы — Челкасы Урмарского р-на ЧР
 Чертаганы — Чертаганы Шумерлинского р-на ЧР
 Чешлама — Чешлама Козловского р-на ЧР
 Черепаново — Черепаново Красночетайского р-на ЧР
 Чиричкасы — Чиричкасы Цивильского р-на ЧР
 Ч.Калмаюр — Чувашский Калмаюр Чердаклинского р-на
 Ульяновской обл.
 Ч.Карамалы — Чувашские Карамалы Аургазинского р-на РБ
 Ч.Ключ — Черный Ключ Клявлинского р-на Самарской обл.
 Ч.-Кубово — Чуваш-Кубово Иглинского р-на РБ
 Ч.Кулатка — Чувашская Кулатка Старокулаткинского р-на
 Ульяновской обл.
 Ч.Менча — Чувашская Менча Октябрьского р-на РТ
 Ч.Нагадак — Чувашский Нагадак Аургазинского р-на РБ
 Чубукаран — Чубукаран Белебеевского р-на РБ
 Ч.Сорма — Чувашская Сорма Аликовского р-на ЧР
 Чуманкасы — Чуманкасы Моргаушского р-на ЧР

Чураккасы — Чураккасы Моргаушского р-на ЧР
 Чурачики — Чурачики Комсомольского р-на ЧР
 Чутеево — Чутеево Янтиковского р-на ЧР
 Ч.Черепаново — Чувашское Черепаново Тетюшского р-на РТ
 Ч.-Шинеры — Чириш-Шинеры Вурнарского р-на ЧР
 Ч.Эштебенькино — Старое Эштебенькино Челно-Вершинского р-на Самарской обл.
 Шаймурзино — Шаймурзино Яльчикского р-на ЧР
 Шакулово — Шакулово Канашского р-на ЧР
 Шатьмапоси — Шатьмапоси Моргаушского р-на ЧР
 Шеверли — Шеверли Аургазинского р-на РБ
 Шептаки — Шептаки Моргаушского р-на ЧР
 Шербашаи — Шербашаи Моргаушского р-на ЧР
 Шибулаты — Шибулаты Урмарского р-на ЧР
 Шибачево — Ишаки Чебоксарского р-на ЧР
 Шибылги — Шибылги Канашского р-на ЧР
 Шигали — Шигали Урмарского р-на ЧР
 Шимкусы — Шимкусы Янтиковского р-на ЧР
 Шинарпоси — Шинарпоси Красноармейского р-на ЧР
 Шинерпоси — Шинерпоси Чебоксарского р-на ЧР
 Шихабылово — Шихабылово Урмарского р-на ЧР
 Шланлы — Шланлы Аургазинского р-на РБ
 Шняево — Шняево Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл.
 Шобашкаркасы — Шобашкаркасы Чебоксарского р-на ЧР
 Шоркасы — Шоркасы Вурнарского р-на ЧР
 Шоркино — Шоркино Чебоксарского р-на ЧР
 Шоркистры — Шоркистры Урмарского р-на ЧР
 Штанаши — Штанаши Красночетайского р-на ЧР
 Шумерля — д.Шумерля Шумерлинского р-на ЧР
 Шумшеваши — Шумшеваши Аликовского р-на ЧР
 Шупоси — Шупоси Красноармейского р-на ЧР
 Эльбарусово — Эльбарусово Мариинско-Посадского р-на ЧР
 Эмметево — Эмметево Яльчикского р-на ЧР
 Юваново — Юваново Ядринского р-на ЧР
 Юманай — Юманай Шумерлинского р-на ЧР
 Юмашево — Юмашево Чекмагушевского р-на РБ
 Юнгапоси — Юнгапоси Моргаушского р-на ЧР
 Ягаткино — Ягаткино Моргаушского р-на ЧР
 Ягудары — Ягудары Чебоксарского р-на ЧР
 Ядринкасы — Ядринкасы Чебоксарского р-на ЧР
 Ядрино — Ядрино Ядринского р-на ЧР
 Яжуткино — Яжуткино Аликовского р-на ЧР
 Якейкино — Якейкино Аликовского р-на ЧР
 Яльчики — Яльчики Яльчикского р-на ЧР
 Ямашево — Ямашево Канашского р-на ЧР
 Ямаши — Ямаши Красночетайского р-на ЧР
 Янгорчино — Янгорчино Вурнарского р-на ЧР
 Яндоба — Яндоба Аликовского р-на ЧР
 Я.-Норваши — Яншихово-Норваши Янтиковского р-на ЧР
 Янтиково — Янтиково Янтиковского р-на ЧР

Яншихово — Яншихово Батыревского р-на ЧР
Яраккасы — Яраккасы Моргаушского р-на ЧР
Яргунькино — Яргунькино Аликовского р-на ЧР
Ярославка — Ярославка Моргаушского р-на ЧР
Ятманкино — Ятманкино Моргаушского р-на ЧР

Для заметок

Для заметок

О г л а в л е н и е

Предисловие	3
Введение	13
Глава I. Традиционная агроботаническая терминология в составе земледельческой лексики (Общая ономастическая характеристика)	15
1. Аффиксально производные термины	15
2. Составные наименования	19
3. Семантически производные названия	23
4. Заимствованные и первообразные обозначения	28
Глава II. Наименования сельскохозяйственных культур	34
1. Названия полевых культур	34
2. Названия огородных культур	44
3. Названия садовых культур	64
Глава III. Система номинации сорных растений	70
1. Структурно-семантические особенности народных названий трав	70
2. Основные принципы номинации	76
3. Типичные обозначения сорнополевых трав	92
4. Системные связи и изменения в лексике флоры	97
Глава IV. Названия морфологических частей, этапов роста и процессов онтогенеза сельскохозяйственных культур	102
Заключение	115
Литература	119
Принятые сокращения названий языков, диалектов и говоров	124
Список населенных пунктов, упомянутых в книге	126

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ДЕГТЯРЕВ Геннадий Анатольевич

**Чувашская народная
агроботаническая терминология**

Редактор *В.А.Прохорова*
Художественный редактор *А.А.Трофимов*
Корректор *Г.И.Алимасова*
Компьютерный набор и верстка *Э.В.Кирилловой*

Сдано в печать . Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура типа Times ET Chuv. Печать офсетная. Уч.-изд.л. .
Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ № .

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1.

Лицензия № 04143 от 27.02.2001.